

СЕДЬМАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВИЗАНТИНИСТОВ В ТБИЛИСИ
13—18 декабря 1965 г.

Тезисы докладов

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЕЦНИЕРЕБА“

Тбилиси

1965

СЕДЬМАЯ ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВИЗАНТИНИСТОВ В ТБИЛИСИ
13 -18 декабря 1965 г.

Тезисы докладов

Тбилиси
1965

Редактор *С. Г. Каушчишвили*

Р. М. Бартилян

К ВОПРОСУ О КАТЕПАНЕ ВОСТОКА МАГИСТРЕ
БАГАРАТЕ И ГЕНЕАЛОГИИ КЕКАВМЕНОВ

1. С конца IX века Византия, используя ослабление арабского халифата, начала свою экспансионистскую политику на Востоке. Целые области Армении превращались в провинции империи. Завершающим этапом завоеваний Византии в Армении была первая половина XI века, когда были захвачены Васпуракан и Ширак и упразднены армянские царства Арцруни и Багратуни. Византийская агрессия одновременно была распространена и на территории Грузии.

2. В новых провинциях Византии императоры назначали правителей-катепанов, которые очень часто бывали негреческого происхождения. Одним из них был магистр Багарат. Он до 1059 года правил Васпураканом, а с 1060 по 1064 г. был катепаном Востока, резиденцией которого была столица Багратидов город Ани.

3. Из византийских источников Багарата упоминают Скилица и Михаил Атталиат, называя его „армянином“. В армянских нарративных источниках этот Багарат упоминается лишь в Хронографии Матфея Эдесского в форме „Багарат отец Смбата“. Он упоминается также в одной надписи, высеченной на стене кафедрального собора в Ани, где единственный раз отмечается его эпитет — „Вихкаци“.

4. „Вихкаци“ по-армянски означает „из Вихика“, „Вихкиец“, „Вихкийский“. Поиски местности Вихиь приводят нас в домен Багратидов—в область Тайк. На карте Тортумского округа области Тайк еще в середине XIX века отмечается местность Вихиь.

5. В том же Тортумском округе в X—XI вв. имел обширные владения род Кекавменов, Багратидов по происхождению. О строительной деятельности этих Кекавменов говорит одна греческая надпись, высеченная на стене церкви в местности Эгрек стратигом Ларисы и Македонии патрикием Григорием,

сыном патрикия Смбата. Автор „Стратегикона“ Кекавмен этого Григория называет своим дедом по отцовской линии.

6. Отец патрикия Григория Смбат в эгрекской надписи носит эпитет — ВHXKATZI. Все исследователи давали ошибочное чтение этого эпитета — КHKATZI, KIZKATZI и др. и предполагали, что имеют дело с грузинским словом или же с армянским (кизац). Правильное чтение ВHXKATZI — Вихкаци дает нам возможность видеть родство между катепаном Востока Багаратом Вихкаци и Багратидами — Кекавменами Тайка.

7. Вышесказанное дает нам также возможность исправить ошибочное чтение фамилии *Kισκάση*, принадлежащей владельцу Артануджа архонту Ашоту. Правильное чтение его фамилии Вихкаци. Все это свидетельствует о том, что эпитет Вихкаци принадлежал не только катепану Востока Багарату, а целой семье, которая в X веке владела Артануджем и еще в XI веке имела много имен в Тайке.

8. Кекавмены имели также владения в местности, названной в „Стратегиконе“ Товион. Ряд исследователей справедливо отвергает идентификацию *Toβlov* с армянским городом Двином, предложенную некоторыми специалистами. По нашему мнению, чтение *Toβlov* ошибочно и находим возможным исправить его в *Texlov*. Округ *Texlov* — *Texη* (по армянски Тегик) находился в IV Армении, между Евфратом и Чмшкацагом. Памятная запись одного армянского евангелия, датированная 1169 г., дает нам генеалогию Кекавменов, начиная с Катакалоном Кекавменом середины XI века, и подчеркивает, что Кекавмены владели Тегиком, *Texη*, *Texlov*-ом.

М. Брайчевский

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНО-ВИЗАНТИЙСКИХ ВОЙН VI ВЕКА

Война 550—551 гг.

1. Славяно-византийские войны VI и начала VII вв. имели значение одного из важнейших факторов исторического развития Восточной Европы в раннее средневековье. Они привели к славянизации значительной части Балканского полуострова и сыграли большую роль в процессе перехода Византии от рабовладельческого способа производства к феодальному.

2. История славяно-византийских войн распадается на ряд этапов, каждый из которых характеризуется особыми чертами. Война 550—551 гг., ход которой подробно освещен Прокопием Кесарийским, послужила поворотным моментом, отделяющим первый этап от второго.

3. До войны 550—551 гг. столкновения славян с Византией носили характер сезонных экспедиций: славяне ни разу не оставались в пределах империи на зиму; первый случай этого рода имел место именно во время данной войны. О славянской колонизации византийских земель в это время говорить не приходится.

4. Замечательной чертой войны 550—551 гг. является то, что в ней славяне впервые обнаружили тенденцию к занятию части византийской территории, к оседанию на византийских землях. Именно отсюда можно начинать историю славянизации Балкан.

5. Ход войны и ее результаты показывают, что в это время наметились основные границы славянского расселения на Балканах. Именно те районы, которые были ареной событий этой войны, в дальнейшем подверглись сплошной колонизации.

6. Освоение славянами новых земель, приведшие к образованию болгарского и югославянских народов, было осуществлено в сравнительно узкий промежуток времени — от 551 г. до 80-х гг. VI ст. Результат этого процесса нашел свое отражение у Иоанна Эфесского, констатировавшего в 80-е годы сплошное заселение славянами основной части балканских владений Византии.

7. Приток славянского населения на Балканы в той или иной мере продолжался и позже, однако, он уже не мог внести существенных изменений в сложившуюся этнографическую картину.

Гадло А. В.

ЭТНОНИМ *ΧΟΤΖΙΡΟΙ* В НОТИЦИЯХ К. де БООРА

Χοτζίροι (*Χοτζήροι*) — загадочный народ, упомянутый только в одном источнике, — в списке подчиненных Константинополю епархий середины VIII века (по В. Мошину), который был открыт в 1891 году К. де Боором.

Согласно приписке, помещенной в конце перечня епархий, епископия *Χοτζήρων*, входившая в состав Готской митрополии, находилась близ Фул (селение, известное по Житию Иоанна Готского и др. источникам) и реки Харасиоса (по предположению В. Г. Васильевского, река Карасу, правый приток р. Салгира), которые локализуются в пределах Крыма к востоку и северо-востоку от горной области.

Исторической интерпретации тех разделов нотаций К. де Боора, где упоминается Готская митрополия, посвящена значительная литература. Относительно этнонима *Χοτζήροι* были высказаны три предположения. Ю. А. Кукаковский предполагал, что в имени *Χοτζήροι* „кроется имя хазар“ (*Χάζαροι*), которые он сближал через этноним *Ἀχάτζηροι*, как одно из древних наименований племени хазар. Г. Моравчик в работе 1927 года сближал *Χοτζήροι* и *Ἀχάτζηροι*, объясняя последнее имя через тюркское *Aγαč-ägi*. Впоследствии (1938 год) он принял гипотезу Г. Фехера, который объяснял этноним *Χοτζήροι*, как греческую транскрипцию тюркского *Qočïr—Qačïr—Köčïr* (от *qoč—qač—köč* — переселяться, перекочевывать, кочевать, переправляться).

Критический анализ всех трех предположений заставляет автора отдать предпочтение гипотезе Г. Фехера.

Археологические изыскания, проведенные в последние годы в среднем степном течении рек Карасу, Бурульчи, Салгира привели к открытию ряда селищ, которые датируются концом VII (нач. VIII) — началом X вв. Очевидно, эти селища принадлежали этнической группе, которую нотации К. де Боора называют *Χοτζήροι* — кочеры.

Селища степных предгорий Центрального Крыма по своей археологической культуре тождественны большому количеству селищ, открытых и, частично, исследованных раскопками, на Керченском полуострове. В 1962 — 1964 гг. автор исследовал два подобных памятника (на берегу Керченского пролива у д. Героевки и в степи у д. Пташкино).

В целом археологическая культура степных районов Крыма конца VII—X вв. представляет собой локальный вариант археологической культуры, известной по памятникам степного и лесостепного Подонья, Прикубанья, Нижней Волги, Волжской Булгарии и Болгарии Дунайской. Предположение о возникновении этой культуры в результате оседания части кочевников степного

Юго-Востока было высказано М. И. Артамоновым еще в 30-е годы. Установление того факта, что одна из групп носителей этой культуры называлась *Χοιροί* (кочеры) — кочевники, переселенцы — подтверждает эту гипотезу.

Гозамтвили Г. К.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ Т. Н. „ТРЕХ ВЕЛИКИХ КАППАДОКИЙЦЕВ“

1. В развитии византийской культуры большой вклад внесла Каппадокия. Особо следует отметить заслуги деятелей раннехристианской эпохи, т. н. „трех великих каппадокийцев“: Василия Кесарийского, Григория Назианского и Григория Нисского.

2. В процессе освоения творчества означенных деятелей не может не привлечь внимания ученых вопрос об их этнической принадлежности.

3. Присвоение каппадокийским деятелям эпитета „каппадокийцы“ не указывает на их принадлежность к той или иной конкретной национальности, ибо со времени введения персами в VI в. до н. э. географического термина „Каппадокия“, названием „каппадокийцы“ стали обозначать все население известной части Малой Азии.

4. В первое время (VI—I вв.) понятие „Каппадокийцы“ обнимало проживающие на территории Каппадокии все (преимущественно же грузинские) племена. Впоследствии оно закрепилось за одним из многочисленных и могущественных грузинским племенем месхов (мосхов), как об этом свидетельствуют Иосиф Флавий (I в. н. э.), церковные писатели IV в., а также Константин Порфирородный.

5. Как засвидетельствовано в первоисточниках (*Liber generationis*, сочинения Василия Кесарийского и Григория Нисского), „каппадокийцы“ говорят на своем родном особом языке.

6. Каппадокийские деятели всей своей жизнью и деятельностью тесно связаны со своим отечеством Каппадокией и своим народом.

7. На основании свидетельств первоисточников, в первую очередь, сообщений самих каппадокийских деятелей, точно уста-

навливаются, что они не являются ни греками, ни армянами; принадлежат к „каппадокийцам“, они являлись выходцами из грузинских племен.

М. М. Гунба

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ АБХАЗИИ С ВИЗАНТИЕЙ В IV—V ВВ.

1. В советской исторической науке существует положение о том, что Абхазия в IV—V вв. входила в состав Лазского царства. Одни ученые это положение аргументируют указанием Прокопия Кесарийского, другие — политической обстановкой на Ближнем Востоке, третьи — наиболее высоким социально-политическим уровнем развития лазов по сравнению с другими западногрузинскими племенами.

2. Анализ имеющейся литературы по этому вопросу и привлечение дополнительного материала приводит к выводу, противоречащему вышеизложенному положению.

3. Основной письменный источник, принадлежащий Прокопию Кесарийскому (VI в.) сообщает, что абазги „издревле были подданными лазов“. Но это указание преследовало со стороны Прокопия Кесарийского определенные политические цели, связанные с обоснованием права византийцев на господство в Западной Грузии „именно на правах своего подданного — Лазского царя“ (Г. Меликишвили).

4. Если византийские авторы хранят молчание о владениях Картли в Зап. Грузии, то грузинские авторы это положение описывают довольно подробно. Так, по сообщению Леонтия Мровели, при 18-ом царе Картли Амазасме (конец III в.) правители Эгриси (Лазики) не назывались царями, а именовались „эриставами“, что является признаком отсутствия царской власти в этом крае. По его же сообщению Мириан (IV в.) царствовал „в Картли, Армении, Рани, Эрети, Мовакани и Эгри“. Варз-Бакар (V в.) после раздела отцовского владения получает Бларджети, Эрети и Эгриси. А Джуаншер перечисляет владения Вахтанга Горгасала, не подвергшиеся разграблению со стороны осетин, причем в числе этих владений упоминает и Эгриси.

Он же сообщает, что при Вахтанге территорию северо-западной реки Эгрис-цкали, т. е. Ингури, занимали греки, а к концу V века Вахтанг завоевывает Абхазию и правителями ее назначает своих младших сыновей — Леона и Мирдата и т. д.

Следовательно, по данным грузинских источников не подтверждается существование в IV—V вв. независимого Лазского царства, которое могло бы объединить другие этническо-политические единицы на восточном побережье Черного моря, так как сама Лазика являлась владением восточногрузинских царей.

5. Грузинским источникам не противоречат и сообщения некоторых римских и греческих писателей. Так, например, в *Notitia dignitatum*, составленной примерно в конце IV и начале V в., упоминается в составе византийской армии „Первое крыло абазгов“ (*Ala prima Abasgorum*) наряду с иберо-чанскими отрядами, однако не упоминаются лазы. Феодорит, епископ Кирсекии, автор первой половины V в. Пятиунт считает крайним пределом Понта и римской власти.

Таким образом, до Прокопия Кесарийского ни один автор не указывает на то, что Абхазия в IV—V вв. находилась в подчинении лазов.

6. В выяснении политических связей Абхазии с Византией в IV—V вв. большое значение имеет археологический материал. Так, например, римские монеты общеимперского чекана IV—V вв., найденные в большом количестве на территории Абхазии, являются подтверждением византийского господства в Абхазии в этот период времени.

7. Итак, анализ как письменных источников (латинских, греческих и грузинских), так и археологического материала позволяет утверждать, что Абхазия в IV—V вв. находилась не под влиянием лазского царя, а подчинялась непосредственно Византийской империи.

Р. А. Гусейнов

ПОСЛЕДСТВИЯ БИТВЫ У МАНЦИКЕРТА (1071 ГОД) ДЛЯ ЗАКАВКАЗЬЯ

1. Действия Византии в Закавказье в первой половине XI века ослабили позиции Азербайджана, Армении и Грузии перед

лицом нового противника, отдельные отряды которого совершали рейды в пределы Закавказья и Малой Азии. Это были тюркоязычные племена огузов, которые под водительством Сельджукидов постепенно превращались в грозную силу.

2. Страны Закавказья были ослаблены перед началом сельджукских вторжений также благодаря отсутствию внутреннего единства: Азербайджан, Армению и Грузию разрывали внутренние противоречия. Последствия этого процесса усугублялись внешним воздействием, в первую очередь политикой Византии.

3. В этих условиях стало известно о победе сельджуков у Данданакана над Газневидами в 1040 году, что открыло перед ними дорогу на Ближний Восток. Вскоре началось сельджукское наступление. Византия, проявляя поразительное легкомыслие, вместо помощи и укрепления Закавказья в качестве заслона против новой опасности, продолжала политику, направленную на ослабление Азербайджана, Армении и Грузии.

4. Подобные действия не могли не способствовать успешности сельджукских нашествий в Закавказье. Результатом было ограбление, разрушение производительных сил, угон жителей в плен, на что Византия отвечала паллиативными мерами. Не исполнили ее появление сельджукской армии в 1055 году в Багдаде и действия сельджукских наездников в пределах самой империи.

5. Беспокойство пришло несколько лет спустя, когда сельджуки уже успели создать ряд опорных пунктов для борьбы против Византии. Одним из таких стратегических пунктов стал захваченный ими город Ани, превращенный сельджуками в базу для активных действий против империи.

6. Обеспокоенный возраставшей мощью и влиянием непрощенных пришельцев, византийский император Роман IV Диоген решил приостановить экспансию „великого“ сельджукского султана Али-Арслана и восстановить прежние позиции империи в Закавказье.

7. С этой целью император во главе огромной армии двинулся на восток, хотя ее боеспособность и внутреннее состояние Византии не позволяли еще предпринять столь ответственную и большую военную кампанию.

8. Встреча противников произошла у Манцикерта, где византийской военной машине был нанесен чувствительный удар.

Сам император пошел в плен и затем был отпущен под условием уплаты дани. Столь „милостивое“ обхождение с разгромленным наголову противником не случайно: Ади-Арслан не желал усугубления отношений с западными государствами. Но престиж и влияние империи были подорваны. Ее обращение к Западу за помощью вызвало крестовые походы западно-европейского рыцарства на Восток, но это не смогло восстановить прежних позиций Византии.

9. Важным последствием победы сельджуков над империей явилось дальнейшее их проникновение и установление владычества в Закавказье. Нейтрализация Византии помогла им в течение 70-х гг. XI века обосноваться в Азербайджане, Армении и Грузии, правители которых признали сюзеренитет сельджукского султана.

10. Таким образом, битва у Манцикерга и победа над Византией позволили сельджукам обосноваться в Закавказье. Подобный поворот событий сыграл немаловажную роль в судьбах стран Закавказья и на десятилетия вперед определил ход их истории.

11. Для настоящего доклада использованы источники сирийские и некоторые другие, в том числе византийские, армянские, грузинские, арабские.

В. Дондуа

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ГРУЗИИ В ТРУДАХ
АКАД. Ф. И. УСПЕНСКОГО

1. Византиноведческие исследовательские интересы в грузинской исторической науке, повышенное внимание грузинских историков к византийскому историографическому наследию также традиционны, как традиционна сама грузинская историография.

Но эти интересы, это внимание преобретают подлинно творческое значение по мере выработки — в России, за рубежом и на месте, в Грузии — основ византиноведения как научной дисциплины, по мере накопления византийского исторического опыта.

2. Академик Ф. И. Успенский, знаменитый византиновед, в кругу своих специальных интересов уделяет важное место и вопросам вековых взаимоотношений между Византией, с одной стороны, и странами Кавказа, с другой. В числе этих стран внимание Успенского привлекала, понятно, и Грузия.

3. Судить о той лепте, какую Успенский внес в дело освещения грузино-византийских связей, теперь помогают и отзывы или отклики грузинских византистов (проф. С. Г. Каухчишвили).

4. В трудах Ф. И. Успенского различимы наблюдения, утверждения и выводы маститого ученого, имеющие в виду непосредственно Грузию, это с одной стороны, — от его наблюдений, утверждений и выводов, имеющих косвенное, и тем не менее важное значение для осмысления соответствующих грузинских древностей, — с другой стороны.

5. Предлагаемая нами вниманию читателей тема в нашем изложении более отчетливо должна затронуть следующие вопросы:

а) об археологическом изучении Успенским древностей трапезунтских, крепости Гонии, с учетом и важности локализации популярной в VI в. г. Петры.

б) об исследовании Успенским истории Трапезунта, пролившем свет и на соответствующую созидательную роль местной картвельской этнической среды.

в) об изучении Успенским разнородных реалий по византийским древностям (табель о рангах и пр.), известных и по грузинским древностям.

г) об исследованиях Успенского, способствующих историкам Грузии в деле уяснения сущности международных связей средневекового грузинского царства по Ближнему Востоку.

А. Киквидзе

ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XI—XII ВВ.

1. Поступательный ход Византии на Восток (VI в.) определяет внешнюю политику грузинских царств.

Византийцы выступают в защиту Грузии в борьбе с персами и затем арабами. Однако сама Византия перерывами начинает

господствовать над отдельными грузинскими политическими образованиями.

2. Грузины не мирились с господством Византии. Они всегда боролись за политическую свободу, но перед лицом двух завоевателей они предпочитали подчиниться византийцам, которые показывали себя менее агрессивными.

3. Византийские императоры в знак покровительства грузинским царям присваивали им звание куропалата — подчиненного императору властителя и старались непосредственно вмешиваться во внутренние политические дела Грузии.

4. Несмотря на близкие отношения между политическими кругами Грузии и Византии, обусловленные огромными военными и политическими заслугами грузин перед Византией, нередко отношения обострялись. Грузинский царь Георгий I. все свое царствование (1014—1027 гг.) провел в войне с императором Василием. Сын Георгия — Баграт IV, воспитанный, при императорском дворе, всецело стал зависеть от византийского властителя.

5. Прочный союз и политическое единение Грузии и Византии должны были обеспечить Грузии реальную помощь со стороны Византии в момент нападения новых завоевателей с Востока, однако в неравной борьбе с турками-сельджуками, Грузия была оставлена на произвол судьбы. Византия не оказала или не смогла оказать ей помощь.

6. В результате длительной освободительной войны, в начале 20-х годов XII века, грузинскому царю Давиду Строителю удалось освободить Грузию и весь Кавказ от сельджукских завоевателей. Эта война совпала с крестовыми походами, что и облегчило действия Давида.

7. Источники повествуют о том, что Давида Строителя крестоносцы считали своим боевым союзником, который держал против турок широкий фронт с севера. В Грузии прибыли отряды крестоносцев, которые продолжали борьбу с сельджуками в рядах грузинских войск.

8. Вероятно, что жертвы понесенные грузинами в войне с турками-сельджуками и блестящая победа, одержанная в этой длительной борьбе, послужили поводом того, что со времени

Давида Строителя на протяжении веков, из всех христианских народов, только грузинам разрешалось въезжать в ворота освобожденного города Иерусалима с поднятым знаменем.

9. То, что должно было быть выполнено Византией в защиту христианского Востока, было выполнено Грузией, и потому уже со времени Давида Строителя Грузия освободилась от вассального положения в отношении Византии и сделалась ее равноправной союзницей. Позднее правящие круги Грузии основали Трапезунтское царство, служившее форпостом против экспансии Византии в Малой Азии.

10. Политические и культурно-экономические отношения Грузии с Византией не прекращались и в эпоху царицы Тамары; в это время они стали еще более интенсивными.

11. Грузинские монастырские деятели, строители крупных просветительных центров в Иерусалиме, на Афонской горе, на Синайской горе, в Петрицони и других местах, признавали г. Константинополь столицей христианского мира, непосредственно общались с императорским двором и высшими представителями византийского духовенства по церковно-монастырским делам и по вопросам христианской догматики.

12. Огромную роль в развитии грузинской литературы сыграла переводческая деятельность Ефимия и Георгия афонских. Они переводили литературные памятники не только с греческого на грузинский язык, но и с грузинского на греческий.

13. Давид Строитель пригласил во вновь основанную Гелатскую академию грузинских ученых подвизавшихся в Византии, в том числе и философа Иоанна Петрици.

14. Георгию Афонскому (Мтацминдели) принадлежит честь обоснования прав грузинского патриаршества перед всем христианским миром в момент похода антиохийского патриарха против грузинской церкви с целью расширения своих владений.

15. Грузинские государственные деятели неустанно боролись против турецкой экспансии и в период могущества Османской империи, когда Византия уже не существовала.

МАТЕРИАЛЬНАЯ И МОРАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА АРМИИ
К ВОЙНЕ ПО „ТАКТИКЕ ЛЬВА“

1. „Тактика Льва“, возникшая в конце IX века, отразила в себе специфические особенности военной организации раннефеодальной Византии, базирующейся на принципах фемного строя. Фемный строй явился естественным следствием грандиозных социально-экономических перемен предшествующих столетий.

2. Византийская армия в период фемного строя основывалась на новой социальной базе. В экономической жизни империи в это время получили преобладание свободные крестьянские общины, а свободное крестьянство стало основной социальной группой в составе населения империи. Не имея сил противостоять процессу крушения рабовладельческой системы хозяйства, византийское государство нашло, однако, в себе силы скорректировать направление этого процесса. Оно сохранило в своих руках две важнейшие функции центральной власти: сбор налогов и руководство вооруженными силами. Обе эти обязанности были возложены на плечи крестьян-общинников.

3. Естественно, что изменившийся социальный и национальный характер армии вызвал к жизни целый ряд важных последствий. Существенно изменилось положение армии в составе общественного организма. Сложилась основа для новых взаимоотношений между армией и остальным населением империи. Появились новые черты в состоянии армейской дисциплины, в отношениях солдат и командиров. Определенные изменения произошли и в военной доктрине, во взглядах на проблему войны и мира.

4. Военная доктрина приобретает отчетливо оборонительный, защитный характер. Четко проводится мысль о том, что война является злом, что приверженность к миру и справедливости является одной из самых ярких добродетелей императора. Прибегать к войне рекомендуется лишь тогда, когда военное столкновение спровоцировано врагами. В таких обстоятельствах на стороне империи оказывается моральный фактор, способный существенно изменить в ее пользу соотношение военных сил

5. Разумеется, главным предметом внимания военачальника в период подготовки к войне является материальная подготовка армии (укомплектование личного состава армии, повышение боевого мастерства воинов путем регулярных упражнений, обеспечение численного перевеса над неприятелем, организация запаса продовольствия, оружия и военной техники, захват выгодных позиций и ключевых пунктов и т. д.). С этой же точки зрения „Тактика“ содержит самые конкретные рекомендации по вопросам организации обороны городов. Войне должны предшествовать меры по разложению армии противника путем шпионажа, диверсий, подкупа, разжигания национальных противоречий внутри неприятельской армии. Автор рекомендует применять военные демонстрации, внезапные вторжения на вражескую территорию с целью срыва замыслов врага.

6. Вместе с тем, существенное значение в процессе подготовки армии к войне имеют и моральный фактор. В отдельных высказываниях автор склонен рассматривать моральный фактор в качестве главного условия военного успеха „Тактики Льва“, (XII, 3). Общая мысль автора заключается в том, что моральный и материальный факторы тесно связаны между собою. Материальная подготовка армии к войне должна служить основой для понятия морального духа воинов. По мысли автора „Тактики“, вся система идеологической работы в армии должна действовать в этом же направлении. Военачальник должен использовать любую возможность для извлечения благоприятных выводов из самых мелких и незаметных фактов боевой действительности. Поднятию морального духа воинов должна содействовать и организация религиозной службы в армии. В источнике содержатся также рекомендации по достижению морального перевеса над противником искусственным путем.

7. При анализе системы воинских наказаний и поощрений, действовавшей в армии, создается впечатление, что автор „Тактики“ направляет основное внимание не столько на разработку карательных мер за воинские преступления, сколько на совершенствование мер поощрения воинов.

8. Автор „Тактики“, отдавая себе ясный отчет в возросшей ценности армии в системе государственных учреждений, усердно ищет методы достижения победы над противником с минимально возможными потерями со своей стороны. Важнейшим методом

усиления своей армии автор „Тактики“ считает повышение ее морального духа. Имея объективную основу для деятельности в этом направлении, автор трактата разрабатывает рекомендации для извлечения максимальной выгоды из нового состояния воинского духа византийской армии.

Г. Е. Лебедева

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В СТАТЬЯХ КОДЕКСА ФЕОДОСИЯ О РАБАХ, ВКЛЮЧЕННЫХ В КОДЕКС ЮСТИНИАНА

Проблема рабства является одной из ключевых проблем истории ранней Византии IV—VI вв., времени разложения рабовладельческих и зарождения феодальных отношений. От ее выяснения во многом зависит суждение о характере общества этого времени. Одним из важнейших источников сведений о рабстве, положения рабов в IV—VI вв. является ранневизантийское законодательство. Оно позволяет в известной мере проследить и изменения, эволюцию положения рабов в эти столетия. Большая работа по изучению положения рабов в VI в. по данным законодательства была в последние годы проделана З. В. Удальцовой. Немалое внимание уделяли этой проблеме и другие советские (Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов, А. Р. Корсунский) исследователи и ученые социалистических стран (В. Велков, В. Зейфарт, Д. Ангелов и др.). В связи с изучением изменений происходивших в социально-экономическом и юридическом положении рабов в течение IV—VI вв. Значительный интерес представляет изучение различий в положениях о рабах в Кодексе Феодосия (V в.) и Юстиниановском законодательстве VI в., в частности, изменений, которые были внесены в статьи Кодекса Феодосия о рабах при включении их в Кодекс Юстиниана.

1) Изучение статей Кодекса Феодосия о рабах, включенных затем в Кодекс Юстиниана, прежде всего показывает, что почти все статьи Кодекса Феодосия о рабах вошли почти без изменений в Кодекс Юстиниана, составив основу юстинианова законодательства о рабах. Из внесенных в них изменений, в частности, обращают на себя внимание следующие.

2) Изменения были внесены в текст известного закона Константина (СТ II, 25,1) о запрещении при разделе земельных

имущество делить семьи рабов. Запрещение делить семьи сельских рабов в V в. распространялось только на императорские или государственные имения, передаваемые частным лицам, в том числе по праву эмфитевзиса, как указано в законе. При включении этого закона в Кодекс Юстиниана (CJ III, 38,11) в нем было снято, как упоминание о Сардинии, так и о „патримониальных или эмфитевкарных имениях“. Вместо него было поставлено *Possessionum divisiones sic fieri oportet*, это положение приобрело всеобщий характер. Таким образом, можно считать, что положение о неразделе семей рабов до VI в. распространялось как обязательное лишь на определенную категорию земельных владений и лишь в VI в., при Юстиниане, стало всеобщей обязательной нормой.

3) Общеизвестно, что юстиниановское законодательство более, чем предшествующее, ограничивало возможность обращения в рабство свободных, а следовательно, постепенно сводило на нет этот источник рабства. Соответственно с этим в юстиниановском законодательстве были пересмотрены и изменены положения об обращении в рабство за различные преступления, отменены прежние постановления, составленные на основе *Senatus cons. Claud.* (C I VII, 24,1), на которых базировался Кодекс Феодосия. Для юстиниановского законодательства, вообще, характерен более либеральный подход к фактическим бракам свободных с рабами, свидетельствующий о возросшем их распространении в реальной жизни и, соответственно, об известном изменении взглядов на отношения между рабами со свободными. Рабыня-жена и дети, если они не получили свободу при жизни господина, после его смерти автоматически получали свободу и право наследования его имущества (C I. VII, 15,3).

4) Законы Кодекса Феодосия в более категорической форме запрещали рабам доступ к разным видам общественной, муниципальной и государственной службы. Законодательство Юстиниана смягчило соответствующие положения, не возражая категорически против службы рабов с согласия господина, но сохранив за ним право вернуть их под свою власть, если они вступили на нее без его ведома. При этом обращает на себя внимание чрезвычайно краткий срок (30 дней с того времени как ему стало известно), предоставлявшийся господину для восстановления раба. После этого он терял право требовать возвра-

нения раба. Вопрос же об обязательном удалении раба со службы в связи с обнаружением его рабского статуса, принципиальной недопустимости службы рабов, даже не ставится. Как бесспорное принципиальное допущение службы рабов следует рассматривать и перенесение акцента со службы на звания, почести, достоинства. Закон запрещает рабам приобретать какие-либо почести и достоинства (*dignitas* — *CI XII, 33,7*), лишает их права на них, как „недостойных“, но не требует изгнания с государственной службы. Этот закон свидетельствует, что государство в VI в. более либерально смотрело на службу рабов, в частности, в армии. Фактически государственная служба вела к освобождению раба, т. к. господин терял над ним в конечном счете, *non tantum dominio sed etiam omni patronatus iure* и раб становился свободным (*ingenuus* — *CI XII, 33.6*).

5) Если в Кодексе Феодосия (*CI IX, 12,2*) за господином еще фактически сохранялось право на предумышленное убийство раба, то в Кодексе Юстиниана было введено постановление, категорически запрещавшее убийство раба с преднамеренной целью (*CI IX, 14.1* — ср. *CI IX, 12,1-2*).

6) По сравнению с Кодексом Феодосия в Кодексе Юстиниана значительно упрощаются формальности освобождения рабов, которое в VI в. могло уже производиться полуофициальным порядком, в частном кругу, только с обязательным присутствием не менее пяти свидетелей (*CI, VII, 6,2* и 5) Правительство VI в. более энергично поощряло освобождение рабов (отмена закона Фуфия Каниния и частично Элия Сентия, которые учитывались при составлении соответствующих статей Кодекса Феодосия) путем завещания и при отсутствии завещания. Так, обращает на себя внимание закон о том, что при отсутствии завещания предпочтение должно отдаваться тем из наследников, которые обещают освободить большее число рабов (*CI, VII, 2,15*).

Все эти изменения заметно отличают Кодекс Юстиниана от Кодекса Феодосия, свидетельствуют о дальнейшем упадке значения рабства в жизни Византии V—VI вв., о дальнейшем отходе от взглядов на раба как на „вещь“, возросшем признании „личности“ раба.

ВИЗАНТИЙСКИЙ «ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ЗАКОН» И ЕГО СУДЬБЫ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ БАЛКАНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

1. Византийский «Земледельческий закон» надолго пережил византийскую империю. Его тысячелетнее существование, множество рукописных копий и средневековые переводы свидетельствуют о необычайной жизнеспособности этого памятника обычного права.

2. При сохранении основной тематики закона неизменной уже на протяжении шести столетий, отделяющих первоначальный его текст от версии, являющейся приложением к Шестикижиию Константина Арменуцула (XIV в.), в закон были внесены некоторые важные дополнения и изменения. Эти изменения, отразившие крупные перемены в положении византийского крестьянства, связанные с закрепощением, заслуживают внимательного изучения. Они существенным образом повлияли на характер источника.

3. Сопоставление семи версий «Земледельческого закона» — двух, созданных в византийское время, греческой, возникшей после падения Византии, двух сербских, славяно-русской и румынской, содержит богатый материал для суждения о судьбах этого интересного юридического источника в византийское и после византийское время.

4. Изучение текстов «Земледельческого закона» в период, следующий за падением Византийской империи должно явиться одним из звеньев в исследовании проблем влияния византийского права на право средневековых балканских государств.

Г. Г. Литаврин

НЕИЗВЕСТНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ ВО ВРЕМЯ АЛЕКСЕЯ I КОМНИНА

Сумма наших сведений о Северном Причерноморье, почерпнутых из письменных источников, почти не возросла за истекшее столетие и нет оснований надеяться, что положение когда-нибудь существенно изменится. Поэтому каждое новое свиде-

тельство, относящееся к этому району, если бы оно было обнаружено, заслуживало бы самого серьезного внимания со стороны советских византинистов и русистов.

Таким новым, неизвестным ранее в науке свидетельством является сообщение одного из неопубликованных сочинений новиллиссима Мануила Страворомана — современника императора Алексея I Комнина. Сочинения Мануила Страворомана содержатся вместе с трудами Михаила Атталиата и Иоанна Скилимы в рукописи Парижской Национальной библиотеки Cod. Coislin. 136.

Обращаясь к Алексею Комнину, Стравороман говорит о божественном положении империи до его воцарения и о том, насколько она окрепла и расширилась при этом императоре.

„Εὐρώπης ἡμῖν, πησὲτ Μανυιλ Стравороман, — τὴν μὲν πολεμουμένην εἰρήνευσας· τῆς δὲ ἀφαιρεθείσης, οὐκ ὀλίγην προσέθηκα· ὅση τε ἐντὸς Αἴμου καὶ Ἰστρου ἀνωῖθεν ἀπὸ τῶν Γετικῶν ὁρίων εἰς τὸν Εὐξείνιον διαχεῖται καὶ ἀφορίζεται· καὶ ὅσα παρὰ τὸν Κιμμέριον Βόσπορον ἤδη δὲ καὶ ὅσα Σέρβοι κατεῖχον, καὶ Σκυθικὸν ἔθνος καὶ δουλικὸν Δαλμάτας τοὺς ἔχοντας ἀφειλόμενον· τῆς τε Ἀσίας ὅση παράλια, ἀπὸ Κιλικίας ἀρχομένη καὶ μέχρις τῶν Κολχικῶν ὁρίων τῇ καθ' ἡμᾶς θαλάττῃ συναπολήγουσα (f. 246^v. 19--23).

Г. е. „Что касается Европы, то враждебную нам ее часть ты усмирил, а из отнятой у нас части не мало присоединил, а именно: всю землю, которая заключена между Гемом (Балканским хребтом) и Истром (Дунаем) и простирается сверху, от гетских (венгерских) пределов до Эвксина (Черного моря). а то, что лежит у Киммерийского Боспора, кроме того все, чем владели сербы, а также рабское скифское племя, отнявшее то, что имеют далматы (?). Что же касается Азии, то ты присоединил все побережье, начинающееся от Киликии и заканчивающееся вместе с нашим морем у колхидских пределов“.

Анализируя сообщение Мануила Страворомана и данные других относящихся к этой эпохе источников, мы пришли к следующим выводам:

1. Сочинение Мануила Страворомана было написано во второй половине, а может быть в конце царствования Алексея I Комнина (1081 — 1118). К этому же времени относятся и последние события из перечисленных в цитируемом отрывке.

2. Мануил Стравороман относит приобретенный Алексеем Комнином на Боспоре Киммерийском район к Евроне. Согласно господствовавшей среди античных и средневековых географов и историков точке зрения, граница между Европой и Азией в Северном Причерноморье проходила по р. Танаису (Дону) и Боспору Киммерийскому (Керченскому проливу). Если бы Мануил Стравороман придерживался этой точки зрения, следовало бы считать, что Алексей Комнин захватил лишь западный берег пролива.

3. Однако существовала и другая точка зрения, согласно которой граница между Европой и Азией пролегла по р. Риону (Фасису) (Этого мнения придерживались Пиндар, Геродот, Гекатей, Прокопий Кесарийский). Именно этого мнения, как следует из другого отрывка того же неопубликованного сочинения Мануила Страворомана, придерживался наш автор (f. 246^r. 1—5).

4. Следовательно, сообщение Мануила Страворомана может быть с полным правом отнесено как к западному, так и к восточному берегу пролива или к обоим берегам вместе, так как они оба, по мнению Мануила Страворомана, находились в Европе.

5. Согласно сведениям русских источников, в конце XI в. (1094 г.) восточный берег Боспора входил в пределы Тмутараканского княжества. По мнению русских историков, владения этого княжества охватывали и западный берег пролива.

6. В 60-х годах XII в., согласно византийским источникам, Боспор уже находился в руках Византии. Одновременно в русских памятниках этого периода нет ни одного упоминания о Тмутараканском княжестве.

7. Мы высказываем гипотезу, что русские владения на Черном море, входившие в пределы Тмутараканского княжества, были потеряны Русью при Алексее I Комнине, а именно во время княжества в Тмутаракани князя-авантюриста Олега Святославича или тотчас после его смерти (1115 г.).

8. Эти русские земли были утрачены не в результате какого-либо военного столкновения с Византией. Это случилось, по нашему предположению, в результате специального соглашения, заключенного Олегом Святославичем, четыре года прошедшим

в ссылке в Византии, с Алексеем Комнином, который помог князю изгоя в 1083 г. вновь обосноваться в Тмутаракани.

9. Тмутаракань перешла, по-видимому, к Византии после того, как Олег Святославич получил Чернигов (1094 г.), или после смерти князя (1115 г.).

Н. Ю. Ломоури

К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ И ВИЗАНТИИ В VIII—IX ВВ.

1. К концу VIII в. Западная Грузия (Лазика, Эгриси) освобождается от вассальной зависимости от Византийской империи и здесь образуется т. н. „Абхазское царство“. Свое название оно получило от князей (мтаваров) Абхазии, возглавивших борьбу против Византии и объединение всей Западной Грузии. „Абхазское царство“ являлось фактически грузинским политическим объединением и ее правители (цари) проводят явно общегрузинскую политику.

2. Несмотря на политическое освобождение от Византии, в церковном отношении Западная Грузия вплоть до второй половины XI в. оставалась в подчинении Константинопольского патриарха. Согласно эфтезисам (нотциям) Константинопольского патриархата, вплоть до середины IX в. в подчинении последнего, между прочим, находились: митрополит Лазики (с центром в Фазисе), митрополит Полемоновского Понта и четыре автокефальных епархий — Херсона, Боспора, Никонсии (в Джикети) и Севастополя (в Абхазии).

3. Во второй половине IX в. западногрузинская церковь отделяется от Константинопольского патриархата и подчиняется Мцхетскому каталикосу, что явилось одним из выражений общегрузинской политики Абхазских царей. С этого времени в византийских нотциях уже нет упоминания Фазисского митрополита, Никонсийского и Севастопольского автокефалов.

4. В нотциях, датируемых временем после середины IX в., появляется новое митрополитство — это митрополитство Лазики, но с центром в Трапезупте.

5. Потеря Западной Грузии являлось весьма нежелательным для авторитета византийского государства и Константинополь-

ского патриархата. Желая сохранить, хотя бы формально, западногрузинскую церковь в числе подчиненных эпархий, Византия создает новое митрополитство на юго-восточном побережье Черного моря с центром в Трапезунте, выделив его из митрополитства Полемоновского Понта; на него переносится название „Митрополитства Лазики“. Поводом и основанием для этого акта служило этническое родство населения района Трапезунта (чаков) с населением Западной Грузии. Именно с этого времени область Трапезунта и приобретает наименование Лазики (позднее Лазистана).

О. Д. Лорджитанидзе

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ТРАПЕЗУНТСКОГО ЦАРСТВА

1. Трапезунтское царство, обычно, рассматривалось как органическая часть Византийской империи, а его возникновение, как случайный факт, связанный с падением Константинополя в 1204 г. (Фальмерайер, Финлей, Йорга и др.). Лишь русскими византинистами (Куник, Успенский) впервые были отмечены особенности Трапезунтского царства. Важное значение имеет положение, выдвинутое академиком И. А. Джавахишвили, что основным населением являлись грузинские племена, и что политически и экономически Трапезунтское царство было ближе к Тбилиси, чем к Константинополю. К сожалению, покойный ученый не успел развернуть выдвинутое им положение. Возникновение Трапезунтского царства следует рассматривать как закономерное явление, подготовленное внутренним развитием этого края и обусловленное его экономическим положением и этническим составом.

2. Сопоставлением сведений писателей античных (Гекатей Милетский, Геродот, Ксенофонт, Аполлоний Родосский, Страбон, Арриан, Плиний) и средневековых византийских (Прокопии Кесарийский, Агафии, Пахимер, Халкондил), армянских (Мойсей Хоренский, География VII в.) и турецкого (Языджи оглу Али), со сведениями путешественников, ученых, должностных лиц нового времени (Гранжье, Пальгрев, Коани, Убичини и др.) определяется этнический состав Трапезунтского царства:

основную часть населения составляли грузинские племена лазы (по побережью от г. Трапезунт на восток) и чаны (в горных местах и к западу от Трапезунта). На основании языковых и ряда этнографических данных можно утверждать, что среди грузинского населения сильны были национальные традиции. Наряду с грузинским, но преимущественно, в приморских городах, существовало и греческое и армянское население.

3. Условия для отделения от Византийской империи и образования самостоятельного государства в Трапезунте готовились задолго до начала XIII в. Уже правители созданной в VIII в. феоды Халдии, которые назначались из местных влиятельных родов (Феодор Габра, Григорий Таронели, Константин Габра), опираясь, несомненно, на внутренние силы, принимали энергичные попытки к независимости.

4. В 1204 г. с падением Константинополя создались благоприятные условия для образования в Трапезунте самостоятельного государства. Этим воспользовались представители младшей линии Комнинов, связанных родственными узами с грузинским царским домом Багратионов и основали в Трапезунте независимое царство, именуемое империей. Сведения трапезунтского историка Панарета и грузинских летописцев, а также нумизматические материалы подтверждают, что основание Трапезунтского царства было осуществлено при активной поддержке Грузии, сильнейшей тогда феодальной монархии Персидской Азии.

5. Трапезунтскую империю современники считали грузинской страной: грузинские источники ее называют страной мелредов, турецкие (Языджи оглу Али) — трапезунтских императоров называют „царями Джанита“ (т. е. страны чанов), а византийские историки — царями лазов (Пахимер), или, по старой традиции, Колхиды (Халкоидил).

И. И. Медведев

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ГОРОДА МИСТРЫ

1. Проблема возникновения „новых городов“, связи этих „новых городов“ с античными, представляется чрезвычайно актуальной в свете новейшей постановки задач изучения византийского города. В частности, история возникновения Мистры.

столицы греческого деспотата в Морее, одного из крупнейших политических и культурных центров поздней Византии, заслуживает специального изучения. Эта история тем более важна, что факторы, способствовавшие возникновению Мистры — иностранное вторжение, перемещение населения, политика заселения — особенно повлияли как на собственное дальнейшее развитие города, так и на положение дел в Морее вообще.

2. Основным источником для разработки темы является Морейская хроника XIV в.

Важнейшим источником является также греческая светская хроника, известная под названием Хроники Дорофея или Псевдо-Дорофея, вернее, ее позднейшее добавление (сама хроника датируется 1570 годом) о завоевании франками Морей, составленное известным компилятором. Между этими двумя памятниками имеются чрезвычайно существенные различия. В частности, события, связанные с основанием Мистры, описаны в хронике Псевдо-Дорофея гораздо подробнее и содержат целый ряд новых и очень ценных сведений, что и позволяет нам использовать этот источник как самостоятельный. В кратких упоминаниях о возникновении Мистры, встречающихся в исторической литературе, этот источник совершенно не используется.

3. Подчинение крестоносцами Пелопоннеса происходило неравномерно. С целью блокировать горцев в их твердынях, закрыть выходы из ущелий, по которым они делали свои набеги, франки задумали построить целую систему укреплений, главным звеном в которой должна была стать Мистра. Место, выбранное морейским князем Гильомом II Вильгардуэном (1245—1275) для постройки Мистры, в стратегическом и тактическом отношении было безукоризненным. Таким образом, при выборе места для основания Мистры первостепенное значение играли соображения военного характера, а экономические функции, очевидно, не принимались в расчет. Жизнеспособность Мистры в дальнейшем зависела от действия именно этого временного военного фактора, с исчезновением которого пришел в упадок и город.

4. Морейская хроника сообщает, что князь Гильом назвал крепость Мизитрой. Народная традиция связывает это название с наименованием определенного сорта сыра — козьего сыра, который будто бы изготовлялся в этом районе. Хаджидакис в своем специальном исследовании признает справедливость этого толко-

вания и доказывает органическое греческое происхождение названия. Тем не менее, нельзя сбрасывать со счетов возможность негреческого (скорее всего, славянского) происхождения этого названия, адептом которого, как известно, является Фальмерайер. Автор добавления к хронике Псевдо-Дорофея говорит, что князь „назвал сооружение Мизитрой, так как это место называлось Мизитрой, а на греческом языке именуется Спартой“. Не трудно заметить, что греческое название Спарта как бы противопоставляется негреческому.

5. Франкский период Мистры насчитывает около 14 лет (в 1248 г. основана и в 1262 г. перешла в руки греков). Письменные источники не дают прямых указаний, что было сделано за это время. Только Морейская хроника говорит, что были воздвигнуты „блестящий замок и большая крепость“. На основании археологических исследований (а мы считаем, что археология еще не сказала своего последнего слова в отношении Мистры) можно заключить, что кроме крепости на вершине и нескольких построек (временами весьма значительных, как например, некоторые части позднее сформировавшегося дворцового квартала), на холме больше ничего не было. В качестве строительных материалов были использованы, вероятно, руины византийской Лакедемонии. Не упоминают источники и о каком-либо значительном заселении холма в франкскую эпоху. Это и понятно, ибо в этом районе более, чем где бы то ни было, местное население противостояло завоевателям-франкам и сотрудничества не получалось. Наоборот, как только Мистра перешла в руки греков (1262 г.), сразу же началось массовое заселение холма. Население Мистры рекрутировалось, таким образом, не только из Лакедемонии, как это иногда отмечается, но и из окрестных деревень. В это же время и началась интенсивная застройка поверхности холма. Струк говорит, что эта первоначальная застройка „носит характер вынужденного строительства... В группах домов нет порядка, улицы сохраняют направление старых горных тропинок“.

6. Известно, что Мистра часто отождествляется то с античной Спартой, то с византийской Лакедемонией средних веков. В действительности же, как отметил Бюшон, „имеется три города Спарты, сильно отличающиеся один от другого как по условиям их исторического существования, так и по их местонахождению“:

Спарта античная, Лакедемония средних веков и Мистра Вильгардуэнов“. Античная Спарта была расположена в долине, примерно на месте современной Спарты, и простиралась до холмов, к которым примыкают остатки амфитеатра. Византийская Лакедемония находилась на четырех холмах, рядом с Эвротом, и, наконец, Мистра — в 5 км от этих пунктов.

История возникновения Мистры можно было бы рассматривать как один из классических примеров перемещения города, превращения одного из предместий в центр городского поселения. Однако, если даже считать, что это было именно так, необходимо подчеркнуть те большие перемены, которые явились следствием этого перемещения:

а) Мистра — город, возникший в необычных условиях, в условиях военного завоевания Пелопоннеса франками, как результат военно-колониальной политики латинского Запада. В этих новых условиях изменились и функции города, вернее, в ту эпоху еще крепости, ставшей оплотом франкского владычества в Пелопоннесе.

б) Население Мистры включало в себя далеко не только жителей одной Лакедемонии. Особенно в дальнейшем в его состав вместе с наместниками и деспотами прибудет масса выходцев из Византии (феодалная знать, чиновничество, войска, ремесленники и т. п.).

в) Сами греки, называвшие Мистру Спартой, отнюдь не отождествляли их. Средневековая Лакедемония существовала наряду с Мистрой довольно продолжительное время как самостоятельное городское поселение (особенно это видно по данным Морской хроники). Не выдержав в дальнейшем конкуренции со своим новым растущим соседом, Лакедемония приходит в упадок.

г) Расстояние в 5 км при сравнительно незначительном масштабе городов той эпохи является немалым. Холм или гору, на которой расположена была Мистра, вряд ли можно считать пригородом или предместьем старой Спарты.

И. М. Нодия

ХАЛДИЙСКАЯ ФЕМА

1. Во второй половине VIII в. произошла реорганизация фемы Армениакон, вследствие чего была организована дивизия Халдия из частей Полемонийского Понта и Фазиса. Превводи-

1 тель этой новой дивизии получил титул третьего класса — "Архон Халдии. Спустя некоторое время "Архон Халдии возводится до ранга стратега. Это явление было связано с понтийской политикой императора Феофила.

2. При помощи сведений арабских авторов IX в. (Ал-Факи и др.) удастся выяснить приблизительную дату оформления Халдийской фемы, а также установить ее границы.

3. Территория, которую занимала Халдийская фема (юго-восточное побережье Черного моря), как это неоднократно отмечалось в научной литературе, была населена преимущественно грузинскими племенами: первоначально халибами, позже лазами, чанами-халдами.

По сведениям античных, а затем средневековых авторов (как византийских и армянских, так и турецких) а также и авторов нового времени, определяется этнический состав Халдийской фемы, большая часть населения которой составляют грузинские племена, но наряду с этим этническим элементом констатируется наличие и армянского и греческого населения.

4. Утвердившееся в последнее время в советской историографии мнение, что фемы явились важным звеном в процессе сложения византийского феодализма, находит свое подтверждение и на материалах Халдийской фемы.

Н. В. Пинцлевская

МОНОФИЗИТСТВО И ВИЗАНТИЙСКАЯ ПОЛИТИКА VI ВЕКА

1. Монофизитство своими корнями уходит глубоко в философские и религиозные учения эллинизма.

2. Монофизитство явилось знаменем сепаратизма для негреческого населения империи и в борьбе провинций с центром что особенно сказалось в Армении, Сирии и Египте: об этом свидетельствуют как греческие историки, так и сирийские хронисты-современники.

3. Идеологическое движение, связанное с монофизитством было настолько мощным, что государственная власть была вынуждена к неоднократным попыткам примирения (экумен. Север Антиохийский в столице).

4. Двойственная политика Юстиниана и Феодоры, поддержка различных направлений были вызваны политической необходимостью, значительностью монофизитства.

М. А. Поляковская

ТЕНДЕНЦИЯ РОСТА ПРИГОРОДНЫХ МОНАСТЫРСКИХ ВЛАДЕНИЙ В XIV В. (НА ПРИМЕРЕ ПРИГОРОДОВ ФЕССАЛОНИКИ И СЕРР)

1. Экономическая связь крупного города с пригородом, прослеживающаяся на протяжении всей истории Византийской империи, является характерной чертой жизни поздневизантийского города. Экономическая близость города и пригорода проявляется в товарных связях, наличии собственности горожан в городской округе и владений жителей пригородного района — в городе.

2. Тесные экономические связи города с пригородным районом характерны как для столицы империи, так и для крупных провинциальных городов — таких, как Фессалоника и Серры (величина радиуса округа этих городов устанавливается произвольно — от 15 до 30 км в отличие от официальной 100-мильной колосы пригородного района Константинополя).

3. В XIV в. в связи с ослаблением центральной власти были созданы благоприятные условия для роста экономических и политических сил феодальных элементов. В этот период интенсивного увеличения монастырской собственности значительно выросли городские и пригородные владения монастырей.

4. Рост объема и состава владений монастырей в пригородном районе падает на первую половину XIV в. Если монастырские акты конца XIII в. свидетельствуют о наличии случайных небольших владений монастырей в округе Фессалоники и Серр, то к середине XIV в. объем и состав пригородной монастырской собственности становится значительным.

5. Расширение пригородных монастырских владений в большинстве случаев было результатом дарений и продаж, совершаемых императором, его приближенными, богатыми горожанами Фессалоники и Серр. Лица, обозначенные в актах лишь словами „τις“, „τινες“ — без титулов и званий почти всегда выступают

в отношении монастырей как продавцы, но не дарители. Размеры продаваемых ими владений обычно незначительны.

6. Увеличение темпов роста пригородных владений монастырей падает на 20—40-ые годы XVI в. — трудное время внутриполитических неурядиц и сербского вторжения на территории Византии.

7. Монастырские акты не сообщают, как отразилась на состоянии городских и пригородных монастырских владений события зилотского восстания. Глухо говорит о захватах монастырской земли в районе Серр один из хиландарских актов — но он лишь косвенно может быть отнесен к событиям периода греко-данских войн.

8. В результате сокращений монастырских владений, проведенных византийским правительством, начиная с 70-х годов XIV в. — в связи с угрозой турецкого нашествия — часть пригородной собственности монастырей была передана проиарам. Однако, это не изменило феодального характера пригородной собственности, ранее находившейся в руках монастырей.

9. Увеличение пригородных феодальных владений свидетельствует об усилении влияния духовных и светских феодалов на экономическую жизнь поздневизантийского города, что в значительной степени способствовало созреванию элементов нового общественного строя.

В. И. Рутенбург и Г. Л. Курбатов

ЗИЛОТЫ И ЧОМПИ

1. Проблема взаимосвязей и взаимовлияния Византии и стран Западной Европы. Взаимосвязи реальные, их круг и значение, их эволюция с XI по XIV вв. Преувеличение степени влияния западно-европейских стран на Византию.

2. Сходства и различия в социально-экономических условиях Италии и Византии; различная степень развития товарно-денежных отношений; сомнительность тезиса о наличии общих условий развития этих стран (Вергер). Вопрос об элементах раннекапиталистических отношений в Византии (А. П. Каджан, М. Я. Скэюзюмов) и Италии.

3. Народные движения в Византии и Италии в XIV в. Неприемлемость тезиса „революция“, „народная революция“.

„демократическая революция“ и др. по отношению к городским восстаниям XIV в. (Родолико, Бергер и др.). Восстание в Генуе в 1339 г. и восстание в Фессалонике в 1342—1349 гг. Научная необоснованность положения о влиянии генуэзского движения на восстание зилотов и аналогий с восстанием Кола ди Риенцо.

4. Зилоты и чомпи. Неправильность сравнения этих двух восстаний по их возможности. Византия и Фессалоника в 40-х гг. XIV в., Италия и Флоренция в 70-х гг. XIV в. Общее и отличное в характере их социально-экономических и политических условий. Социальная структура византийского города в XIV в. Роль моряков в восстании зилотов.

5. Общее и отличное в программе и ходе восстания зилотов (1342—1349) и восстания чомпи (1378—1382). Положение о восстании зилотов, как аграрном движении (Б. Т. Горянов); элементы аграрной программы у чомпи. Антифеодальный характер восстаний зилотов и чомпи, его специфика в каждом из них. Положение о восстании зилотов как „штурме феодализма“. Социальные и политические аспекты программ зилотов и чомпи. Проблемы власти и республики в этих восстаниях. Роль плебейских элементов в восстаниях зилотов и чомпи. Причины поражения этих восстаний и значение их для Византии и Италии.

В. А. Сметанин

„НЕИЗВЕСТНЫЕ КАЗНЕ ЛИЦА“ В ВИЗАНТИИ XIII—XV ВВ.

1. Очень часто в византийских актах XIII—XV вв. фигурируют „неизвестные казне лица“. Несмотря на проявленный со стороны византийцев (русских дореволюционных, западно европейских, американских, советских) интерес к данной категории, определение сущности её вызывает затруднения и по сей день. Это требует специального рассмотрения вопроса.

2. В экономическом отношении „неизвестные казне лица“ являются обезземеленными, в основном, выброшенными из общины бывшими крестьянами. В условиях существования политически независимых греческих (Никейская империя, Эпирский деспотат) и латинских государств переход границы беглыми крестьянами уже превращал их в „неизвестных казне лиц“.

К последним относились и поселившиеся в феодальных владениях люди, незаписанные в государственных описях и практиках до первой ревизии. Переходящие из города в деревню разорившиеся ремесленники также пополняли ряды „неизвестных казне лиц“. Росту этой категории населения способствовали война и стихийные бедствия. В число „неизвестных казне лиц“ входили и такие беглые крестьяне, на которых прежде распространялся иммунитет и которые вообще не были обязаны перед казной. Нельзя отрицать наличие „неизвестных казне лиц“ и в городах, где они представляли собой плебс.

3. Юридически — это свободные, стоящие вне феодальной зависимости, которые могли беспрепятственно переходить из поместья в поместье, из деревни в город и обратно. Феодал не имел права по собственной воле поселить их на своей земле с целью превращения в зависимых людей. Для этого необходимо было получить разрешение императора (либо деспота). И подобное явление сохранилось до падения Византии.

4. Политически — это неустойчивые элементы, выступающие в политической борьбе „...лишь в виде шумной, склонной к грабёжам толпы...“ (Ф. Энгельс), что особенно ярко сказалось во время движения зилотов.

5. Поселившись в имении феодального владельца и найдя там более или менее сносные условия для существования, некоторая часть „неизвестных казне лиц“ оседала и постепенно становилась зависимой (проскафимены). В то же время остальные исчезали из имения и по-прежнему вели жизнь „ольницы“.

М. Слюзюмов

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ПЛЕБЕЙСКИМИ МАССАМИ И ЗИЛОТАМИ В 1342—1348 гг. В ФЕССАЛОНИКАХ

1. Необходимость пересмотра анализа движения зилотов диктуется публикацией в последнее время ряда источников. в особенности „Слова об архонтах, которые незаконно расхищают церковное имущество“ Кавасилы. На основании оторванных от контекста отрывков из этого „Слова“ румынский историк Тафрала в 1913 г. обрисовал движение зилотов таким сверхрадикальным, что, казалось, — зилоты чуть не предвосхищали дея-

тельность Парижской Коммуны 1871 г. ... Концепция Тафрали стала господствующей и проникла в советскую историографию, которая, хотя и по-иному трактовала сущность событий, но не сомневалась в положениях Тафрали о реформах, проводимых зилотами. В 1957 г. американский историк Шевченко опубликовал текст „Слова“ Кавасилы. К удивлению историков там ничего не говорилось ни о реформах, ни о зилотах вообще. Первоначально историки попытались найти какие-нибудь соображения, которые дали бы возможность сохранить „Слово“ как источник для истории движения зилотов и тем спасти картину событий того времени (Горянов, Вернер, Грохова). Попытки эти были слабо аргументированы. По всей видимости „Слово“ относилось не к событиям 40-х годов, а к 80-м годам XIV века. Публикация „Слова“ вовсе не означает удара по марксистскому представлению о существе движения зилотов, но заставляет нас пересмотреть анализ событий не только с точки зрения конечных причин — антагонических противоречий, но, главное, учитывать внутреннюю борьбу среди эксплуататорских прослоек, отводя которую на задний план мы рискуем фальсифицировать историю: в докапиталистический период все движения „были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства“ (Коммунистический Манифест).

2. В буржуазной историографии события в Фессалониках рисуются как городское восстание низов против городской верхушки, за организацию независимости городского управления в интересах низов. При этом указывается на некоторую общность событий в Фессалониках с событиями в итальянских городах. Безусловно, на события в Фессалониках могли оказывать влияние примеры волнений в итальянских городах. Однако нет серьезных оснований сближать движение зилотов с событиями в городах Италии катроченто: 1) Движение зилотов в Фессалониках было эпизодом в гражданской войне, которая происходила в Византии, тогда как в Италии такой гражданской войны не было; 2) Фессалоники входили в состав централизованного государства, которого в Италии не было; Фессалоники вплоть до победы Кантакузина не порывали связей с центральным правительством, поддерживая политику правительства — ничего подобного в Италии не было; 3) Социальный анализ борющихся сил не позволяет сближать движение зилотов с

борьбой в итальянских городах. Единственно сравнимым движением (с точки зрения борющихся сил и политической обстановки) было бы выступление Кола ди Риенцо, почти совпадавшее во времени с гражданской войной в Византии: — относительная слабость буржуазных элементов в Риме и Фессалониках, необходимость поддержки со стороны центра — константинопольского правительства в Фессалониках и папы в Риме, двойственность управления в Фессалониках (Палеолог и Анокавк) и в Риме („брат Раймонд и любезный сын Николай“), общая цель — ослабление мощи феодалов).

3. В советской исторической литературе события в Фессалониках рассматривались как „генеральный штурм феодализма“, который вели народные массы под руководством зилотов. Такая оценка движения была бы возможной, если бы в Византии в середине XIV века существовал общий кризис феодализма и если бы в Византии того времени были предпосылки к переходу к новым производственным отношениям. Между тем мы не можем на основании источников говорить о наличии в Византии середины XIV в. сколько нибудь развитых отношений, характерных для раннекапиталистического периода. Феодализм в Византии еще не исчерпал своих возможностей. Общего кризиса феодализма в Византии того времени не было.

4. Но в Византии XIV века ощущался остро кризис в связи с затянувшимся строем феодальной раздробленности, господством феодальных институтов, слабостью центрального правительства перед лицом внешнеполитической опасности. Переход к национальной греческой централизованной монархии в духе Шестикнижия Арменопула (деятель в Фессалониках того времени) был бы выходом из создавшихся трудностей. Именно потому в 1342 году вспыхнула гражданская война между силами, стремящимися сохранить существовавший политический строй, и силами, выступавшими против господства феодальных институтов в обществе.

5. Экономически передовой город Фессалоники поддерживал политику центрального правительства против феодальной клановости Кантакузина. Во главе движения против господства феодальной знати в городе стала организация зилотов („ревнителей“). Социальный состав зилотов связан был с предпринимательскими кругами. Опорой зилотов была корпорация моряков, в которую входили, очевидно, навклиры, капитаны кораблей, лоцманы, про-

фессионалы-матросы — обычно все они в условиях морской торговли того времени участники в прибылях. Вождями моряков были лица из аристократии, которые, подобно Апокавку, имели главные доходы не от эксплуатации сеньориального типа, а от предпринимательства и участия в доходах государства (Михаил и Андрей Палеологи, Коккал) и связанными с правительственными кругами в Константинополе (и временщик Алексей Апокавк был популярен среди моряков). В составе зилотов были и ремесленники и частично из духовенства и интеллигенции. Источники не смешивают зилотов с народными массами; массовые убийства приписывают „толпе“, вышедшей из под руководства зилотов.

6. Главной движущей, но не направляющей силой в событиях в Фессалониках были народные массы, которые проявили себя в самые критические моменты движения. В составе народных масс нужно видеть в основном неорганизованных в корпорации ремесленников, наемных работников, прибывших во время осады Фессалоник деревенских жителей, потерявших свои хозяйства во время гражданской войны, люмпенпролетарские прослойки. Не всегда можно отметить одинаковое отношение масс к зилотам, В самом начале движения массы под руководством зилотов выступили против Кантакузина. Во время измены Синадина массы вместе с зилотами изгнали его и его сторонников из Фессалоник, что дало возможность зилотам занять большую часть управленческих должностей в городе. Но это оказало обратное влияние. Зилоты как чиновники оказались не лучше, чем чиновники из знати — недостатки бюрократии имманентны ей и не зависят от происхождения бюрократа. Массы охладели к зилотам. Правитель Фессалоник Иоанн Апокавк, сын временщика, приказал убить вождя зилотов Михаила Палеолога и репрессировал ведущих зилотов, захватив полную власть в городе. Массы не защитили зилотов. „Боясь отца“, Апокавк продолжал политику зилотов. Но после убийства в Константинополе Алексея Апокавка его сын решил сдать город Кантакузину. Растерявшиеся зилоты не протестовали. Но когда стало известно, что в Константинополе народ растерзал убийц Апокавка, народные массы Фессалоник произвели суровую расправу над изменниками, перебив большое количество знати, сторонников Кантакузина, и разграбив их дома, не подчиняясь призывам

зилотов к умеренности. Зилоты вновь стали управлять Фессалоникой, при чем во главе фессалоникийской церкви стал яростный зилот и ненавистник паламитов епископ Иакинф, проводивший церковную политику константинопольского патриарха Иоанна XIV. В феврале 1347 г. патриарх Иоанн был низложен, а Кантакузин овладел властью в Константинополе. Это разрывало связи Фессалоник с центральным правительством. Вожди зилотов пытались получить поддержку от сербского короля Стефана Душана, но массы не поддерживали зилотов; мало того — направленные правителем Фессалоник Метохитом разгромили центр зилотов, районы, населенные моряками, что было началом конца движения.

7. Между народными массами и зилотами, таким образом, не было постоянного контакта. Зилоты, захватив власть, проявили себя как предпринимательские круги, жаждавшие накопления. Настроения народных масс к таким кругам рисует недавно опубликованный „Диалог между богатым и бедным“, написанный радикально настроенным землемером Макремволитом прибл. в 1344 г. Под „бедными“ в трактате понимаются люди, живущие своим трудом и работающие на богатых. Под „богатыми“ понимаются не феодалы, а предприниматели. „Богатый“ отмежевывается от бездельников, он признается в жажде накопления. „Бедные“ же говорят: „Мы много трудимся, но получаем мало, вы же получаете большую выгоду, хотя труд ваш не обременителен. „Трактат о ростовщиках“ тоже направлен не против феодалов, закрепощавших население, а против ростовщиков и сборщиков налогов. Хотя и народные массы и зилоты действовали против общего врага — феодалов, но внутренние противоречия между ними были острые, что пренятствовало успеху движения. Никаких реформ или широких мероприятий в пользу широких масс ни правительство Апокавка в Константинополе, ни зилоты в Фессалониках не проводили. Мы не можем говорить и о попытках провести секуляризацию монастырских имуществ — наоборот, все борющиеся стороны наперерыв старались заискивать перед монашеством, о чем говорят сохранившиеся пожалования, произведенные во время гражданской войны. Вся политика сводилась к ущемлению экономической и политической мощи феодалов-иммунитов путем обычных конфискаций земель политических противников и организаций пог-

ромов против домов и имущества их. Эта политика тоже была прогрессивной, однако недостаточной в условиях того времени, когда внешнеполитические силы представляли главную опасность для развития Византии и превращения ее в национальное централизованное государство. Нельзя также недооценивать значения интервенции в гражданских войнах, особенно тогда, когда в виду эгоистических устремлений руководящей движением прослойки широкие массы не могли длительное время проявлять революционный энтузиазм в гражданской войне.

3. В. Удамцова

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ТРУДАХ ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОРИКОВ И ХРОНИСТОВ IV—VI ВВ.

(Краткое содержание доклада)

Первые столетия истории Византии были периодом, когда не только рушился старый рабовладельческий строй и появлялись ростки новых феодальных отношений; в это время также происходил мучительный и противоречивый процесс ломки старой рабовладельческой идеологии и рождения новой идеологии будущего феодального общества. Мучительным он был потому, что новая идеология рождалась в жестокой, порою кровавой борьбе с идеями античного мира. Противоречивым, — потому, что и уходящая античная цивилизация и возникающая феодальная структура имели свои как положительные, так и отрицательные черты.

Именно в этот период жизнеутверждающая земная религия греков уступила место фанатичному, хмурому христианству, растерявшему уже свою былую революционность, само же христианство из религии угнетенных стало религией угнетателей, стремившейся безраздельно подчинить своей власти человеческую личность. Именно в эти столетия античная философия и наука потеснились перед лицом всемогущей христианской теологии и все больше уносились с грешной земли в заоблачные высоты „чистого духа“. Римское же право, достигшее „высот правовой науки“, все больше впитывало обычное право народов, населявших империю, все больше христианизировалось.

А на смену неуязвимой прелести радостного античного искусства приходило спиритуалистическое, несколько сумрачное, но все же прекрасное в своем своеобразии средневековое искусство Византии.

Идея монархической власти, еще в Римской империи сменившая идею античной демократии, в ранней Византии все более окутывалась ореолом христианской святости. А человеческая индивидуальность все более растворялась в обществе и государстве, попиравшем все проявления инакомыслия и свободолюбия.

Новая идеология впитывала из уходящей античной цивилизации все, что было ей полезно, все что могло привлечь к ней сердца людей. Именно в IV—пол. VII вв. в Византии происходит процесс переработки духовных ценностей, созданных в античную эпоху в духе новых христианских идей, приспособление их к потребностям нарождающегося феодального общества. Вместе с тем, воспринимая все полезное из античной культуры, господствующие классы, создававшие эту новую идеологию, одновременно с беспощадной неумолимостью уничтожали все, что мешало ее победе.

Однако античная культура в этот период отнюдь не была бездыханным трупом, как хотели бы этого фанатические церковники, она еще жила, сопротивлялась, боролась и имела немало своих приверженцев. Христианство, родившееся на развалинах античного мира и завладевшее, казалось, без остатка духовной жизнью византийского общества, не смогло, однако, уничтожить обаяние языческой культуры. И хотя богов и героев античной мифологии, преследуемых, но не забытых, церковь пыталась облечь в одежды христианского смирения, а античную историю перекроить на библейский лад, историческая инерция античной языческой цивилизации была еще столь могущественна, что идеологи христианства, борясь против нее нередко сами бывали ею побеждены.

Сказанное делает понятным почему византийская историография, публицистика, богословская литература IV—пол. VII вв. проникнута духом полемики, дышат непримиримой борьбой враждующих идей. При этом борьба этих идей зачастую принимает форму религиозных столкновений, полемики представителей ортодоксального христианства, как с последними защит-

никами язычества, так и с многочисленными приверженцами различных еретических учений. Немудрено, что разнообразные письменные памятники тех столетий отразили столь высокий накал общественно-политических и религиозных страстей, будораживших византийское общество в первые века существования империи.

В последующие века византийские ученые-богословы, историки, хронисты черпали из арсенала идейной борьбы этого времени свое полемическое оружие. Они взяли от этой эпохи героизацию борьбы христианства против язычества, идеализацию „боговдохновенной“ борьбы отцов церкви за чистоту христианского учения против ненавистных еретиков, окутанные ореолом непогрешимости образы монархов: первого христианского монарха Константина и премудрого законодателя Юстиниана.

Это идейное оружие использовалось господствующими классами в течение всего средневековья, как в самой Византии, так и в соседних с ней странах. Идеологи христианства и крепкой монархической власти искали постоянно опору для своих идей в авторитете отцов церкви и законодательстве ранневизантийской эпохи.

Многоязычная и многоликая византийская историография IV—половины VII века, включающая труды греческих, сирийских, латинских, коптских, армянских и других авторов, необычайно пестрая по своей политической и религиозной окраске, с большой наглядностью отразила всю сложность социально-политической борьбы в Византии в эту переходную эпоху. Как и во всех сферах идейно-политической жизни, так и в историографии того времени происходили острые столкновения двух идеологических течений — идеологии уходящего рабовладельческого мира с его прекрасной, но уже начавшей угасать античной культуры и идеологии нарождающегося феодального общества, носящей семена прогресса, но вместе с тем уже скованной мертвящим дыханием христианской церковности. В каждом из этих течений, и в этом состоит особая сложность этой переходной эпохи, были свои прогрессивные и консервативные черты. Наряду с родимыми пятнами рабовладельческой идеологии, презрением к рабам и народным массам, сохранением сословных предрассудков, прославлением римской исключительности и высокомерным отношением к варварским народам, с тайными

симпатиями к умирающему язычеству, консервативной идеализацией древнего Рима, пессимизмом, свойственным уходящим с исторической арены общественным классам, — первое из этих течений все еще таило в себе огромную притягательную силу античной цивилизации. На нем лежали яркие отблески неповторимой античной культуры, оно сохраняло научное понимание мира, хорошее знание жизни соседних племен и народов, античную космологию и философию, высокое ораторское искусство, чистоту аттического языка.

Нарождающаяся историография средневековья, наряду с такими прогрессивными явлениями, как отказ от рабовладельческой идеологии, замена римской великодержавности и римского эгоцентризма изображением всемирно-исторического процесса (но, конечно, в библейском духе), уравниванием перед лицом истории всех народов, все же уже несла на себе печать церковного догматизма, религиозной нетерпимости, пренебрежения к античной науке, замену разума — верой, что таило в себе опасность падения научного уровня исторических сочинений, торжества мрачных суеверий, подчинения человеческой личности церковной догматике. В IV — пол. VII веках, в эпоху, которая являлась как бы рубежом между двумя мирами, естественно, черты обоих борющихся идеологических направлений иногда причудливо переплетались в творчестве одного и того же автора.

Ранневизантийский период, особенно VI век, обычно принято считать временем расцвета византийской историографии. Действительно, он оставил потомкам труды целой плеяды прославленных византийских историков. Но говоря о расцвете византийской историографии того времени, нельзя забывать, что это был не только расцвет, но одновременно и начало угасания. Это был последний взлет античной историографии, посивший на себе уже печать начинающегося упадка.

Вместе с тем, в византийской историографии все более видное место начинали занимать представители новых веяний, все сильнее завоевывают читателей новые жанры: церковные истории, всемирные хроники, агиография — жанры, которым в средневековой Византии суждено было приобрести главенствующее положение. Именно в это время создается христианско-апологетическое направление в историографии, нашедшее свое воплощение в первую очередь в широко популярных в средние века всемирных хрониках.

При всех различиях в политических взглядах, образовании, религиозных убеждениях, в степени осведомленности и, наконец, в таланте изложения, всех византийских историков раннего периода объединяют некоторые общие, присущие всем им черты.

Прежде всего все они выросли непосредственно из античной историографии, основой их трудов являются лучшие произведения античной исторической мысли, они не только хорошо знают и высоко ценят сочинения Геродота, Фукидида и Полибия, но порою и подражают своим великим предшественникам. Однако это отнюдь не рабское копирование лучших образцов античной историографии. Это — органическая связь античной и ранневизантийской исторической мысли, порожденная всем мировоззрением, образованием, воспитанием византийских историков IV — VII в. как бы впитавших с молоком матери преклонение перед античной цивилизацией. Для большинства византийских историков раннего периода, получивших широкое образование в античном духе, античная историография была вершиной исторического творчества, однако, преклоняясь перед прославленными историками прошлого, они вносили в освещение исторических событий много своего, оригинального, нового. И думается, что некоторых византийских историков, таких как Аммиан Марцелин, Зосим, Приск Панийский, Прокопий, Агафий, Менандр, Феофилакт Симокатта можно поставить в ряд с античными авторами.

Другой отличительной чертой произведений византийских историков IV—пол. VII вв. было их тяготение к современности. Все они, в отличие от хронистов, описывавших события от „сотворения мира“ до их дней, в своих произведениях освещают сравнительно короткий исторический отрезок времени и сосредотачивают основное внимание на изложении современных им событий. В этом их огромное преимущество перед хронистами. И сочинения историков компилятивны в значительно меньшей степени, чем труды хронистов. Большая часть их произведений написана на основании современных им документов, рассказов очевидцев и личном опыте. В этом отношении труды историков сохраняют в большей степени чем труды

хронистов аромат эпохи, представляют собой свидетельство современности, что значительно увеличивает их ценность, как исторического источника.

Вместе с тем, конечно, именно близость к современности делает сочинения историков особенно тенденциозными, особенно подверженными влиянию политической борьбы и субъективного восприятия действительности.

Все византийские историки IV — пол. VII вв. как правило были выходцами из господствующего класса: это или высшие государственные чиновники, дипломаты, придворные, находившиеся в гуще политических событий своего времени, или представители византийской интеллигенции, адвокаты и риторы.

Все они, хотя и в разной степени, осведомлены о государственных делах и проявляют в своих трудах особый интерес к внешне-политической истории византийского государства, сложной дипломатической игре, войнам с различными народами, к придворным интригам и борьбе политических партий. В меньшей степени их интересуют события внутренней жизни, жизнь же народных масс, за редким исключением, остается, конечно, вне поля их зрения.

Политические симпатии и антипатии различных историков того времени, естественно, были различны: иногда оппозиционны в отношении существующего строя, иногда вполне лояльны. В IV и отчасти в V веке среди византийских историков встречаются представители языческой оппозиции, поскольку язычество еще сохраняло своих приверженцев, главным образом в среде старой рабовладельческой аристократии (Аммиан Марцеллин, Евнапий, Олимпиодор и особенно Зосим).

Среди некоторых византийских историков того времени были сильны оппозиционные настроения: они выступали против автократии христианских монархов с ее политическим произволом и финансовым гнетом, против навязанной сверху, принудительной христианской идеологии (Зосим). Но критика эта, конечно, носила отнюдь не демократический, а скорее консервативный характер, поскольку свой идеал общественного развития эти историки находили в уходящем рабовладельческом мире, всячески идеализируя не только античную культуру и религию, но и римскую государственность (Аммиан Марцеллин).

Позднее, в VI—пол. VII века эта оппозиционность в историографии теряет уже свою языческую окраску по мере дальнейшего ослабления влияния язычества. В трудах историков VI—пол. VII вв. симпатии к язычеству уже отступают на второй план и заменяются внешним признанием официальной христианской религии. Тем не менее и для исторических сочинений VI—пол. VII в., за редким исключением, характерен индифферентизм в вопросах веры, равнодушия к церковной истории и острейшим религиозным спорам, волновавшим византийское общество того времени (Проконий, Агафий, Менаандр и др.). Правда, в VII в. христианская идеология начинает уже просачиваться и в труды историков, но она уживается там с преклонением перед античной культурой (Феофилакт Симокатта). В целом же все произведения византийских историков IV—пол. VII вв. носят вполне светский характер, связно и последовательно излагают гражданскую историю Византии этих столетий.

По своим философским взглядам византийские историки этого периода в подавляющем большинстве эклектики, черпающие свои философские представления из античной философии различных направлений, очень часто у них некоторый философский рационализм переплетается с агностицизмом, вера в человеческий разум—с самыми грубыми суевериями (Аммиан Марцеллин, Проконий, Агафий). Но все же в своем прагматизме они на голову выше византийских хронистов, которым совершенно чуждо рационалистичское понимание окружающего мира.

По своим социально-политическим взглядам византийские историки изучаемой эпохи в большинстве случаев были или аристократами по рождению, сторонниками аристократического правления (Проконий), или аристократами духа, — (Агафий, Феофилакт Симокатта), видевшими идеал политического устройства в государстве, управляемом избранными людьми, мудрецами, философами. И те и другие с одинаковым презрением и недоверием относились к народным массам и в самых мрачных тонах описывали народные движения.

Сочинениям византийских историков раннего периода присуща еще одна характерная черта, также порожденная самой эпохой. Все они, хотя и в разной мере, интересуются одним из животрепещущих вопросов их современности — борьбой римско-византийского и варварского мира. Неко-

торые из них понимают, что этот вопрос, — вопрос жизни и смерти для византийского государства (Аммиан Марцеллин, Зосим, Олимпиодор), другие с высокомерием потомков истинных римлян стремятся убедить себя и своих читателей, что варварская опасность не столь грозна и будет устранена и ромеи выйдут победителями из этой схватки, длившейся несколько столетий (Прокопий, Менандр, Феофилакт Симокатта). Одни из историков относятся с презрением к невежественным и диким варварам (Прокопий, Феофилакт Симокатта), другие уже осознают не только их силу, но и достоинства, третьи даже идеализируют общественный строй варваров (Агафий). Но никто из них не проходит мимо этого трагического столкновения двух миров.

И именно благодаря ясности для Византии проблемы взаимоотношений с варварами, труды византийских историков IV — пол. VII вв. стали лучшими, если не единственными, источниками по истории многих варварских народов, с которыми сталкивалась империя в эти столетия. В их сочинениях перед читателем проходят длинной чередой варварские племена: гуннов, готов, алан, гепидов, франков, лангобардов, славян, антов, авар, турок и многие другие народы, часто с описанием особенностей их быта, военной тактики, общественного устройства. Не все в известиях о варварах византийских историков объективно и правдиво, многое освещено или намеренно тенденциозно или просто неверно из-за недостаточной осведомленности авторов. Однако, если принять во внимание, что эти варварские народы сами не имели еще своих историков (за исключением гота Иордана), византийские писатели IV—пол. VII вв. оказали истории неоценимую услугу, осветив, хотя и с неодинаковой яркостью, жизнь варварских народов, окружавших плотным кольцом Византию и массами уже проникавших в империю.

Важным достоинством большинства исторических сочинений византийских авторов раннего периода является обилие в них исторического, географического, топонимического, этнографического материала о жизни различных народов, населявших империю и соседние с ней страны. За редким исключением эти сведения отличаются достаточной точностью и подтверждаются позднейшими археологическими открытиями. Это, конечно, не значит, что труды византийских историков лишены фактических

ошибок, проистекающих от самых различных причин. Но, как установлено новейшими исследованиями, в целом большинство византийских авторов заслуживает доверия в отношении хронологии, фактов и разнообразных материалов, собранных в их трудах.

Для литературного стиля большинства византийских историков изучаемой эпохи характерно стремление сохранить чистоту древнего аттического греческого языка, не быть ниже своих прославленных образцов — античных авторов. Византийские историки того времени пишут преимущественно для узкого круга избранных, образованных людей. Они часто щеголяют цветистым, риторическим стилем, обилием метафор и сравнений, почерпнутых из античной мифологии и литературы. Но, и в стиле византийских авторов IV—VII вв., хотя, конечно, и в разной степени, уже чувствуется дыхание новой эпохи: в язык писателей проникают порою многочисленные варваризмы, заимствованные у различных варварских народов, встречается нередко церковно-догматическая терминология, иногда ощущается, правда, еще в малой степени влияние народной разговорной речи (Олимпиодор, Зосим).

Итак, в мировоззрении византийских историков IV—пол. VII вв. отчетливо отразилась противоречивость той эпохи. С одной стороны, они объективно стояли на консервативных позициях, защищали умирающий рабовладельческий мир и угасающую античную цивилизацию. Но, с другой стороны, именно они были носителями лучших традиций античной исторической науки, хранителями научных знаний, накопленных в античном мире. По широте кругозора, по обилию позитивных знаний, по блестящей порою форме изложения они были на голову выше современных им христианских хронистов. Именно это выдвигает их на первое место в византийской историографии раннего времени. Без их трудов было бы совершенно невозможно воссоздать последовательную и связную историю Византии IV—пол. VII вв.

И. Ф. Физман

К РАЗВИТИЮ ПАТРОЦИНИЕВ В ВИЗАНТИЙСКОМ ЕГИПТЕ

1. Патроцинии — явление не исключительно египетское, но поскольку большинство императорских конституций, направлен-

ных против патрониев, касается Египта, и только из Египта до нас дошли, правда немногочисленные, документальные данные, относящиеся к патрониям (папирусы), изучение развития патрониев в Египте представляет особый интерес.

2. Широкое распространение патронатных отношений в Египте с середины IV в. объясняется глубокими изменениями в системе землевладения и землепользования, исчезновением различных категорий царской, общественной и т. п. категорий земель и переходом этих земель в частную собственность в условиях жестокого налогового гнета и глубокого хозяйственного кризиса. Стремление избежать растущие фискальные требования государства, беззащитность перед лицом государственной администрации создавали благоприятную обстановку для возникновения и быстрого развития патрониев со всеми вытекающими из них последствиями: колонат, рост крупного землевладения и т. п.

3. Патронатные отношения, задевающие фискальные интересы государства, ущемляющие права и прерогативы государственной администрации, подрывающие позиции курий, вызвали резкую реакцию государственной власти, нашедшую свое отражение в законодательстве. Вопреки утверждениям А. Джонсона и Л. Уэста борьба против патрониев не увенчалась успехом. государству пришлось по существу капитулировать, правда, отстояв в какой-то мере свои фискальные интересы. Патронии продолжали развиваться в скрытой форме. Об этом свидетельствуют как данные законодательства и папирусов, так и такие факты, как предоставление отдельным деревням права автопрагии и рост крупной земельной собственности.

4. По мере развития и укрепления патронатных отношений менялись как социальный состав лиц, предоставляющих покровительство (к концу византийского периода главную роль играли крупные землевладельцы), так и взаимоотношения между патронами и обращающимися за покровительством. Выдвинутой Д. Диосди стройное деление развития патронатных отношений на три четко последовательные фазы не представляется, однако, полностью доказанным источниками.

ВИЗАНТИЙСКИЙ И ДАЛМАТИНСКИЙ ЭМФИТЕВЗИС

1. Эмфитевзис — издавна известный институт поземельных отношений в Византийской империи. Эмфитевзис получил распространение на территории не только империи, но и соседних стран, в частности, в Далмации. Сравнительная характеристика византийского и далматинского эмфитевзиса и представляет задачу настоящего доклада. Мы избираем для сопоставления эмфитевзическую аренду VI — VIII вв. для Византии и XIII — XIV вв. для Далмации.

2. Характеризуя эмфитевзис IV — VI вв., М. В. Левченко отмечал, что это была льготная аренда, которая практиковалась преимущественно на землях императорских и церковных. Его характерной чертой являлось производство насаждений (от *ἐμφιτεζῶν* — „насаждаю“) на пустующих или приходящих в запустение землях, но постепенно она распространялась и на обработанные земли. С течением времени эмфитевзис сближается с вечной арендой — *ius perpetuum*.

3. Эклога позволяет установить, что эмфитевзис был двух видов — вечный и ограниченный. Вечный оформлялся на условиях производства улучшений на земле и заботы о ней, на условии уплаты ежегодного взноса. Важной чертой вечного эмфитевзиса был его наследственный характер, предоставлявший арендатору право продать свои насаждения, предварительно предложив их собственнику земли. Ограниченный эмфитевзис фиксировался на 1 — 3 поколения без права возобновления. Характерно, что составители Эклоги даже не упоминают о насаждениях, до такой степени было ясно, что договор эмфитевзиса заключается именно для этой цели. Таким образом, обязанность создавать насаждения, вечно-наследственный и несколько привилегированный характер, когда эмфитевтами выступают состоятельные собственники — таковы основные черты византийского эмфитевзиса VI — VII вв.

4. Исторически византийский и далматинский эмфитевзис разделены достаточно обширным промежутком времени, первые сколько-нибудь подробные сведения об эмфитевзисе в Далмации мы получаем из района Задара от 2-ой половины XIII в. И тем не менее его основные черты остались неизменными.

5. Статут Задара 1305 г., подводит итоги длительного развития поземельных отношений в этом районе. Он фиксирует обязанность эфитевта создавать насаждения, причем основное внимание обращается не на закладку виноградника: это, видимо, стало привычным и разумеется само собой, а на посадку маслин. Арендатор по-прежнему остается наследственным владельцем земли. Исследователи отмечают, что эфитевзис является наиболее распространенным и развитым поземельным институтом в районе Задара. Активный материал, который мы привлекаем в дополнение к статуту, позволяет установить ещё одну, уже знакомую нам черту эфитевзиса — он оказывается более благоприятной формой земельного держания, чем обычная аренда: арендатор обязан поддерживать виноградник именно в том состоянии, в котором он взял его, эфитевт же от этого обязательства свободен.

6. Задарский эфитевзис обладает и новыми чертами. И статут и данные арендных договоров одинаково настойчиво рисуют многочисленные повинности эфитевта и строгие наказания за их нарушение. Есть даже тенденция держать чини эфитевта на как можно более высоком уровне. Не остается сомнений в том, что, сохранив многие свои прежние особенности, эфитевзис перестал быть земельным держанием, ориентированным главным образом на состоятельных собственников, что он стал формой эксплуатации мелких производителей.

7. Преобладание эфитевзиса в столь „чистом“ виде в районе Задара легко объясняется тем, что Задар очень долго оставался центром византийской администрации и рассадником византийского влияния в этой части Далмации. Здесь, таким образом, налицо прямая (хоть и не абсолютно полная) преемственность и поземельной практики и аграрно-правовой теории. А между тем в Далмации есть районы, где эта преемственность отсутствует, это — южная часть Далматинской Хорватии, район Сплита и Трогира. Ни сплитский, ни трогирский статуты не упоминают об эфитевзисе и на этом основании одни исследователи (Г. Новак, А. Цвитанич) отказываются признавать существование эфитевзиса в этом районе, а другие (М. Медини) считают, что поземельные отношения вокруг Сплита в принципе отличны от задарских.

8. Анализ договоров об аренде, внесенных в нотариальные книги Трогира за 1263—1299 гг., показывает, что большая их часть (53%) фиксирует самый настоящий эмфитевзис, только фигурирующий под другими наименованиями. Это — сдача земли *ad pastinandum* т. е. для производства насаждений, на длительный срок — „пока лозы плодоносят“ и вдобавок с указанием на срок, в течение которого эмфитевт пользуется льготой — особенность, которую мы наблюдаем только в очень раннем византийском эмфитевзисе, V-го в. Правда, этот не названный по имени эмфитевзис оказывается ещё и достаточно модифицированным — собственник земли в каждом договоре авансирует арендатора деньгами для разбивки виноградника.

9. Таким образом, мы встречаем эмфитевзис в Далмации не только в тех юридических категориях, которые были знакомы юстинианову праву и Эклоге, и не только в местах, знавших длительное воздействие империи. Это дает нам основание судить о том, что сохранение эмфитевзиса в Далмации вызывалось какими-то устойчивыми причинами, достаточно отличными от тех, которые вызвали к жизни появление византийского эмфитевзиса. На наш взгляд, эти причины заключались в существовании развитых городских центров, нуждавшихся в крестьянстве, свободном и связанном с распространением наиболее выгодной в рыночном отношении сельскохозяйственной культуры — винограда. И если личная свобода была свойственна в Далмации не только эмфитевтам, но и многим другим категориям крестьянства, то распространение культуры винограда (и маслин) на новых площадях было возможно только с помощью эмфитевзиса. Поэтому в XIII—XVI вв., когда в Далмации, так же, как и в соседней Италии высокого расцвета достигает культура садоводства, именно эмфитевзис оказался наиболее подходящей формой поземельных отношений. А наследственный характер эмфитевзиса обеспечивал крестьянину наиболее благоприятные условия держания по сравнению с другими формами аренды: создавая сходство между эмфитевзисом и „новыми держаниями“ в Центральной Европе.

ТАЙСКОЕ КНЯЖЕСТВО И ВИЗАНТИЯ НА РУБЕЖЕ X—XI ВВ

1. В конце X в. среди отдельных государственных образований Закавказья наиболее тесные сношения с Византией поддерживало Тайское княжество. Это нашло отражение в участии его владетеля Давида Куропалата в сложных перипетиях восстаний Варды Склира (976—979) и Варды Фоки (987—989).

2. Большой политический вес Давида Куропалата помещал Византию непосредственно расправиться с ним после его участия в восстании Варды Фоки. Византия, однако, использовала сложившуюся обстановку и вынудила Давида завещать свои владения Василию II.

3. С середины X в. Византия стремится захватить армянские и грузинские территории, осуществляя свои намерения в Тароне, Тао-Тайке, Васпуракане, Шираке, Ванонде.

4. Убийство Давида было осуществлено провизантийско-грузинской группировкой, сложившейся в Тайке, которая тем самым облегчила проникновение Византии в Тао и вызвала последующие кровопролитные войны.

5. Давид Куропалат был убит 31 марта 1000 г., а не в 1001 г., как значится в „Картлис Цховреба“.

Натела Аладашвили

К ВОПРОСУ О РАЗГРУППИРОВКЕ ПАМЯТНИКОВ
МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ ВЕРХНЕЙ СВАНЕТИИ

1. Верхняя Сванетия сохранила большое число памятников средневековой настенной живописи, примеры которой распределяются в непрерывной последовательности от X до XVII века. Изучение этих памятников выявило, что сванская монументальная живопись включается в общую линию эволюции грузинской средневековой живописи, проходя те же этапы развития. Это относится и к памятникам периода зрелого средневековья — X-XIII вв. являющимся темой доклада.

2. Вместе с тем, монументальная живопись Сванетии характеризуется специфическими особенностями, сохраняя определенное единство на всем протяжении средневековья, что дало возможность исследователям выделить местную сванскую школу живописи.

Особенности эти выявляются в общности колорита росписей, с характерным сдержанным сочетанием различных тонов красно-коричневого, серого и охры, в своеобразном, выразительном типаже лиц, связанным с восточно-христианскими традициями, и в подчеркивании экспрессии фигур. Характерен также подбор изображений, а именно предпочтение оказываемое определенным иконографическим схемам и изображениям святых.

3. Внутри сванской школы живописи, в памятниках одного и того же периода, наблюдается разнообразие манер и направлений. Некоторые памятники отличаются профессиональным мастерством исполнения и художественной законченностью, свидетельствующими о выполнении их мастерами, прошедшими высокое профессиональное обучение и знакомыми с классическими нормами живописи (росписи, выполненные царским художником Тевдоре, росписи церквей св. Георгия в Кураши, Спаса в Адиши, второй слой живописи в Несгуне и др.). Следует подчеркнуть, что и эти росписи не однородны по характеру и уровню мастерства.

4. Рядом с названными росписями имеются памятники живописи, своими особенностями указывающие на мастеров

провинциальной выучки. Эти памятники также не однородны и среди них, наряду с примитивными и лубочными произведениями (росписи церкви Муркмел, Тангил, ряд живописных икон), встречаются росписи, отличающиеся более сложной манерой исполнения (росписи церквей Ан, Ипхи, св. Георгия в Цвирми, архангелов в Адиши, Цалдаши). Эти росписи отличаются интенсивностью и повышенной насыщенностью колорита, грубоватым рисунком. Экспрессия фигур характеризуется грубоватой выразительностью. В них особенно проявляется отступление от канонизированных схем и форм. Некоторые из этих росписей объединяет общность принципов распределения живописи по стенам церкви, а именно — отказ от четкого разделения композиций и сплошное «ковровое» заполнение поверхности стен, что отличает их от общепринятого в грузинской монументальной живописи принципа четкого разграничения сцен в ансамбле росписи.

Аналогичный принцип «коврового» распределения живописи выступает в памятниках восточно-христианского круга (росписи пещерных монастырей Каппадокии, росписи Латмоса). Это решение противопоставляется четкой и ясной архитектурной системе ансамбля росписи, характерной для классических памятников византийского искусства.

5. Таким образом, сванская школа живописи представляется как сложное художественное явление, которое включает произведения различного характера и направления, а также разного уровня исполнения

Г. Алибегитовли

МИНИАТЮРЫ РУКОПИСИ А-109

1. Тринадцать миниатюр росписи А-109, датруемые в литературе концом XII и началом XIII вв., иллюстрируют некоторые речи (слова) Григория Богослова. Соотношением с иллюстрируемым текстом и совокупностью художественных средств они представляют в истории грузинского книжного декора один из памятников первостепенного значения.

2. Анализ миниатюр выявляет, с одной стороны, увязку миниатюр с конкретными моментами из иллюстрируемого «слова», а, с другой, — изображение этого конкретного момента приобретает, благодаря своему художественному решению, характер обобщений; миниатюра, таким образом, перерастает из иллюстрации частного момента в иллюстрацию, выражающую основную суть литературного произведения. Последнему обстоятельству отвечает и общий монумент-

тальный характер миниатюр, определяемый совокупностью художественных средств (характер рисунка, композиционное построение и т. д.).

3. Миниатюры выделены в качестве фронтисписа к каждому слову.

Они не имеют обрамления, включают в композицию все поле страницы, кроме того, в них наблюдается разноразмерностью в соотношении изображений с оставшейся свободной поверхностью страницы. Эти признаки ставят миниатюры А-109 в явную зависимость от образцов рукописей, в которых миниатюры, не будучи самостоятельно выделенными, свободно располагались на полях и выражали, таким образом, тенденции наметившиеся в византийском искусстве в XI—XII вв., когда в рукописях развивается т. н. «миниатюрный» стиль. Но при этом миниатюры А-109 впечатляют не только по формату, но и по общему своему художественному решению монументальным, столь отличным от этих образцов, характером, который определяет их своеобразие и ставит во взаимосвязь с подходами монументальной живописи.

4. Среди разобранных миниатюр особенное внимание обращает на себя миниатюра, связанная с темой весны и изображающая юного Мамаю, восседающего на льве.

Рассмотрение этой миниатюры вместе с содержанием слова позволяет высказать соображение, что изображение Мамаю может ставиться в определенную взаимосвязь с символическим изображением солнца, что, в свою очередь, проливает некоторый свет на помещение изображения юноши, сидящего на льве, в композиции росписи купола Манглисского храма.

Изображения Мамаю сидящего на льве в указанных памятниках, вместе с подобным изображением этого святого в чеканном тондо в Гелати (XI в.), являются пока единственными, нигде до этого времени не встречаемыми, примерами (другие изображения этого святого в такой иконографической схеме относятся к более позднему времени).

Это позволяет думать о сохранении памятниками грузинского искусства традиций, происхождение которых может относиться к такому раннему времени, когда раннехристианские образы в своем отрицании языческого мира четко не отделились от представлений последнего. Это хорошо иллюстрируется и самим словом о Весне, написанном в IV веке: при проникающей его в целом христианской идеологии, в нем проступает языческое мироощущение.

Наличие указанной иконографической схемы в разных областях грузинского искусства говорит за ее определенную устойчивость.

5. Сравнение с греческими списками иллюстрированных «слов» Григория Богослова показывает, как в грузинской средневековой книжной иллюстрации — области наиболее зависящей, по причине своей специфики, от образцов византийских — так же выявляются черты, позволяющие определить своеобразие подходов, совпадающих с общим ходом развития изобразительного искусства Грузии.

Ш. Я. Амиранашвили

ВИЗАНТИЙСКАЯ МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ ЭПОХИ ПАЛЕОЛОГОВ И «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ» (КИР МАНУИЛ ЕВГЕНИК)

1. По общепринятому взгляду т.н. «палеологовский ренессанс» сложился в Константинополе в конце XIII и первой половине XIV столетия и получил широкое распространение в славянских странах, в Древней Руси и Грузии. Процесс становления нового стиля в искусстве указанных стран протекал параллельно, органически был связан с экономическим и социальным развитием каждой из них в отдельности.

2. Возникновение нового стиля в искусстве рассматриваемой эпохи, для которого характерны смягчение аскетизма, большая свобода и динамичность композиции, интерес к пространственным построениям, в целом объясняется напряженной борьбой с аскетическим мировоззрением средневековья, которая почти одновременно, в разных формах протекала в странах Западной Европы, в Византии, в Балканских странах, в Древней Руси и Грузии. Искусство этой эпохи становится более реалистическим, более человечным и эмоциональным.

3. Процесс преодоления иконографических традиций и композиционных схем древнего религиозного искусства, борьба со средневековым аскетизмом, проникновение реалистических тенденций, стремление отобразить действительность, тяготение к античному наследию было общим явлением в развитии художественной культуры Запада, Византии, Балканских стран, Древней Руси и Грузии. Пути преодоления средневекового аскетического мировоззрения различны в разных странах.

4. В поисках художественного языка, призванного воплотить новые идеи эпохи, художники Балканских стран, Древней Руси и Грузии, опираясь на крепкие местные традиции, развили национальное искусство в направлении к большей

жизненности, эмоциональности, рядом с которым византийская живопись конца XIV века производит впечатление сухости и своеобразной академичности.

5. Новейшие исследования в области изучения искусства Сербии, Болгарии, Древней Руси, Грузии показывают, что нельзя сводить весь художественный процесс в рамках национальных школ к одним лишь византийским влияниям и вместе с тем неверно игнорировать тот вклад, который дал Константинополь, как крупный художественный центр средневековья, Италии, Сербии, Болгарии, Древней Руси, Армении и Грузии.

6. Проблема национальной специфики в средневековом искусстве может быть решена в результате тщательного историко-художественного анализа отдельного памятника, а не на основании заранее выработанных общеисторических построений.

7. Изучение отдельных фактов сотрудничества заезжих греческих мастеров с местными, показывает, что греческие мастера при выполнении мозаичных и фресковых росписей храмов пользовались услугами местных мастеров, без участия которых они не могли бы выполнить тех грандиозных мозаических ансамблей, которые поражают нас в Венеции, Монреале, Киеве.

8. Заезжие мастера, попадая в другое окружение, не могли не изменять идейного замысла росписи, а иногда и самой манеры исполнения, так как они, в силу сложившихся обстоятельств должны были считаться с местными вкусами, художественными традициями и как-то к ним принаравливались.

Ярким фактом художественного сотрудничества константинопольского живописца и местных мастеров дает роспись Цаленджихского храма, выполненная в 1384-1396 гг., согласно греческой и грузинской надписям, специально приглашенным из Константинополя греческим живописцем Кир Мануилом Евгеником с двумя грузинами живописцами: Махаробели Квабалия и Андронике Габисулова.

9. С середины XIV века палеологовский стиль вступает в новую фазу развития, которая наиболее яркое выражение находит главным образом в монументальной живописи. Стремительное, подчеркнутое движение, характерное для раннепалеологовского искусства, уступает место строгой, более сдержанной трактовке. Свободная живописная трактовка лиц утрачивает жизненность, в них усиливается аскетизм выражения. Живописная трактовка лиц при помощи мазков, резко подчеркнутых бликов, уступает линейной трактовке. Архитектурные фоны и перспективные построения.

упрощаются, становятся условно схематичными. В общем в монументальной живописи плоскостное начало начинает постепенно доминировать над пространственным. Перерождение свободного живописного раннепалеологовского стиля в глубоко отвлеченный стиль позднепалеологовского времени было явлением повсеместным. Однако в национальных школах живописные традиции первой половины XIV века держались гораздо дольше, особенно в Сербии, России и Грузии.

10. Целый ряд памятников монументальной живописи иллюстрирует этот второй этап в развитии палеологовской живописи. Это прежде всего роспись Цаленджикского храма, выполненная константинопольским живописцем Кир Мануилом Евгеником (1384-1396), поздняя группа фресок Мистры (Перивлента и Пантанасса), датируемая второй половиной XIV и первой половиной XV века и роспись Снаса Преображения в Новгороде, выполненная в 1378 году знаменитым живописцем Феофаном Греком. Сравнительное изучение перечисленных памятников дает конкретную основу для изучения монументальной живописи позднепалеологовской эпохи, характеристика Константинопольской школы и ее отношения к национальным школам Древней Руси, Балканских стран и Грузии.

11. Обзор сюжетов представленных в Цаленджикской росписи, иконографический анализ отдельных тем, позволяет сделать вывод о наличии в ней ряда черт, характерных для Византии и ряда особенностей, характерных для Грузии. Константинопольский мастер Мануил Евгеник не внес никаких изменений в грузинскую схему росписи XIV века. Отдельные факты свидетельствуют о том, что он учитывал местные художественные традиции. В числе святых, почитаемых восточной православной церковью, введены изображения грузинских святых — Аргветских мучеников Давида и Константина, погибших в борьбе с арабами.

12. Роспись конхи алтарной обсыды, свода среднего нефа и западная стена среднего нефа несомненно выполнена главным живописцем Мануилом Евгеником. Им же написан ктиторский портрет Вамека Дадзиани, его супруги Марии и их сына Георгия Дадзиани, большая композиция «Уверение Фомы» на северной стене поперечного нефа. Остальная же роспись: святительский чин в алтарной абсиде, житие св. Николая в жертвеннике, житие богородицы на южной стене поперечного нефа, фигуры святых воинов, грузинских святых, житие Предтечи и чудеса Христова выполнены грузинскими живописцами Квабалия Махаробели и Габисулова Андроником. При этом надо отметить, что житие богородицы и св.

Николая выполнены по греческому иконописному подлиннику.

13. Цаленджихская роспись тончайшего артистического исполнения, сдержана по колориту, строга и академична по трактовке художественной формы. По предварительной контурной прописи лика и нимба наносится основная охряная прокладка, которая затем покрывается телесным тоном (светлая охра с примесью киновари); по нему коричневатокрасной краской вновь намечаются детали лика. Тем же коричневатокрасным тоном обозначается тень на стороне лика, изображенной в большем повороте. Другая сторона лика моделируется яркой зеленой краской; этим же тоном обозначается тень над нижним веком и теневые части носа и шеи. Тень верхнего века обозначается коричнево-красной краской. Белки глаз заполняются зеленоватым тоном, поверх которого писались зрачки. Затем киноварью, разведенной с охрой, наносится румянец в виде сочного красочного пятна. Моделировка лика заканчивается нанесением на щеки жидкими белилами штрихов, лучеобразно расходящихся к наружному контуру. Блики (отметки) на скулах, кончике носа и подбородке наносятся густыми белилами. Зеленовато-голубой цвет радужной оболочки, типичный для данной росписи, не известен в грузинских росписях. Фрески, написанные выдающимся константинопольским мастером Мануилом Евгеником отличаются стилистическим единством, виртуозностью исполнения, и вместе с тем они как бы завершают и суммируют достижения византийской монументальной живописи палеологовской эпохи.

14. Феофан Грек, согласно установившемуся взгляду, был одним из тех великих византийских мастеров, которые в силу исторически сложившихся обстоятельств, покинули свою родину и нашли на чужбине благоприятную почву для выявления своего таланта. Феофан Грек настолько крепко вошел в русское искусство, как правильно отметил В. Н. Лазарев, «что его имя в такой же мере неотделимо от последнего, как имена Растрелли, Кваренги и Росси». Главным источником для изучения стиля и художественной манеры Феофана является роспись храма Преображения в Новгороде, выполненная в 1378 году.

15. Обладая огромным живописным дарованием, Феофан пишет в резкой, смелой манере; он пишет фигуры широкими смелыми мазками. Феофан при моделировке формы искусно использует блики как могучее средство для достижения эмоционального акцента, как живописное средство экспрессивного воздействия.

Лики обычно написаны по темно-коричневой прокладке

(санкир), теньевые части высветлены, освещенные, наоборот, пройдены более темным, чем основная прокладка, тоном. Моделировка лиц у Феофана заканчивается нанесением беслильных отметок-бликов, которые не всегда кладутся им на наиболее выпуклые, выступающие части. Нередко мы находим их на наиболее затененных частях лица. Блики у Феофана не только лепят форму, они как-бы динамизируют ее, всегда попадают в нужную точку, они полны движения. Красочная гамма Феофана, судя по фрескам купола, отличается большой сдержанностью.

16. Стиль и манера письма Феофана сложились на традициях древнерусской монументальной живописи, именно Новгорода, которые в силу определенных исторических причин, не знали разрыва художественных традиций. Глубокая разница в стиле и манере письма, лежащая в основе творчества Феофана Грека и Мануила Евгеника, объясняется не только тем, что «искусство Мануила Евгеника целиком связано с заключительным этапом византийской культуры, когда она вступила в полосу глубокого кризиса» (В. Н. Лазарев), а скорее всего тем, что живописная манера Феофана Грека возникла и сформировалась на художественных традициях древнего Новгорода, одного из значительных центров древнерусской культуры и искусства. Искусство Феофана, поражающее нас силой творческого напряжения, страстью, суровостью своих образов, своеобразной манерой письма, возникло на традициях новгородской школы русского искусства. Оно имеет глубокие корни именно в русском искусстве, а не в константинопольском искусстве палеологовской эпохи. Феофан органически связан с русским искусством. Его имя всегда будет фигурировать на страницах русского искусства не как заезжего иностранца, а как одного из замечательных деятелей русской культуры.

17. Константинопольская манера в монументальной живописи второй половины XIV столетия не привилась и в Грузии, где черты стиля и манеры письма константинопольской школы нашли отражение только в двух памятниках грузинской монументальной живописи: в росписи южного придела Вамека Дадиани в Хобском монастыре и в Набахтеви. Грузинская монументальная живопись XIV века представляет сложное явление. О ней мы имеем яркое представление по многочисленным точно датированным памятникам разного стиля и живописно-технического исполнения.

Наиболее интересна для сравнительного историко-художественного и живописного анализа с манерой письма Мануила Евгеника и Феофана Грека роспись Убиси, выполненная грузином живописцем Дамианом, учеником некоего Ге-

расима, во второй половине XIV века. Живопись Дамиана отличается свободой письма, сочностью мазка, нанесенного с большим мастерством и уверенностью, что придает ей своеобразно выраженный «импрессионистический характер». Блики на лицах нанесены в виде сочных пятен: на освещенной части лба два широких мазка на скулах—один широкий закругленный мазок и резкий блик по всей длине носа. Волосы переданы отдельными короткими мазками, наложенными по основной прокладке по направлению прядей волос и волн кудрей. Благодаря этому приему волосы кажутся пышными, что придает голове живописность.

Анализ манеры письма живописца Дамиана свидетельствует о том, что его живописные приемы восходят к искусству начала XIV века, в котором еще были живы эллинистические традиции. С другой стороны в этом нельзя не видеть проявления яркой творческой индивидуальности, которым насыщено искусство живописца Дамиана.

А. В. Баж

К ВОПРОСУ О РОЛИ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА X—XII В. В РАСПРОСТРАНЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ И ФОРМ

1. Вопрос о роли прикладного искусства Византии и, в первую очередь, Константинополя в распространении художественных образов и форм привлекает неизменное внимание исследователей. На этом пути встречаются тенденции, то к переоценке этой роли, то к ее недооценке. Как нам представляется, прав В. Н. Лазарев, указывающий на то, что экспансия византийской художественной культуры шла разными путями: 1. Вывоз произведений прикладного искусства (резная кость, торовтика, эмали, керамика, ткани), икон и лицевых рукописей, используемых как образцы местными художниками и способствовавшими повышению уровня их профессионального мастерства («Константинополь и национальные школы в свете новых открытий. В. В. XVII, 1960, стр. 93—94). Многочисленные указания письменных источников фиксируют подобного рода факты.

2. За последние годы ряд работ западноевропейских ученых (как например Г. Вентцеля, И. Деера, Г. Ханлозера и др.) посвящено конкретному выяснению воздействия византийских образцов на глиптику, торовтику, эмали и др. в пределах Западной Европы, преимущественно XI—XII вв.

3. Большой интерес в этом отношении представляют те бронзовые двери (украшенные инкрустацией серебром, или рельефными изображениями), которые были заказаны в XI в. в Константинополе для ряда итальянских монастырей и городов и в дальнейшем воспроизводились местными мастерами.

4. Среди относительно большого числа серебряных ставропчек и некоторых других культовых предметов, наряду с собственно византийскими экземплярами, имеются и такие, которые скорее всего изготовлялись под их воздействием в некоторых западноевропейских центрах. Как нам представляется, существовавшая ранее точка зрения о наличии «грекофильского» направления в творчестве Грузии имеет аргументы в свою пользу. Не подлежит сомнению и наличие византийских прототипов для некоторых русских изделий XII в.

5. Привлекают к себе внимание памятники, бытовавшие вне Византии, на которых объединены византийские эмали с местными (например Мстиславова евангелие, Pala d'oro, оклад Хахульской богородицы и др.). С другой стороны на некоторых памятниках можно проследить сочетание византийских и западных, реже восточных черт.

6. Византийские ткани, изделия из слоновой кости и др. порой воспроизводились на каменных рельефах, как на территории самой Византии, так и за ее пределами.

7. Требуется специальное исследование вопроса о соотношении «малых» и «больших» форм в византийском искусстве, о возможном сложении некоторых образов в прикладном искусстве ранее, нежели в монументальном. Во всяком случае отдельные образы очевидно дошли до нас на более древних образцах прикладного искусства и могут содействовать уточнению нижней даты их возникновения.

8. Вопрос о путях формирования национальных школ в сфере прикладного искусства, в странах культурно связанных с Византией, пока еще разработан совершенно недостаточно и требует внимательного исследования.

С. Б. Барнавелли

ГРУЗИНСКИЕ ПЕЧАТИ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В эпоху развитого средневековья, при политической и экономической мощи страны, оживленных политических и торговых сношениях, роль печатей в Грузии была весьма значительна.

В исторических документах и сочинениях развитого средневековья редки сведения о печатях, но то, что имеется, четко выявляет их роль в утверждении тех или иных правовых отношений, целостности государственного и частного имущества; дифференцируются печати для документов разного назначения и для представителей различных должностей.

Оттисков печатей в краске на документах почти не сохранилось, есть примеры оттисков на глине; не уцелели также вислые печати вместе с документами, лишь прорезы на документах для шнуров печатей свидетельствуют о их существовании. Отдельно найдены оттиски таких печатей, но пока лишь с греческими надписями.

Самые матрицы грузинских печатей сохранились в весьма ограниченном количестве. Они свидетельствуют как о резьбе по камню, так и по металлу.

Выявляется их роль и как украшения.

Небольшое число дошедших до нас печатей все же дает яркое представление о характерных формах этого времени. Для печатей-перстней одного типа, по-видимому, характерна форма шинки (ободка), несколько суживающаяся к жуковине. Отличительной чертой является ограничение ободком жуковины вместе с боковой поверхностью от остальной части. Термин «венец», употребленный в грузинской литературе XIX века в отношении такой высокой жуковины перстня Георгия III, вполне выражает и особенности формы жуковины и её парадный убор и находит некоторое подтверждение в фольклорном материале Грузии — в выражении «перстень венценосный» (შარავანდელი ბეჭელი).

Выпуклая жуковина перстня Георгия III явилась хранилищем для мощей. Подобное устройство жуковины подразумевается, по-видимому, в сообщении, относящемся к более ранему времени, о перстне, в котором хранился яд.

Из дошедших до нас печатей самой выдающейся в художественном отношении является печать Георгия III, стоящая в ряду первоклассных памятников грузинской средневековой чеканки.

Пышный декор печати, отвечающий пышности, характерной для архитектуры и чеканки данной эпохи, распределен артистически, с переходом в изысканном контрасте от богато отделанной шинки в лаконично украшенную жуковину с изображением св. Георгия на гладком, ясном фоне.

В перстнях с трехчастным венцом, состоящим из жуковины и украшенных плечиков, эти жуковины и плечики сливаются, создавая общее художественное впечатление. Их нельзя рассматривать отдельно: в одном случае они легко, без заметных переходов, сливаются, в другом — орнамент

плечиков в виде листьев частично переходит на жуковницу и ложится на неё в неотделимом общем впечатлении.

Характер рельефа в изображении св. Георгия, орнаменты, надписи, составляющие один из важных элементов живописного декора печатей, даваемого в гармонии с остальной частью его, выявляют стиль эпохи и связь с другими отраслями грузинского искусства.

Надписи на печатях указывают личность и должность владельца, имена святых патронов, девиз. По словам летописца XII века, на перстнях высекались стихи, что находило подтверждение в глиптике Византии.

Одной из черт грузинской средневековой печатки является её украшение драгоценными камнями, в том числе геммами, в основном античными, также как это наблюдается в Византии, в Западной Европе, в России. Так же, как и там, античные геммы употреблялись в Грузии и в качестве печатей, но примеры имеются пока лишь для позднего средневековья.

Есть примеры грузинских печатей, отражающие античные традиции, свидетельствующие о связях с западноевропейской средневековой глиптикой.

Г. И. Вздорнов

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ХРОНИКЕ ГЕОРГИЯ АМАРТОЛА (ПО РУССКОМУ ЛИЦЕВОМУ СПИСКУ XIV ВЕКА)

1. Византийская хроника Георгия Амартола написана в середине IX века. В I-й половине XI века она переведена на церковно-славянский язык. Этот перевод вероятнее всего был осуществлен в Киеве. Он издан В. М. Истриным (Книги крестовые и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, тт. I—III. Петроград, 1920—1930).

2. У греков и славян Хроника Георгия Амартола обращалась как с иллюстрациями, так и без иллюстраций. Греческих и южно-славянских лицевых списков не сохранилось. До нас дошел только русский лицевой экземпляр хроники, написанный в Твери в XIV веке (хранится в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина, Москва, ф. 173. Фунд., № 100).

3. Иллюстрации тверского списка (числом 127) восходят к аналогичным иллюстрациям греческого протооригинала IX или X веков. Они имеют выдающееся значение для истории византийской иконографии, т. к. сюжеты многих ри-

сунков не встречаются больше ни в одной из греческих или славянских рукописей.

4. Миниатюры Хроники Георгия Амартола образуют четыре основных цикла: 1) библейскую историю от сотворения человека до царствования Навуходоносора и чудес пророка Даниила; 2) историю Александра Македонского; 3) римскую историю от Ромула и Рема до императора Траяна; 4) раннюю византийскую историю от Константина Великого до Феодосия Великого с многочисленными вставками по истории церкви и борьба с армянской ересью.

5. Миниатюры тверского списка Хроники Георгия Амартола изучали Д. В. Айналов, Н. Д. Простасов, А. И. Некрасов, О. И. Подобедова. Обычно считается, что состав этих иллюстраций сборный, что они извлечены из разных источников: из Библии, Александрии и т. п. Между тем, сюжеты иллюстраций Хроники в подавляющем большинстве случаев не имеют аналогий в рисунках библейских книг и Александрии, а немногочисленные совпадения сюжетов показывают, что их редакция в библейских книгах и Александриях одна, а в Хронике — другая. Докладчик полагает, что источником рисунков Хроники Георгия Амартола послужили другие греческие иллюстрированные хроники, в частности лицевая Хроника Иоанна Малалы.

6. Изучение рисунков Хроники Георгия Амартола подтверждает предположения о существовании и даже широком распространении лицевых греческих хроник еще в доиконоборческий период. Не исключено, что они обращались и в иконоборческое время, так как многие сюжеты не были связаны с иконографией святых. Изучение иллюстраций Хроники Георгия Амартола открывает большие перспективы для исследования малоизвестной до сих пор области византийской иконографии — области иллюстрации к историческим летописям.

Т. Б. Вирсаладзе

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РОСПИСЬ АТЕНСКОГО СИОНА
(К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ДРЕВНЕЙШИХ
ГРУЗИНСКИХ РОСПИСЕЙ)

1. Атенский Сион, возведение которого относится к VII в., украшен росписью XI в., сохранившейся в фрагментированном виде. Роспись эта нанесена способом секко на более древнюю штукатурку, без вторичной ее прогрунтовки, тончайшим слоем темперы.

В храме обнаружены остатки более древнего живописного его декора, одни из элементов которого обнажились в настоящее время из под росписи XI в., благодаря частичному осыпанию красочного слоя, а другие были в свое время пощажены художниками XI в. и включены ими в свою роспись.

2. На основании сохранившегося становится возможным восстановить, в общих чертах, характер этого древнего декора. Весь интерьер храма был покрыт тонкой, светлой штукатуркой; на стенах храма штукатурка оставалась чистой, тогда как в сводах, трюмах купола и в арках, а также в окнах и дверях, она была разработана легким, коричневатокрасным рисунком, имитирующим кладку. В конхах четырех абсид прямоугольники попеременно заполнялись красной краской, образуя шахматный узор, а в трюмах красные клинья располагались веерообразно. По-видимому, конхи абсид, в их числе и восточной абсиды, не содержали никаких других изображений.

В своде купола, по колоссальному рельефному изображению креста было исполнено красной краской живописное его изображение.

Небольшие изображения процветших крестов, исполненные белой и коричневой краской по серому фону, отмечали нижнюю часть восьми угловых выступов стен абсид, играющих роль подкупольных устоев. Возможно, что небольшие изображения крестов повторялись и в других местах храма, и что древний декор включал и какие-то орнаментальные мотивы.

3. Благодаря тому же осыпанию красочного слоя, в различных местах храма (главным образом в восточной и южной абсидах), примерно на высоте человеческого роста, из под росписи XI в. обнажились древние надписи. Некоторые из них были дорасчищены во время работ по укреплению и расчистке росписи в 1956 г., другие же проступают в виде отдельных слов и букв из под красочного слоя, скрывающего, несомненно, еще много надписей.

Наряду с текстами священного писания и молитвами, обнаружены и краткие исторические записи, имеющие точную дату. Эти разновременные записи (VIII—IX и X вв.) свидетельствуют о том, что остававшиеся первоначально нерасписанными стены Атенского Сиона на протяжении веков использовались в качестве некоей монументальной летописи. С аналогичным явлением встречаемся и в некоторых других грузинских храмах — Ошки, Лыхне и др.

4. Самая ранняя из обнажившихся записей, датированная 739 г., свидетельствует о значительной древности штукатурки (о том же говорит и качество последней) и заставляет предполагать, что рассмотренный декор был первоначальным, т. е. возник непосредственно вслед за построением храма в VII в.

Это предположение подтверждается и характером самого декора. Остатки аналогичной разделки штукатурки декоративным рисунком «под кладку» обнаружены в некоторых грузинских храмах VIII—IX вв., а тип и манера изображения процветших крестов имеют аналогии в грузинских монументальных рельефах VI—VII вв.

5. С другой стороны, по своей системе и элементам первоначальный декор Атенского Сиона примыкает к обширной группе аниконичных росписей раннего средневековья, представленной росписями древнейших христианских усыпальниц в Керчи и на Балканах, росписями некоторых капелл и церквей Сирии, Египта и Каппадокии, а также древнейшими мозаиками храмов Константинополя. В литературе эта система справедливо связывается с иерусалимскими святынями константиновского времени. Однако, надо полагать, что эта, эсхатологическая по своему содержанию, система имеет еще более глубокие корни в искусстве первых веков христианства на Востоке.

Сопоставление атенской росписи с некоторыми из перечисленных росписей, позволяет заключить, что прототипом для них послужил декор какого-то купольного здания.

6. Следы подобной системы наблюдаются в некоторых других древних грузинских памятниках. В свою очередь они наложили отпечаток и на систему некоторых средневековых грузинских росписей.

Надо полагать, что подобная аниконичная система, в равной степени приемлемая как для диофизитов, так и для монофизитов, составлявших до VII в. большинство грузинской церкви, была в Грузии древнейшей.

А. Вольская

РОСПИСИ ХУДОЖНИКА ТЕВДОРЕ В ВЕРХНЕЙ СВАНЕТИИ

1. В высокогорном районе Грузии—в Верхней Сванетии, среди большого числа сохранившихся средневековых росписей, выделяются своими художественными особенностями и

мастерством исполнения росписи царского живописца Тевдоре.

В различное время, как это следует из надписей, он написал три церкви: архангелов в селе Ипрари в 1096 г., свв. Квирике и Ивлиты в Кала в 1112 г. и св. Георгия в Накипари. Дата последней росписи в настоящее время не читается, однако, как показывает художественно-стилистический анализ, она была исполнена позже других. Четвертая роспись — церкви Спаса в Цвирми, близкая стилистически к вышеназванным трем росписям, возможно, исполнена не самим художником Тевдоре, а его учеником.

2. Небольшие размеры сванских церквей зального типа обусловили строгий отбор изображений. Иконографическая схема росписей художника Тевдоре также строится из сравнительно небольшого числа отдельных изображений святых и сцен, подбор которых в основном определяется общей теологической идеей росписи, зависящей от посвящения храма тому или иному патрону.

3. Рассмотрение росписей художника Тевдоре в хронологической последовательности и сравнение их с другими грузинскими росписями того же времени выявляет, наряду с индивидуальными чертами мастера, основные художественные подходы, которые разрешались грузинской монументальной живописью конца XI, первой половины XII вв.: с одной стороны, это — принцип монументального композиционного построения росписи, согласуемого с архитектурным членением внутреннего пространства церкви и, с другой — линейная выразительность изображений, отражающая пластические искания, характерные для грузинского изобразительного искусства данной эпохи.

Внутри этих подходов в творчестве художника Тевдоре наблюдается определенная эволюция в направлении более динамичного решения композиций и большей плавности и динамичности линии, которая позднее нашла особенно яркое выражение в памятниках грузинской живописи конца XII, начала XIII вв., что свидетельствует о передовом характере творчества художника Тевдоре.

4. Одним из характерных моментов творчества Тевдоре является экспрессия, с которой трактуются им евангельские и особенно житийные сцены. Эмоциональность росписей Тевдоре представляет собой один из наиболее ранних примеров зарождения нового течения в средневековой живописи.

5. Художественные задачи характерные для грузинской монументальной живописи XI—XII вв., нашедшие яркое вы-

ражение в творчестве художника Тевдоре, тесно увязываются с местными сванскими традициями (характерные для росписей Сванетии иконографические схемы, подбор изображений святых, колорит росписей и др.), что позволяет высказать предположение о сванском происхождении художника Тевдоре. Яркая индивидуальность этого художника имела определенное влияние на творчество других средневековых художников Верхней Сванетии, о чем свидетельствует ряд примеров.

И. А. Иванова

ИКОНОГРАФИЯ ТИХВИНСКОЙ БОГОМАТЕРИ И ЕЕ ВИЗАНТИЙСКИЕ ПРООБРАЗЫ

Ввиду малой изученности истории развития иконографии богородицы на русской почве особое значение приобретают раскрытые в течение 1961—65 гг. в Музее древнерусского искусства имени Андрея Рублева произведения с изображением богородицы типа «Одигитрии», относящиеся к XV—XVII вв.

Иконография этих произведений, своеобразие стилистических приемов позволяют поставить ряд проблем, связанных с выявлением иконографических истоков, эволюции типа «Одигитрии» в древнерусском искусстве.

Задача настоящего сообщения — выявить зависимость от византийских прообразов одного из распространенных в древнерусской иконографии типов «Одигитрии» — Тихвинской богородицы.

В сообщении будут рассмотрены следующие вопросы:

1. Иконографический тип «Одигитрии» и его развитие в византийском искусстве (краткая характеристика наиболее распространенных и чтимых образов).

2. Тип «Тихвинской богородицы», как вариант «Одигитрии», его стилистические особенности и самобытные черты.

3. Ранние прототипы, близки к иконографическому типу «Тихвинской богородицы», относящиеся к XI веку.

4. Развитие иконографии «Тихвинской богородицы» в XIV столетии.

5. Опыт реконструкции раннего варианта «Тихвинской богородицы», распространенного на Руси. Характерные жи-

вописные приемы, дающие возможность выделить стилистические черты раннего времени.

6. Интерес к иконографии «Тихвинской богородицы» на Руси в XV веке. Сложение «Сказания о чудесах иконы Тихвинской богородицы», его связь со сказаниями об иконах богородицы Лиддской и Константинопольской.

7. Канонизация иконы «Тихвинской богородицы» в XVI веке, устойчивость этого типа и распространение.

8. Культ иконы «Тихвинской богородицы» в связи с историческими событиями начала XVII века.

Т. А. Измайлова

К ВОПРОСУ ОБ ИЛЛЮСТРАЦИЯХ РУКОПИСИ ГРЕЧ. 210
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

1. В Государственный Эрмитаж в 1965 г. для консультации из Областного краеведческого музея г. Смоленска В. П. Чихачевым были присланы четыре фотографии двух иллюстрированных листов (recto и verso) с канонами согласия неизвестной греческой рукописи.

2. Специфические особенности несколько необычного для византийских кодексов тяжеловесного обрамления канонов: сетка на пересечении линий, перехваченная звездочками, капители в виде обращенной вниз усеченной пирамиды, деревца с плодами граната на верхней и нижней полке, напомнили убранство канонов кодекса греч. 210, хранящегося в рукописном Отделе ГПБ (Ленинград). Сличение с ним листов Смоленского музея полностью подтвердило это предположение.

3. Четвероевангелие греч. 210, хорошей сохранности, помимо четырех миниатюр с изображениями евангелистов и четырех заглавных листов имеет художественно оформленный пролог (л. 1, 1^v) и два листа с тремя канонами согласия: на л. 2 — первый канон, на л. 2^v — начало второго и на л. 3 — десятый канон. Идентичные по своему убранству листы Смоленского музея содержащие каноны со второго по девятый, полностью укладываются в первую тетрадь кодекса греч. 210. Последний поступил в ГПБ в 1882 г. из частного собрания Николаидеса уже с недостающими листами.

4. Среди различных датировок кодекса наиболее правильной считаем X—XI век (см. K. Jreu, Die griechischer

Handschriften des Neuen Testaments in der UdSSR стр. 19 — каталог готовится к изданию). Более ранней дате препятствует принятая для украшения верхней части канона прямоугольная рамка с вписанной в нее полукруглой аркой и господствующий в декоре цветочный орнамент.

5. Вместе с тем, для рукописи характерны архаические черты, связывающие ее с провинциальными центрами, например: 1. Серия канонов на семи таблицах, по распределению близкая к малой греческой серии на восьми таблицах. Известно, что в столичных рукописях с X века была принята большая греческая серия из десяти таблиц. 2. Редкий вариант трактовки сетки канонов представлен и в греческом кодексе IX века (Берлин, Прусская Госуд. Биб-ка Хам. 246), локализованном К. Вайцманом Каппадокией. 3. Фигурная рамка пролога находит аналогию в рукописи 941 г. (Патмос, код. 33), написанной в Калабрии, наиболее значительной итальянской провинции. Византии и т. д. Однако, все отклонения в иконографии и стиле не могут скрыть стремления мастера приблизиться к столичным образцам, что прослеживается на миниатюрах с изображениями евангелистов.

6. В целом следует отметить, что листы Смоленского музея позволяют полностью восстановить превосходную греческую рукопись, иллюстрации которой позволят поставить еще мало разработанный, но представляющий большой интерес вопрос о провинциальных школах Византийской империи.

А. Я. Киковкин

ПАМЯТНИК РЕЗЬБЫ ПО ДЕРЕВУ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

(Некоторые иконографические особенности композиции «Сретения»
в грузинском средневековом искусстве)

1. Среди памятников, поступивших в 1925 г. в Гос. Эрмитаж из бывшего собрания барона Штиглица, была небольшая деревянная резная икона «Сретения», купленная им в Париже как произведение византийской пластики X в. В настоящее время она выставлена на экспозиции Отдела Востока Эрмитажа среди византийских памятников XIV—XV вв.

В научной литературе специальных упоминаний об этом памятнике не находим. А между тем, он представляет не-

сомненный интерес, главным образом, в отношении иконографии. При том, что евангельская сцена в целом трактована в согласии с наиболее распространенным в средневековом искусстве иконографическим вариантом (слева — Мария и Иосиф, справа — Симеон и Анна, в центре — младенец Иисус, которого мать передает праведному старцу), обращают внимание подсвечник со свечой, представленный в центре композиции, свеча в руках Анны, конусообразное покрытие центрального здания, не встречающиеся обычно на памятниках восточно-христианского искусства. В произведениях на этот сюжет западно-европейского происхождения подсвечник и храм с покрытием упомянутой формы отсутствуют; однако, на иных из них можно видеть иногда изображение одной или нескольких фигур с зажженными свечами в руках (см., например, витражная композиция Шартрского собора, фреска «Сретение» Джотто в капелле Арена в Падуе, картина С. Лохнера на этот сюжет в музее г. Дармштата и др.).

Некоторые исследователи (Дороти Шорп, Луи Рэо и др.), отталкиваясь от толкования сути праздника Сретения в римско-католической церкви, как праздника очищения богородицы, отмечают воздействие на него пережитков римских языческих культов земледельческих божеств, связанных с представлениями об очистительной силе огня.

Справедливость этой точки зрения подтверждает и семантическая родственность слов, обозначающих Сретение в языках различных европейских народов: например, *Chandeleur* у французов, *Candelmas* у англичан, *Lichtmesse* у немцев и т. д., т. е. праздник светильников. То же название ღამობობობობ (праздник светильников) принято и у грузин, в верованиях которых астральные земледельческие культы имели большое значение.

На ряде средневековых грузинских памятников периода XI—XVI веков (клеймо иконы Лаклакидзевской богородицы, XI в.; эмалевая иконка «Сретения» из бывшего собрания Боткина, XII в.; клеймо оклада иконы Ацхурской богородицы и др.) мы видим те же иконографические детали, что и на эрмитажной иконке — подсвечник, свечу у Анны и в фоне — храм с коническим покрытием. Все это, несомненно, доказывает грузинское, а не византийское происхождение последней.

При разнице в иконографии «Сретения» в западно-европейском и восточно-христианском искусстве символическое толкование сюжета было одинаково. В основе его лежала идея жертвенности (на искупительную роль Христа указывает жертвенник). В противоположность этому в интересующей нас группе грузинских памятников (где жертвенник отсутствует) заложена другая идея, на которую намекают

светильник и свеча в руке Анны. Иными словами, здесь как бы дается наглядная иллюстрация к словам евангельского текста: «Свет к просвещению язычников»... (Лук. II, 32).

Сравнительный стилистическо-технический анализ эрмитажного и более ранних памятников заставляет датировать его XVI веком. Происхождение привлекавшихся для сравнения памятников из западных областей Грузии, и своеобразный иконографический архаизм (мастер явно ориентировался на извод XI в.), указывают на район его происхождения.

Изучение эрмитажного памятника позволило затронуть широкий круг вопросов. Среди них едва ли не самый важный — вопрос о национальном своеобразии различных художественных школ, в частности, грузинской. Чем внимательнее и глубже изучаешь памятники средневекового искусства, тем очевиднее становится наивность бытовавшей в недавнем прошлом, а иногда воскрешаемой и сейчас некоторыми зарубежными учеными точки зрения, согласно которой национальные художественные школы различных стран христианского Востока рассматриваются как провинциальные ветви византийского искусства.

В. Д. Лихачева

ДВЕ ИКОНЫ ИЗ ВЕРХНЕЙ СВАНЕТИИ

Еще ни разу не упоминавшаяся в литературе икона архангела Михаила хранится ныне в церкви святых Квирикя и Ивлиты в Сванетии. Изображение архангела дано по пояс. Его голова задумчиво склонена к плечу. В левой руке он держит копьё. Удлиненные пропорции, слегка покатые узкие плечи, тонкая, но не длинная шея подчеркивают мягкую красоту образа. Теплый охряной тон лица, нимба, фона, крыльев сочетается с кобальтом хитона.

Икона архангела Гавриила находится в настоящее время в церкви Архангела общины Латаль. Икона происходит из Деисусной композиции и парна иконе архангела Михаила. Размер обеих икон: 7, 8×46, 7 см. Обе иконы принадлежат руке одного мастера. Образ архангела Гавриила суров и ему совершенно не свойственен тот лиризм, который характеризует архангела Михаила.

Вытянутые пропорции, одухотворенность образов, восточные типы лиц, роль линии, чувство цвета приближают обе иконы к византийским произведениям XII века. Образы архангелов на иконах из Сванетии близки к ангелу в Сант-Анжело-ин-Формис (середина XII века), ангелам в компо-

зиции Страшного Суда в Дмитриевском соборе во Владимире (конец XII века), архангелу Михаилу в соборе в Чефалуде (середина XII века) и многим другим памятникам.

Обе иконы были выполнены не в Византии, а в Грузии. На это указывает большая суровость стиля, нежели в византийских памятниках того же времени, любовь к теплым тонам, подчеркнутая роль линии. Неконстантинопольское происхождение произведений выдают неточности в рисунке. Правая рука на обоих произведениях значительно больше левой. Орнамент обшлагов отличен друг от друга. В греческих надписях допущены ошибки. Имя Михаила дано как бы в зеркальном отражении. Неправильно написана буква λ.

Обе иконы принадлежат к произведениям византийского направления в Грузии XII века. Иконы из Сванетии относятся к тому же течению в грузинском искусстве, что и мозаики Гелатского монастыря. Гелатская Академия имела большое значение для распространения византизма в Грузии.

Значение рассмотренных памятников, представляющих выдающиеся произведения искусства, для истории грузинской живописи и их роль в связи с вопросом о взаимоотношении Византии и отдельных национальных школ.

О. И. Подобедова

К ВОПРОСУ ОБ ИКОНОГРАФИЧЕСКОМ КАНОНЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ

(Краткое содержание сообщения)

Анализ миниатюр русских лицевых летописей позволяет выявить наличие развитых иконографических схем, достаточно емких для выражения многих социально-исторических представлений феодальной Руси. Частью используя изобразительные средства иконографии культовых сцен (из иконописи и фрески), историческая миниатюра для воплощения большинства представлений феодальной действительности выработала свои средства художественного выражения, свои композиционные приемы, свою символику, иными словами — свою иконографию. Процесс формирования прослеживается по сохранившимся памятникам с нач. XIV по конец XVI вв., а принимая во внимание возможность древних первооригиналов, может быть восстановлен на всем протяжении времени, с середины XI в. Значительно сложнее реконструировать изобразительную систему византийской исторической миниатюры.

туры, по отражениям ее в более поздних славянских хрониках.

Обращаясь к миниатюрам переводных исторических рукописей, в частности, к Троицкому списку Хроники Георгия Амартола (М. 100), или Ватиканскому списку Хроники Манассии мы можем до некоторой степени реконструировать истоки исторической миниатюры и получить представления об изобразительных приемах недошедших до нас византийских хроник.

Троицкий список Хроники Амартола (М. 100) датируется первым десятилетием XIV и по утверждению В. Истрина является ближайшим к первому русскому переводу лицевой греческой рукописи, сделанному в 40-х годах XI в. при дворе киевского князя Ярослава Мудрого.

Уникальный характер рукописи и его близость к греческому первооригиналу делает этот список в равной степени интересным для историков русской и для историков византийской художественной культуры. Значение этого списка для реконструкции изобразительной системы ранних византийских хроник, обнаружить следы которых, как уже говорилось выше, представляется возможным лишь в составе позднейших рукописей, достаточно велико.

Среди 127 миниатюр, украшающих текст Тверского списка (ему предпосланы еще две выходные миниатюры), подавляющее большинство передает чисто историческую тематику. Лишь миниатюры начальной части, иллюстрирующие библейские сюжеты, до известной степени обнаруживают иконографическую близость к миниатюрам Серальского и Ватопедского кодексов Восьмикнижъя.

Помимо того, легко обособливается группа миниатюр, обнаруживающих связи с лицевой «Александрией». Но и это лишь небольшая часть.

Особый интерес вызывают миниатюры, иллюстрирующие мировую историю царств. И здесь, среди представлений, навеянных особенностями феодальных отношений дружинной Руси, особенно примечательны сцены, непосредственно восходящие к первооригиналу, в частности, две редакции сцены воцарения, в виде вознесения царя воинами на щите (л. 38 об.), или воцарение в виде восседания на троне с атрибутами царской власти: держава, скипетр. Характерно введение феодальной символики — меч — символ власти, передача меча — передача воинской власти или инвеституры другому правителю. Своеобразное выявление феодальной табели о ранге сопутствует всем сценам «воцарения» или начала княжения. Сохраняется оно и во второй части руко-

писи, где миниатюры значительно осложняются местными представлениями русского мастера нач. XIV столетия.

Анализ этой второй группы миниатюр (после л. 101) позволяет говорить о том, что к середине XIV в. иконография ряда исторических сцен, и прежде всего сцены «воцарения» или «вокняжения», как и сцена передачи инвеституры, уже сложилась. Об этом говорит последовательность, с какой мастер воспроизводит одни и те же иконографические схемы, обращается к одинаковой символике, наделяет теми же атрибутами для воплощения сходных исторических событий.

Строго соблюдается символика оружия, изображений, архитектуры. Одежда, венцы или шапки служат выявлению феодальной «табели о ранге».

Еще более развитую систему изображения исторических сцен содержат миниатюры лицевой Хроники Манассии по Ватиканскому списку. Крайний интерес представляет сравнение начальной части миниатюр, относящихся к библейским темам, некоторым сценам из римской истории и особенно примечательна основная группа (около сорока) изображений событий собственно византийской истории и истории византийско-болгарских отношений с близкой тематически частью миниатюр Хроники Амартола.

Здесь мы имеем дело с развитой и усложненной иконографией исторических сцен, прежде всего потому, что сюжеты их не ограничиваются лишь сценами «воцарения» или начала княжения. Тем примечательнее общность основных иконографических схем для воплощения «воцарения», передачи власти, в частности, воинской власти, общность символики оружия, изображений архитектуры, те же значения деталей одежды, венцов и пр. Можно выделить, пусть малое число, миниатюр явно восходящих к византийскому первооригиналу, и провести их сравнение с развитой иконографией других сцен, несущих в себе представления о болгарской действительности середины XIV в., отмеченных исследователями Хроники Манассии (в первую очередь И. Дуйчевым).

Было бы конечно необходимо провести сравнительный анализ миниатюр Хроники Иоанна Скилицы, но она было совершенно недоступна автору этих строк.

Вместо этого оказалось весьма полезным обратиться к той части Радзивилловской летописи, которая несет в себе элементы древнейшего киевского летописания, и, вслед за А. В. Арциховским, проследить особенности иконографии исторических сцен вокняжения и передачи инвеституры, а

также уяснить особенности феодальной символики и средств воплощения феодальной «табели о ранге».

В результате можно утверждать, что миниатюры начальной части Радзивилловской летописи (еще не осложненные элементами Владимиро-Суздальского лицевого летописания) занимают промежуточное положение между иконографическими схемами Хроники Георгия Амартола и развитой исторической иконографией Хроники Константина Манассии.

Это еще раз подтверждает наличие древней основы в части изображений Радзивилловской летописи и позволяет видеть в ней отражение древнего киевского летописания, так же, как и Хроника Амартола, содержащего живые отзвуки византийских исторических рукописей.

Таким образом, является возможность проследить формирование исторической иконографии в лицевых рукописях XIV—XV вв. и с значительной долей уверенности выявить в них не только древнейшие славянские, но и византийские первооригиналы.

Г. В. Попов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ВОИНСКОЙ ТЕМАТИКИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ИСКУССТВЕ

(Воинский культ Спаса-Эммануила в Византии,
древней Руси и Грузии)

1. Важная роль воинской тематики в искусстве средневековой Руси. Народный характер воинского идеала древней Руси в отличие от византийского, его самобытность. Покровители воинов: Георгий, Дмитрий Солунский, архангел Михаил, Борис и Глеб. Спас Нерукотворный, как символ победы.

2. Иконографические особенности изображения Спаса-Эммануила, разнообразие композиций с Эммануилом. Эммануил в окружении архангелов — так называемый «эммануильский чин». Смысловое различие между деисусом и «эммануильским чином». Парные изображения «эммануильского чина» и деисуса на окладе Евангелия боярина Федора Андреевича Кошки (1392 г., ГБЛ) и в других памятниках; миниатюра, изображающая внутренний вид Грановитой палаты из «Книги избрания и венчания на царство царя и великого князя Михаила Федоровича» (1672—1673 г.г., Госуд. Оружейная Палата).

3. Резной рельеф из слоновой кости с изображением Эммануила, попирающего льва и дракона (VII век, Ватикан). Связь этого изображения с текстом девяностого псалма Псалтыри, получившего широкое распространение в воинской среде. Толкования Псалтыри. Иллюстрации к девяностому псалму в Псалтырях обеих редакций (монастырской и аристократической). «Аспид», «василиск», «лев» и «змий», упоминаемые в псалме, в произведениях, изображающих воинов.

4. Эммануил в воинских сценах. Отражение воинского культа Эммануила в живописи и прикладном искусстве Византии, славянских стран и Грузии. Эммануил как символ победы. Чеканный складень Георгия Гуриели из Джумати с изображением архангела Михаила, «Прославления креста», «Собора архангелов» и символической группы, состоящей из Эммануила и ангела с «орудиями страстей» (первая половина XV века; опубликован Н. П. Кондаковым в «Описи памятников древности... Грузии», Спб., 1890 г.).

5. Символические сцены со Спасом-Эммануилом, имеющие воинский характер, их расшифровка. Рельефы Георгиевского собора в городе Юрьеве-Польском (1230-1234 г.г.). «Эммануильский чин», как символ победы и покровительства воинам.

6. Связь воинского культа Спаса-Эммануила со средневековым мировоззрением и другими воинскими культурами

М. М. Постникова

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЗОЛОТОМ И СЕРЕБРЯНОМ ДЕЛЕ

(Серебряный оклад иконы Дмитрия Солунского, 1586 г.)

Византийская художественная культура нашла отражение в работах и серебряных дел мастеров древней Руси. В развитии русской культуры предметы византийского декоративного искусства занимают значительное место. Памятники византийского серебряного дела находят повторение на русской почве, но их орнаментальные мотивы и изображения в руках русских ювелиров получают новое звучание.

Икона Дмитрия Солунского в серебряном басменном окладе была сделана в 1586 году, как копия иконы из Успенского собора московского Кремля, написанной, по преданию, на гробовой доске, привезенной из Солуни. Нет никаких

сведений о том, когда и кем был сделан (ныне утраченный) серебряный оклад на икону из Успенского собора. Изучение серебряного оклада 1586 года убеждает в том, что перед делавшими его мастерами был древний византийский образец. Воспроизводя его, русские серебряники внесли много собственного творчества и создали не копию, а новое высокохудожественное произведение русского искусства.

Е. С. Овчинникова

МИНИАТЮРНАЯ МОЗАИКА ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В МОСКВЕ

Миниатюрная мозаичная икона из собрания ГИМ с изображением полуфигуры Христа-Эммануила (ГИМ 53066/6; И VIII ИО 71), происходит из коллекции П. И. Севастьянова; была вывезена собирателем в 1852—1858 г.г. с Афона. Она является одной из пяти мозаичных икон, которыми обладает Советский Союз. До сих пор никогда не публиковалась.

Мозаичная икона (р: 9,5×7,5 см) исполнена на доске, на московской основе и врезана в прямоугольный ковчег доски с широкими полями (р: 18×13×2,6 см), позолоченными листовым золотом по левкасу и украшенными цветными стеклами, врезанными непосредственно в толщу левкаса и доски. Все указанное позволяет считать, что мозаика дошла до нас в своем первоначальном виде, правда сильно разрушенном временем.

До сих пор в литературе, посвященной портативным мозаикам, остается недостаточно освещенным вопрос о материале и технических особенностях этих тонких произведений византийского искусства. В результате детального рассмотрения мозаики под микроскопом и определения материала, по данным химического, петрографического и микроскопического анализа — удалось сделать интересные наблюдения об особенностях техники миниатюрной мозаики и определить характер материала из которого исполнены кубики мозаики.

Иконографический тип Эммануила оказывается также редким. О его назначении в прошлом можно высказывать только догадки. Местом изготовления нашей мозаики по видимому был Константинополь и одна из придворных мастерских.

Тонкое высокохудожественное исполнение мозаики, ее редкая техника и материал позволяют датировать ее концом XIII века. Это свидетельствует о том, что в эпоху тяжелых

экономических и военных потрясений для Византийской империи — в XIII веке — мастера-мозаичисты, создавшие нашу мозаику, сумели сберечь высокую квалификацию своего искусного мастерства и художественные традиции лучшей поры Византийского искусства.

А. В. Рындина

«ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЕ ПРЕДВОЗРОЖДЕНИЕ» И ПУТИ РАЗВИТИЯ МОСКОВСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ XV—XVI ВВ

Новый стиль древнерусского изобразительного искусства и его связь с мистическими течениями византийской общественной мысли. Особое положение скульптуры на Руси, ее отставание от живописи в процессе становления стиля, связи с народным творчеством.

Мелкая пластика Московского круга как пример наибольшего сближения скульптуры с задачами иконописи. Амвросий и его рельефы. Влияние исихазма на Руси и роль Троице-Сергиева монастыря, как центра новых настроений. Связь с Афоном (путешествие иеродиакона Зосимы, Епифания Премудрого и др.).

Истоки творчества Амвросия: домонгольское наследие в лице владими́ро-суздальской скульптуры, народная резьба по дереву, прикладное искусство афонских монастырей (реликварии, напрестольные и запрестольные кресты и пр.). Вместе с тем — существенные различия амвросиевского образного языка и языка афонских мастеров. Направленность этого влияния по линии восприятия чисто-внешних приемов (прорезные фоны рельефа, подкладки из золота, украшение крестов сканью и самоцветами, использование мотивов готического искусства и др.).

Близость рельефов Амвросия к произведениям живописи XIV—начала XV века (напр. икона «Праздники» конца XIV века из ГТГ, иконы праздничного чина иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля, «Богоматерь» из Кривого, миниатюра Сийского евангелия и т. д.).

Неправомерность буквального сближения амвросиевских резных миниатюр с иконами Рублева лаврского периода (иконы праздничного чина Троицкого собора, икона «Троица»). Особый оттенок работ Амвросия по сравнению с иконописью — материальность большеголовых, грубоватых фигур (в живописи — противоположность, стремление к дематериализации), прочная связь с народным искусством. Противоречия между живописным началом многопланового

рельефа с тяготением к пластической объемности, как «впечатление надвигающегося Ренессанса» (по удачному определению Флоренского и Олсуфьева).

Отсюда — сравнительно кратковременная жизнь «амвросиевской школы», победа плоскостного, декоративного рельефа, связь с живописью Дионисия, постепенное нарастание сухости и графичности поворот к пространному повествованию (от Киликиевского креста и резных иконостасов XVI века к рельефам раки Зосимы Соловецкого и царского места Ивана Грозного).

Аналогичные проявления «предвозрожденческих» тенденций в монументальной скульптуре. Попытки оживить на московской почве художественное и гражданское звучание рельефных циклов Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (работы В. Д. Ермолина, изразцовые рельефы Успенского собора в Дмитрове к XV в.).

Необходимость отделения этого круга памятников от архаизирующих образцов деревянной резной скульптуры (раскрашенные фигуры святых на гробницах, изображения св. воинов, архангелов и пр.), как отголосков древнейших языческих культов. Образная цельность последних и противоречивая природа указанного «предренессансного» круга, где целостность нарушена обилием различных традиций, не слившихся в единый, органичный стиль. В области идейной направленности — это владими́ро-сузда́льское наследие, крепко хранимое Москвой, в отношении стиля — причудливое соединение традиций народной резьбы с отголосками западноевропейской пластики.

Изменение художественного языка монументальной скульптуры в XVI—XVII веках; отступление пластического начала перед декоративным, почти полный отказ от значительных сюжетных композиций, торжество декоративного «узорочья».

Идейная значительность явлений «предвозрождения» в русской скульптуре XVI—XVII вв., высокогражданственный оттенок поисков, обращение к национальному наследию домонгольского периода, поднятие героической темы (в частности образ Георгия-Змееборца на фасаде Успенского собора в Дмитрове).

Особая сложность этого процесса в рамках религиозного мировоззрения и как следствие этого — противоречивость образного строя памятников, выражающих указанную тенденцию.

ВИЗАНТИЙСКАЯ МОЗАИЧНАЯ ИКОНА НИКОЛЫ
И ЕЕ РЕСТАВРАЦИЯ

1. Произведение относится к группе византийских портативных мозаичных икон XII века, центром изготовления которых был Константинополь. Серебряный вызолоченный оклад полей современен мозаике и является образцом ювелирного искусства.

2. На рубеже XIX—XX веков икона находилась в епископальном музее города Виче, близ Барселоны в Испании, в начале же XX века оказалась в частной коллекции Б. И. и В. Н. Ханенко в г. Киеве. При национализации коллекция Ханенко поступила в Киевской музей западного и восточного искусства.

3. Высокая техника искусства мозаичного набора, стиль и колорит, а также иконографические особенности деталей иконы находят себе аналогии в константинопольских монументальных и станковых мозаиках второй четверти XII века.

4. Серебряный оклад иконы, его композиционное решение, техника выполнения филиграни, чеканки, элементы орнамента находят себе аналогии в византийских образцах современного искусства XII века.

5. Основные разрушения вызваны неблагоприятными условиями хранения, поражение доски древооточицей привели к повсеместному отставанию мастики набора от доски, расшатыванию и выкрашиванию частиц мозаичного набора. Эти разрушения характерны для всего круга портативных византийских икон. Разработанная методика реставрации может быть применена к другим произведениям, выполненным в аналогичной технике.

6. Выправление деформации оклада, методика восполнения утраченных элементов по сохранившимся частям оклада, но в другом материале, представляет методологический интерес в реставрации и реконструкции деталей ювелирных изделий.

7. Результаты исследования материалов произведения в связи с его реставрацией раскрывают составы и технологию изготовления портативных икон византийского круга.

8. Проведенное впервые комплексное (искусствоведческое и технологическое) исследование одной портативной мозаичной иконы должно быть положено в основу исследования и атрибуции произведений этого круга, в целях уточнения их атрибуции.

ВИЗАНТИЙСКИЙ ТРИПТИХ СЛОНОВОЙ КОСТИ В ЦХИНВАЛИ

В Цхинвальском Краеведческом музее хранится триптих слоновой кости с изображением Деисуса и святых, заключенный в серебряный оклад работы грузинского мастера XVII в.. Вместе с произведениями слоновой кости из Лешука (Сванетия) и из Корого (Душетский р-н) цхинвальский триптих входит в число памятников византийского искусства, находящихся на территории Грузии.

Причисление А. Гольдшмидтом и К. Вейтцманном названного складня к списку приданого Елены, жены Баграта IV и племянницы греческого императора Романа Аргира, является ошибочным. Отсюда, и датировка Цхинвальского триптиха X веком, выдвинутая этими учеными, исторически не подкреплена.

Деисус цхинвальского триптиха представлен в наиболее обычном и распространенном иконографическом типе — в центре Христос, слева Богоматерь, справа Иоанн. Обе фигуры обращены к Спасителю в позе моления.

Цхинвальский складень слоновой кости обращает на себя внимание целым рядом разноречивых стилистических моментов, что затрудняет установление точной даты нашего произведения. Отдельные черты цхинвальского триптиха находят параллели в произведениях XI в.. Стилистический же характер складня в целом и ряд его особенностей скорее указывают на общие тенденции искусства XII—XIII вв.

Дальнейшее изучение материала даст возможность более конкретного определения границ времени создания цхинвальского триптиха.

Г. Н. Чубиничвили

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЬНЫХ ФОРМАХ ХРИСТИАНСКОГО
ХРАМА

1. На раннехристианских архитектурных материалах территории римской империи обосновано положение (Грабар, Лясюс, Гуйэр), что трехнефные базилики были избраны духовенством для богослужбных церемоний, а центрально-купольные здания разных типов для поминальных собраний ежегодно в *diebus natalis* мученика, или чествования того или иного священного согласно христианской легенде места.

2. В отдельных странах Переднего Востока и Европы культура имела ко времени утверждения в IV веке христианства различные корни, длительность и глубину традиций.

3. В Грузии и по-видимому в Армении начальные формы христианского храма определяются не функциональными различиями, а традициями местных архитектурных форм и строительства.

Нико Чубинашвили

РЕЛЬЕФЫ ХАНДИССКОЙ СТЕЛЫ

Село Хандиси расположено в ущельи реки Тана, в 15 км на юг от города Гори.

В церкви, стоящей недалеко за окраиной села, сотрудники Института истории АН Грузинской ССР Т. Татишвили и Д. Мухелишвили в июле 1961 года обнаружили фрагмент верхней части стелы $17 \times 17 \times 77,5$ см. В 1963 году стела была доставлена в Институт истории грузинского искусства.

Фрагмент Хандисской стелы высечен из одного мелкозернистого камня. Он представляет завершающие части архитектурно-декоративной композиции постамента под каменный крест.

Четыре стороны этого фрагмента украшены орнаментами и рельефами. На главной стороне дано изображение Христа, сидящего на троне, а ниже — богородицы с младенцем, тоже сидящей на троне. От этой поверхности на правобочковой стороне дан летящий ангел с кадилом в руке, а ниже — фигура, держащая штандарт, увенчанный крестом. На левой боковой стороне изображены две фигуры, между которыми помещен такой же штандарт; ниже сделан орнамент. Тыльная сторона украшена орнаментом.

На всех гранях базы под крест (24 сант. высоты) дан только орнамент.

1. Фактический материал показывает, что в раннехристианское время в Грузии широко практикуется установка на открытых местах декоративно отделанных стел, увенчанных каменными крестами.

2. В исполнении рельефов на стелах так же, как в исполнении рельефов архитектурных произведений V-VII вв., имеется два, резко отличных друг от друга, подхода:

А. Плоскостно-линейный характер исполнения. Рельеф, по существу, представляет рисунок, исполненный графически жестким контуром и линиями, которые выявляются резким перепадом от яркого света к глубоким теням (Хандиси и др.).

Б. Относительно - скульптурный характер исполнения Рельефом пластически моделированы формы, которые выявляются не резкими, а мягкими, перепадами от света к полутеням и теням (Джвари—конец VI, начало VII в. и др.).

В обеих отмеченных группах диспропорционально подчеркнуты ведущие элементы фигуры, в основном, головы, затем руки.

3. Характер исполнения всех рельефов и композиций Христа, богоматери и ангела, украшающие Хандисскую стелу, находят параллели в рельефах Квемо-Болниси (Болнис-Капанакчи) и Тетри-Цкаро - -середины VI века, и в Эдзани (Бармаксизи) ---второй половины VI века.

Хандисская стела сравнительным анализом датируется второй половиной VI века.

Т. С. Шевякови

ОБЗОР РАЗВИТИЯ ОРНАМЕНТИКИ ГРУЗИНСКИХ РОСПИСЕЙ X—XIV вв.

1. Изучение орнаментики стенописи представляет особый интерес. Не связанная церковной догматикой, тормозящей развитие, орнаментика свободнее и полнее отражает национальный характер грузинского народа, нежели сюжетная живопись. По той же причине она самобытнее и прогрессивнее последней.

2. В стенописной орнаментике приток новых форм извне гораздо нагляднее, нежели в сюжетной живописи, иллюстрирует культурные взаимосвязи Грузии с соседними государствами, особенно с Византией.

3. В X в. протекает процесс быстрого роста и укрепления грузинских царств и княжеств в борьбе за главенство, который завершается на рубеже X и XI вв. созданием централизованного феодального государства. Культурная жизнь в X в. развивается очень интенсивно и переживает общий подъём, который сказывается во всех областях грузинского искусства. В условиях разобщённости Грузии, процесс развития стенописи принимает очень разнообразные формы. Схемы орнаментов почти не повторяются. Разнородность их наблюдается не только при сравнении типов орнаментов различных культурных центров, но и в пределах района и даже росписи. Это ранний этап развития орнаментики, который выражается в поиске новых форм и использовании разных источников: а) грузинские народные орнаменты древних традиций, б) поздне-эллинистические, в частности, сирийские, в) синхронные византийские.

4. На рубеже X и XI вв. и в первой половине XI в. грузинское искусство во всех отраслях переживает расцвет, явившийся результатом огромного подъёма экономической и культурной жизни страны после её объединения. Орнаментика монументальной живописи, вливаясь в общий погон развития, следует более прогрессивным отраслям орнаментики (чеканке, резьбе по камню и дереву, убору рукописей), декоративным по своей сущности. Поэтому, она сложна и декоративна, в то время как сюжетная живопись строга и монументальна.

5. К семидесятым годам XI в. складывается вполне законченный национальный стиль стенописной орнаментики, единый для всей Грузии, зрелые и устойчивые формы которого прослеживаются без особых изменений до середины XII в.. Это эпоха расцвета монументальной живописи, её орнаментика обособляется от декоративного искусства других отраслей и становится специфически монументальной, подчинённой архитектуре, которую она членит, сообразуясь с росписью в целом. Соответственно и орнаменты становятся монументальнее и проще, нежели в первой половине XI в. Красочная гамма орнаментов строга и лаконична.

6. Середина XII в. — переломный период исканий новых форм. В связи с общим развитием культуры, появляются новые стремления. В церковной живописи усиливаются светские элементы, растёт значение орнаментики, разрабатывающей новые задачи: а) расширение репертуара новых схем и попутно отказ от части старых; б) постепенный отход от монументальности к декоративности — схемы становятся более сложными, а детали более мелкими; в) отход от строгой красочной гаммы к яркой и полихромной. Новый стиль формируется в течение второй половины XII в. Процесс протекает неравномерно — в одних памятниках разрешаются одни проблемы, в других — другие. Отсюда большое разнообразие форм и отсутствие устойчивости.

7. Новый стиль достигает полного развития к концу XII в., началу XIII в. — в эпоху Руставели. Это опять пора блестящего расцвета грузинской стенописи, но в новом плане. Характерные черты стиля — дальнейшее развитие декоративности, которое ярче всего проявляется в орнаментике, как в наиболее прогрессивной части церковной живописи. Орнаменты становятся более изощрёнными, изящными и рафинированными, особенно в росписях придворного круга. Число орнаментов резко возрастает и они не повторяются. Господствует яркая полихромная гамма. Теперь орнаменты не членят роспись, подчиняясь ей и архитектуре, как в XI в., а

представляют вместе с сюжетной живописью одно динамическое декоративное целое.

8. К 20-м годам XIII в. в орнаментике появляются отдельные черты упадка — измельчённость и засушенность некоторых орнаментов, перегруженность и эклектизм в композиционной концепции орнаментов.

9. Особняком стоит роспись Ахталы 30 г. XIII в. — памятник живописи ярко выраженного византийского круга с орнаментами иного типа.

10. Во второй половине XIII в., в период монгольского завоевания Грузии, черты упадка стиля проявляются очень ярко.

11. После свержения в середине XIV в. монгольского ига, в культуре Грузии наблюдается относительный подъём. Росписи конца XIV в. содержат много новых орнаментов, однако же они уже не самобытны, а очень близки к византийским палеологовского стиля.

12. В грузинской монументальной живописи соотношения между орнаментикой и сюжетными изображениями и роль орнаментов в целом имеют свой национальный характер, отличный от понимания этих проблем в византийской монументальной живописи и особенно в памятниках романского Запада.

13. В орнаментике стенописи, процесс поступательного развития стиля выявляется очень ярко во всех фазах и поэтому её изучение способствует установлению даты росписей в такой же мере, как палеография.

Р. О. Шмерлинг

К ХАРАКТЕРИСТИКИ ДРЕВНЕЙШИХ ИНЛЮМИНОВАННЫХ ГРУЗИНСКИХ РУКОПИСЕЙ

1. Адишское и I Джручское четвероевангелия, переписанные в Шатберди (Южная Грузия), являются самыми ранними из дошедших до наших дней датированных грузинских кодексов, украшенных миниатюрами. Адишский кодекс датирован 897 г., Джручский, переписанный в 936 г., был украшен миниатюрами, исполненными художником Тевдоре, четыре года спустя, в 940 г.

2. Миниатюры, украшающие рассматриваемые кодексы, несколько различны по составу и неодинаково объединены с текстом. Тем не менее, как состав миниатюр, так и их стилистический характер свидетельствует об их связи с образ-

цами, выработанными в скрипториях Переднего Востока в первые века н. э.

3. Наличие в миниатюрах черт переработки раннего образца выявляет творческое начало времени, которому принадлежат оба кодекса. Появление же в Адишском евангелии новых форм и трактовок сюжета свидетельствует о проникновении национального начала в сферу, рукописного декора.

4. Творческий расцвет, характеризующий все отрасли грузинского искусства в X в., получает, т. о., отражение и в наиболее консервативной сфере искусства, декоре рукописи.

М. В. Щеткина

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЯ ГРЕЧЕСКОГО ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО КОДЕКСА ИЗ СОБРАНИЯ

ХЛУДОВА № 129/д

1. Хлудовская лицевая греческая псалтырь привезена в Москву в 1846—47 году проф. В. И. Григоровичем из его научного путешествия по славянским землям.

Первые исследователи отнесли памятник к IX веку и определили как древнейший список монастырской редакции псалтырной иллюстрации.

2. Так называемые «полемические миниатюры» кодекса говорят о событиях и деятелях иконоборческого периода и позволяют думать, что миниатюры эти были написаны в Константинополе, в разгар иконоборческого гонения IX века, что иллюстрации появились не ранее 815 года и не позднее 834 года или даже точнее: между 829 и 834 годами, т. е. рукопись можно датировать с точностью от 19 до 5 лет.

3. Миниатюры были нарисованы сперва чернилами, затем стерты иконоборцами и несколько позднее уже пройдены по сохранившимся следам легкими светлыми красками.

4. Миниатюры кодекса созданы знаменитым Константинопольским иконописцем Лазарем, который пострадал в период гонения императора Феофила в 829 году. Рукопись является не списком, а протографом редакции.

5. В конце XIV века или начале XV-го рукопись иконописца Лазаря была ремесленным образом поновлена и положена на Афон в лавру св. Афанасия.

6. В 1648 году рукопись была привезена и положена в монастырь Троицы на острове Халки, откуда ее привез в 1846 году проф. В. И. Григорович.

Т. Абрамшвили

ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ В ГРУЗИИ

1. Изучение найденных на территории Грузии византийских монет показывает, что распространение их в Грузии начинается с IV века, т. е. с выхода на политическую арену Византии как государственной единицы и, продолжается с большей или меньшей интенсивностью до XIV столетия.

2. Византийские серебряные монеты на территории Грузии встречаются сравнительно редко, значительно чаще фиксируются случаи находок византийских золотых монет, как отдельными экземплярами, так и кладами. Например, в фондах Государственного Музея Грузии хранятся клады византийских монет из Нокалакеви (VI в.), Читаби (VI—VII вв.), Двири и Индумала (XI в.). Гурджаани (XI—XII вв.). Отмечено и очень большое число отдельных находок; найдены также клады византийских медных монет (Бичвинта, Очамчири).

3. Несмотря на то, что Византия и Сасанидский Иран в определенное время владели некоторыми частями территории Грузии и их деньги, конечно, поступали в Грузию и находились здесь в обращении, случаи находок кладов, совмещающих монеты этих соперничающих друг с другом государств, очень редки.

4. Следует подчеркнуть, что византийские монеты распространены по всей территории Грузии, тогда как область распространения сасанидских монет в основном ограничивается Восточной Грузией. В Западной Грузии отмечено лишь четыре случая единичных находок сасанидских монет: в Цихисдзири — 1, в Сачхере — 2 и в Зестафони — 1, причем два последних пункта граничат с Восточной Грузией (Иберией).

5. В VIII веке в Восточной Грузии утверждается арабское владычество, в результате чего поступление византийских монет снижается, но с ослаблением арабского владычества, со второй половины X века, постепенно появляются сначала анонимные византийские медные монеты, а затем и византийское золото.

6. Регистрация находок византийских монет на территории Грузии дает примечательную картину их распростра-

нения: в Восточной Грузии отмечено 112 случаев находок византийских монет, а в Западной Грузии — 77. Таким образом намечается картина неравной интенсивности распространения византийских монет.

7. В результате тесных взаимоотношений Грузии и Византии, на грузинских монетах XI века появляются византийские придворные титулы (курапалат, новелисимос, севастос, кесарос). На тесные взаимоотношения Грузии и Византии должно указывать употребление в грузинских письменных источниках византийских монетных терминов: костантинати, дукати, ботинати, алексати, димитрати, триакефали перпера.

С. А. Беляев

СЕВЕРНАЯ АФРИКА И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В IV—VI вв. Н. Э.

(К вопросу о сложении ранне-византийской культуры по археологическим и эпиграфическим данным)

1. В истории Херсонеса и Керчи эпоха IV—VI вв. внесла коренные изменения не только в политическое и экономическое положение городов, но и существенно преобразила облик их культуры в целом. В этой связи мы хотим отметить два существенных момента: с одной стороны широкое распространение христианства, принявшего форму государственной религии, с другой — ослабление давних связей Херсонеса с рядом старых культурных центров, пришедших к этому времени в состояние экономического упадка. Оба эти обстоятельства заметно сказались на самом содержании культуры Херсонеса и Керчи и способствовали появлению памятников нового типа.

2. Изучение памятников ранне-средневекового Крыма на современном этапе еще не располагает данными, достаточными для глубокой и всесторонней характеристики этой культуры и не дает возможности определить круг тех городов и областей, чье влияние на культуру ранне-средневекового Крыма оказалось наиболее заметным. Поэтому значительный интерес представляет группа памятников, найденных в Херсонесе и Керчи, анализ которых позволяет видеть влияние культуры античных городов Северной Африки на формирование ранне-средневековой

культуры городов Северного Причерноморья. Впервые оно было отмечено М. И. Ростовцевым, который при анализе росписей ранне-христианских склепов Херсонеса нашел элементы, характерные для росписей североафриканских городов. Нам удалось проследить это влияние на ряде других памятников.

3. Несомненно, под влиянием краснолаковой керамики городов Северной Африки находится краснолаковая керамика с гребенчатым орнаментом, найденная в большом количестве в Херсонесе и Керчи и ряде других мест. Влияние это проявилось и в импорте в Северное Причерноморье керамики, изготовленной в Северной Африке. Нами выделены две группы африканской керамики (из Херсонеса и Керчи), которые резко отличаются по глине, лаку и орнаментации от остальной керамики этого времени.

А. Группа первая представлена в основном находками в Керчи. Это тарелки со сложным профилем края и штампованным орнаментом на дне, состоящим из пальмовых листьев и геометрических фигур. Производство этой керамики можно с уверенностью локализовать в Тингитане (современное Марокко) и датировать IV веком.

Б. Вторая группа представлена тарелками очень большого диаметра, на высокой и толстой кольцеобразной подставке, с толстым круглым краем; почти все они найдены в Херсонесе. На некоторых тарелках имеются врезанные изображения. Особый интерес представляет блюдо, найденное в Херсонесе в 1961 году с изображением Доброго Пастыря — сюжет чрезвычайно редко встречающийся в керамике. Керамика этой группы изготовлялась в Карфагене и ее можно отнести ко второй половине IV — первой половине V вв.

5. Влияние обычаев, сложившихся в городах Северной Африки мы усматриваем и в надписи, опубликованной В. В. Латышевым в МАР 23 № 45. (Надпись найдена в Херсонесе). Автор определяет ее как надгробную. Однако, при подобном истолковании остается неясным реальное содержание надписи и назначение памятника. Найти правильное объяснение надписи помогают обычай и эпиграфический материал Северной Африки. Почитание христианских мучеников и мучениц, широко распространенное в городах Северной Африки именно в этот период в связи с еще сохранившимися там гонениями на христиан,

получило отражение во многих десятках посвячительных надписей, содержание и формулу которых совершенно точно воспроизводит вышеприведенная надпись из Херсонеса. Это дает нам основание считать ее не надгробной, а посвячительной и предположить, что памятник, на котором она вырезана, был вделан или в часовню, находящуюся либо в самом Херсонесе либо на его некрополе, или в одну из базилик и обозначал святую, в честь которой были построены часовня или базилика.

6. Рассмотренный материал позволяет отметить новые черты, появившиеся в культуре Херсонеса этого периода и свидетельствует о связях между Северной Африкой и Северным Причерноморьем с IV по VI вв. Можно предполагать, что влияние античных городов Северной Африки, которые в это время были мощными проводниками христианской культуры, нашло свое отражение не только в памятниках материальной культуры, но захватило и многие стороны духовной жизни, способствуя появлению ряда культурных традиций Херсонеса, о которых мы можем только догадываться.

В. Н. Залеская

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ГРУПП т. н. «СИРИЙСКИХ» КРЕСТОВ

1. В собрании Эрмитажа, также как и во многих других музеях мира, имеется значительное количество т. н. «сирийских» крестов. Это бронзовые энколпионы, служившие для хранения реликвий, а также, возможно, для подвешивания votивных предметов. На этих крестах чаще всего изображены фигуры в позе орантов; значительно реже орнаментальные мотивы. Характер исполнения изображений позволяет говорить о стилистическом единстве этих памятников. Человеческие фигуры исполнены крайне схематично: торс в виде орнаментально разработанного круга, одежда испещрена геометрическими узорами. В изображении одежды преобладает разнонаправленная штриховка и волнистые линии. Руки неестественно вывернуты и имеют утрированно длинные пальцы. Очень условно переданы глаза, нос, брови, что делает лица крайне деформированными. Расположение фигур подчинено форме креста. Несмотря на некоторую наивность и условность рисунка, характер врезывания линий

металл выдаёт руку опытных мастеров, неоднократно исполнявших подобного рода изображения. Чаще всего изображаются: Богоматерь-оранта, Панагия, Распятие, святые оранты, архангелы. В надписях довольно часты орфографические ошибки.

2. Согласно распространённой вплоть до начала XX в. точке зрения (О. М. Дальтон, О. Вульф, Н. П. Кондаков, Н. И. Петров, Э. С. Кинг), эти кресты датировались VI—VII вв.; центром их производства считалась Сирия и Палестина. Некоторые из современных исследователей также придерживались этой датировки (Э. Кош де ля Фер, Р. Берлинер, К. Миятов); в работах других намечается не всегда ясно выраженное стремление к пересмотру традиционной точки зрения (С. С. Радойчич, С. Георгиева, М. Барани-Обершал, Г. Ф. Корзухина).

3. При изучении этого материала возникают следующие трудности: основная масса вещей поступила или находится и сейчас в частных коллекциях; происхождение крестов неизвестно, в лучшем случае устанавливается лишь место покупки. Некоторые предметы происходят из случайных находок или из раскопок, не дающих точной стратиграфии.

Стилистические особенности изображений пока не являются основанием ни для датировки, ни для локализации этих крестов, поскольку вопрос о том, к какому времени и к какому центру следует относить памятники подобного стиля слишком мало изучен.

4. В основу датировки рассматриваемых памятников следует положить те из них, которые могут быть точно датированы археологически. Особую ценность представляют кресты, найденные в погребениях с монетами или с другим точно датированным материалом (Херсонес, Абоба-Плиска), а также происходящие из раскопок с относительно точной стратиграфией [Константинополь, Коринф, Румыния (Гэрвэн), Болгария (Преслава и крепость Белград около Преславы)].

5. На основании археологических данных кресты, найденные в Преславе, Коринфе, Константинополе, Херсонесе, на Княжой горе и во Владимирской области могут быть датированы X—XI вв.

Некоторые из них, найденные в Преславе, Коринфе и Херсонесе, по характеру композиции, отдельным иконографическим деталям и технике исполнения гравировки имеют близкие аналогии среди крестов из частных собраний. Таким образом, и эти последние могут быть также отнесены к X—XI вв.

Насколько можно судить по известным в настоящее время данным, остальная масса крестов, выполненная в той же технике, но отличающаяся от рассмотренных иконографическими деталями и элементами стиля, также может быть выполнена в X—XI вв.

6. Только единичные экземпляры или их фрагменты могут быть датированы VI—VII вв. (находки в крепости Бетград около Преслава и в Иерусалиме).

Некоторые иконографические и стилистические черты изображений на крестах X—XI вв., сопоставленные с памятниками более раннего времени (VI—VII вв.), позволяют поставить вопрос о многократных поздних воспроизведениях ранних иконографических типов и определённых технических приёмов. Распятый Христос в колобни, воспроизводимый на лицевой стороне крестов X—XI вв., восходит к древнему сиро-палестинскому прототипу (Золотой крест из Мошцы, евангелие Рабулы, живописное изображение на деревянном реликварии из Палестины, Фреска ц. С. Марья Антиква).

Л. Г. Колесников

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХРАМ-УСЫПАЛЬНИЦА В ПОРТОВОЙ ЧАСТИ ХЕРСОНЕСА

Раскопки 1963—64 гг

1. Храм-усыпальница открыт в 1963 г. в портовой части Херсонеса. Храм небольшой однефный с притвором в юго-западной части и полукруглой абсидой ориентированной на северо-восток. Стены храма сложены из бутового камня на грязи, внутри здания они были оштукатурены и расписаны.

2. В храме открыто 9 могил. Три из них имеют устройство редко применяемое в культовой архитектуре Херсонеса. В каждой могиле храма оказалось от 5 до 40 погребенных. Анатомически правильное положение многих костяков свидетельствует об обычном обряде захоронения.

3. Вещи, найденные в могилах, на полу храма и на площади перед храмом (архитектурные детали, изделия из стекла и металла, различные предметы культового назначения и т. д.) дают представления не только о внутреннем убранстве храма, но и дополняют наши сведения о культурной, духовной и, в какой-то мере, экономической жизни Херсонеса в позднесредневековый период. Особенно интересными являются: бронзовая золотая икона с изображением двух святых—Иоанникия и Лукиллиана; глиняная форма с

изображением св. Фоки; восточная шелковая ткань с фантастическими птицами и животными ткаными золотой и серебряной нитью; большой рельеф, выполненный в стиле, свойственном искусству Ближнего Востока; сирийские стеклянные кубки, а также предметы дополнившие коллекцию Херсонесского музея, свидетельствуют о местном стекольном производстве.

4. Наиболее поздние предметы, найденные на полу храма, относятся к XIII—XIV вв., что позволяет отнести его гибель к концу XIV в., общепринятому для всего Херсонеса. Материал, находящийся под полом храма (монеты и керамика) не выходят за пределы конца X—начала XI в.

5. Исследованием храма и прилегающей к нему территории установлено, что катастрофа, постигшая Херсонес в XIV в. не привела к окончательному уничтожению города. В XV в. в портовой части возникают новые постройки, говорящие о временном возрождении жизни в отдельных районах Херсонеса.

В. А. Левинадзе

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ

1. Раннесредневековые сооружения Западной Грузии ярко отражают ее политические и культурные взаимоотношения с Ранневизантийской империей.

2. Значение этих сооружений в политических взаимоотношениях с Византией видно из того, что большая их часть неоднократно упоминается византийскими письменными источниками при описании событий, связанных с историей Византийской империи. Такими сооружениями являются Археополис (Накалакеви), Котаис (Кутаиси), Родополис (Вардцихе), Анакопия (Ахали Афони), Сарапанис (Шорепани), Сканда (Сканда), Оногурис (Шхепи) и т. д.

3. О культурных взаимоотношениях обеих стран можно судить на основании сходства упомянутых сооружений с ранневизантийскими постройками Причерноморья, Балканского полуострова и Малой Азии.

И. В. Соколова

НАХОДКИ ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ В КРЫМУ

Большинство находок византийских монет в Крыму сделано во время раскопок различных поселений.

По своему значению, равно как и по количеству найденных монет, выделяется Херсонес, в течение всего средне-

вековья входивший в состав Византийской империи. Находки монет на территории города показывают, что его денежному обращению были присущи черты, свойственные денежному обращению всей империи: господство медной монеты, полное отсутствие серебра, длительность обращения монет не знавших, по-видимому, частых изъятий, широкий временной диапазон монет в кладах, совпадение времени сокрытия большинства кладов с критическими периодами в жизни города.

Однако удаленность от центра и изолированность Херсонеса вызвали к жизни ряд специфических черт, характерных также, например, Сицилии, находившейся в сходных условиях. Главными из них являются преобладание местной монеты в обращении в течение всего времени, выпуск местной монеты после правления Льва III, когда в центральных областях были закрыты все монетные дворы, кроме константинопольского, обращение монет Льва так называемого сицилийского чекана.

Монеты центральных монетных дворов (преимущественно константинопольского) поступали в Херсонес в небольших количествах, но регулярно в течение VI—XIII вв. Не исключена возможность, что до IX в. могли иметь хождение и единичные экземпляры античных монет, и спорный клад времени Василия I, опубликованный В. В. Кропоткиным в «Кладах византийских монет» (М., 1962, стр. 34, № 217) скорее всего, слепок с денежного обращения города до начала новой монетной эмиссии в середине IX в.

Девять десятков монет, обнаруженных на всей оставшейся территории Крыма не идут ни в какое сравнение с более чем 12 тысячами монет, найденными в Херсонесе только за последние семьдесят лет. Эта цифра отражает натуральный характер хозяйства в Крыму в течение всего средневековья.

Состав находок показывает следующее.

В течение VI—первой половины VII вв. лишь ближайшая к Херсонесу территория—долина Черной речки и южный берег приблизительно до Гурзуфа—входили в сферу влияния его денежного обращения, поскольку только здесь находят херсонские монеты. Восточный Крым, который в VI—VII вв. находился под влиянием Византии, демонстрирует тем не менее черты, присущие денежному хозяйству варварских территорий, большим (в процентном отношении) количеством золотых монет.

Следует подчеркнуть, что монеты Херсонеса (Херсона) и Византии VIII—X вв. в поселениях, существовавших с

VI в., встречаются лишь в тех случаях, если это были поселения городского типа, как, например, на Боспоре. Возможно, что на Боспоре, как и в Херсонесе, до IX в. имели хождение античные монеты.

В начале VIII в. на южном берегу выделился центр (на плато Тепсене), единственный в своем роде по находкам в нем золотых монет Льва III и Константина V. Отсутствие там (судя по публикациям) медных монет заставляет предполагать, что это было варварское поселение, находившееся в непосредственных сношениях с центральными районами Византии.

В течение VIII—X вв. различные области Крыма существовали изолированно друг от друга, Херсон не был экономически связан даже с близлежащими земледельческими районами и жил, по-видимому, за счет посреднической торговли.

В XI—XIII вв. вновь возрождается известная общность Херсона и запада горного Крыма; восточный Крым, как известно, становится сферой итальянского влияния, и византийских монет там почти нет.

Византийские монеты находят в разных местах огромной территории Союза. Однако только в Крыму раскрываются особые стороны их бытования: в одних местах они являются государственной монетой, в других — иностранной, привозной. Все это позволяет определить некоторые особенности денежного обращения византийских окраин, а также в какой-то мере выявить этнические и экономические районы Крыма.

Л. А. Шервашидзе

ПИЦУНДСКИЙ МОЗАИЧНЫЙ ПОЛ

1. Пицундский мозаичный пол — один из интереснейших памятников раннего средневековья в Абхазии.

Впервые об этой, случайно открытой монахами, мозаике упоминается в 1915 году в небольшой статье А. Зотова. Однако, тогда мозаика не стала объектом изучения. Вновь засыпанная землей, она была надолго забыта. 1952 год стал фактически годом открытия пицундской мозаики, которая была вновь обнаружена возглавляемой А. М. Апакидзе экспедицией Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР, во время раскопок Пицундского городища. находка эта вызвала большой интерес в научном мире и получила освещение в литературе (А. М. Апакидзе и

И. Н. Цицишвили; А. Л. Монгайт, Л. А. Мацулевич, Т. С. Каухчишвили, Ш. Я. Амиранашвили, Ш. Д. Инал-Ипа, З. В. Анчабадзе и др.).

2. Там же, где и мозаичный пол, расположены остатки трехнефной базилики, взаимоотношение которых с мозаикой показывает, что базилика построена на месте древнего здания, которому принадлежала мозаика. Исходя из расположения элементов декоративного убранства мозаичного пола, а также на основании имеющихся аналогий, можно предположить, что здание, украшенное мозаикой, представляло собой в плане помещение зального типа с выступающей, возможно, граненой абсидой.

3. Пицундская мозаика выполнена техникой, т. н. *opus tessellatum*. Кубики, её составляющие, сделаны из разноцветных природных камней не совсем правильной формы и не одинаковой величины. Красочная палитра очень ограничена.

Мозаика состоит из отдельных прилегающих друг к другу полей, как бы ковров, размер и конфигурация которых зависит от занимаемого ими места. Центр абсиды украшен хризмой в кругу, имеющем трапециевидное обрамление, возможно, повторяющее конфигурацию абсиды. В композиции мозаики ясно намечена её центральная продольная ось, по отношению к которой отдельные элементы убранства пола размещены по принципу симметрии или уравнивания.

4. Среди декора пицундского мозаичного пола особое внимание заслуживает изображение коровы с телком, что, по видимому, связано с исторической этнографией абхазского народа, с местными преданиями и верованиями, в частности, культом быка и коровы (божество Жабран — «Мать коров», илорский бык и т. д.).

5. В остальном элементы убранства пицундской мозаики находят себе многочисленные параллели в античных и раннехристианских мозаичных полах. Рассмотрение этих элементов орнамента и сравнение их с соответствующими параллелями позволяет сделать некоторые выводы, ставящие памятник в определенные хронологические границы, а именно во вторую половину V и в VI в. (а не только V в., как это считалось до сих пор), и приближающие его в основном к кругу одновременных мозаик Ливана, Трансиордании и, особенно, Палестины.

6. Это же сравнение позволяет выявить отдельные характерные стилистические особенности пицундской мозаики; эти особенности наблюдаются в мозаиках Переднего Востока только как единичные случаи лишь в конце V—VI веков.

Приведенный в настоящей работе стилистический анализ дает основание утверждать, что эти особенности, как правило, не свойственны другим, известным нам, мозаикам.

7. Для пицундской мозаики характерны: насыщенная заполненность поверхности, как бы боязнь пустоты: полное господство плоскостности, говорящее о совершенно ином мировоззрении и представлении по сравнению с эллинистическими мозаиками. Отсюда стремление показать предметы и фигуры распластанными по поверхности в их наиболее широком и плоском аспекте. Вместе с тем, в отдельных случаях в пицундской мозаике наблюдается (возможно, через промежуточные звенья) связь с эллинистическими образцами, для которых эта плоскостность чужда и в которых, наоборот, чувство пространственности, объемности, умение строить предметы по законам перспективы, являются основными факторами. Поэтому, часто в пицундской мозаике эти образцы воспроизведены без их ясного понимания и искажены вследствие этого непонимания.

8. Стилистические особенности пицундской мозаики, отличая её от других позднеантичных и раннехристианских мозаик Западной Европы, Передней Азии и Северной Африки, в то же время находят себе параллели в местных памятниках искусства (например, в цебельдинских барельефах VII в., из т. н. Вороновской церкви, где эти особенности выражены в еще большей степени).

Это несомненно говорит о том, что создание пицундской мозаики принадлежит местным мастерам и что указанные стилистические черты обусловлены местной спецификой искусства, его общим ходом развития.

С. С. Аверинцев

ПОПЫТКИ ОБНОВЛЕНИЯ ФОРМЫ АНТИЧНОЙ ТРАГЕДИИ
В ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(Трагедия „Христос страждущий“ и пародия Феодора Продрома
„Война кошки и мышей“)

1. На фоне характерного для византийской литературы отсутствия развитых драматических форм выделяются две имитации классической греческой трагедии: „Христос страждущий“ (автор и время неизвестны) и „Война кошки и мышей“, принадлежащая Феодору Продрому (XII в.); вполне вероятно, что они принадлежат одной эпохе. „Христос страждущий“ — трагедия, полная серьезность которой усугублена религиозным сюжетом: „Война кошки и мышей“ — пародия. Но несмотря на резкий контраст эмоционального тона, оба произведения близки по своим формально-жанровым задачам: в обоих случаях автор должен был уяснить себе конструктивные черты жанровой формы трагедии и наметить путь к обновлению этой формы (в первом случае — через приспособление к новому материалу, во втором — через пародию).

Их сравнение помогает понять, как представлял себе ученые византиец античную трагедию.

2. Структура обоих произведений совершенно аналогична. И там, и здесь в центре стоит коммос — плач матери над телом сына. За коммосом в обоих случаях следует появление вестника, перипетия и противостоящее коммосу ликование; действие как таковое полностью отсутствует. Все важные события совершаются исключительно за сценой. Структура обоих произведений держится на двух для каждого из них лирических частях, дающих эмоциональные полюса грустного и радостного настроения. Каждая эмоция сама по себе абсолютно статична; переход от скорби к радости осуществляется мгновенно и в результате сообщений вестников. Действие заменено реакцией на действие.

3. Если новоевропейские подражания греческой трагедии усиливают элемент драматического действия, то византийские

подражания игнорируют этот элемент, возвращаясь к архаической концепции трагедии как статичного „действия“. Эта черта выявляет общие структурные особенности византийской культуры.

А. Д. Алексидзе

К ВОПРОСУ ВИЗАНТИЙСКОГО РОМАНА XII ВЕКА

1. В Византии XII в., в эпоху т. наз. византийского ренессанса писатели Евстафий Макремволит, Феодор Продром, Никита Евгениан, Константин Манасси предпринимают попытку возродить жанр античного романа.

Сравнение сюжетно-композиционных особенностей романа Евстафия „Любовь Исмины и Исминия“ с эллинистическими романами показывает, что византийский писатель усложняет, углубляет сюжет в сфере любовных отношений и переживаний, упрощает — в части приключений. Если в области сюжета и композиции основным источником для него является Ахилл Татий, то в характеристике героев Евстафий ориентируется на более совершенных в нравственном отношении героев Гелиодора. Герои Евстафия, отнюдь не являющиеся „лишенными характеров схемами“ (Э. Роде) в ряде случаев наделены по сравнению с их античными прототипами новыми, значительными чертами. Евстафий поднимает своих героев на идеальную моральную высоту.

2. Лирический характер романа Евстафия Макремволита свидетельствовал об отклонении от традиционных форм прозаического жанра. Следующим этапом процесса нам представляется роман Феодора Продрома „Роданта и Досикл“, написанный уже не в прозаической, а в поэтической форме (ямбический триметр). Однако Феодору Продрому не удается полностью отказаться от специфичных для прозаического жанра форм и приемов. Роман Феодора Продрома — обременённое реминисценциями, риторикой искусственное, эклектическое произведение.

3. Перспектива дальнейшего развития, жизнеспособности греческого романа намечается в „Дросилле и Харикле“ Никиты Евгениана, который закрепляет за византийским романом лирический характер и поэтическую форму, в свою очередь обогащая, оздоравливая жанр реалистическим, народным и демократическим

элементом. Дальнейшее удаление от архаической формы, приближение к народной поэзии мы видим в „Аристандре и Каллитее“ поэта Константина Манасси, использующего не традиционный ямбический триметр, а воспринятый из народной поэзии пятнадцатисложный политический стих.

4. Написанный народным языком и пятнадцатисложным политическим размером византийский рыцарский роман XIII—XV вв. в значительной степени подготовлен романом XII века.

Н. К. Голейзовский

ПРИЧИНЫ СТИЛЕВЫХ ИЗМЕНЕНИИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЖИВОПИСИ XIV—XV ВЕКОВ

1. Византийская философия XIV века, ее роль в развитии русской культуры периода формирования централизованного государства.

2. Особенности восприятия учения исихастов византийскими и русскими художниками. Взаимоотношение искусства Феофана Грека и Андрея Рублева.

3. Этические проблемы в древнерусской живописи XIV—XV вв.

4. Отголоски исихастской философии в творчестве Дионисия.

А. Ш. Каждан

ИДЕЙНАЯ БОРЬБА В ВИЗАНТИИ XII В.

Принципы исследования

1. История общественной мысли в Византии вообще и в XII в. в частности — не написана. Напротив, существует и отстаивается крупнейшими специалистами на Западе представление, будто бы о византийской общественной мысли, об идейной борьбе в империи вовсе не приходится говорить, будто бы вся идейная жизнь Византии сводится к чисто религиозным спорам, к подражанию античным образцам и восхвалению царствующего дома.

2. Исследованию идейной борьбы в Византии XII в. должна предшествовать предварительная подготовительная работа.

а) Необходимо обследовать рукописное наследие, поскольку значительное количество произведений византийских писателей этого времени не издано (особенно важна Эскуриальская рукопись Игрек-П-10, микрофильм которой получен Библиотекой им. Ленина: она содержит неизданные произведения Евстафия Солунского, Льва Валианита и др.).

б) Необходимо воссоздать индивидуальные биографии византийских писателей, в частности на основе неизданных произведений, на основе сигиллографического материала, а также путем пересмотра ставших традиционными представлений.

3. Изучение общественной жизни Византии XII в. следует осуществлять, рассматривая идейные явления как определенный элемент структуры. Это значит, что те или иные конкретные идейные явления должны рассматриваться не как варианты идейных явлений прошлого, но как составная часть жизни общества XII в. Старые формулировки, старые положения в новых условиях играли роль, не зависящую от их генетических корней.

4. Следует стремиться к всесторонней характеристике воззрений тех или иных авторов (социальных, политических, этических, исторических, эстетических), поскольку эти воззрения не представляют независимых сфер, но, напротив, определенное единство.

5. Чтобы избежать произвольных заключений о мировоззрении того или иного автора, необходимо попытаться установить определенные связи — родство и противоположность — между различными парами (а затем и группами) авторов. Этой цели особенно способствует параллельное рассмотрение произведений разных авторов, посвященных одной теме, трактуемой по-разному (напр., отношение к Комнинам у Никиты Хониата и Киннама, отношение к императорской власти у Вальсамона и Зонары, трактовка мятежа Иоанна Толстого у Никифора Хрисоверга и Николая Месарита и проч.).

6. Необходимо выяснить наличие родственных черт в развитии различных областей идейной жизни, напр. развитие элементов рационализма в богословии и в литературе.

7. Необходимо рассматривать развитие этих общих тенденций идейной жизни в связи с социально-экономическими и политическими сдвигами, находившими свое выражение в классовой и внутриклассовой борьбе.

ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XI В

1. Применяемый в трудах Иоанна Итала чисто научный метод исследования вопросов философии, грамматики, логики и др., наличие рассуждений, прямолинейностью и смелостью отличных от предыдущих и современных философу воззрений, как факт, свидетельствующий о высоком уровне умственного развития Византии XI века и, вместе с этим, об особенной одаренности данного ученого, об его безоговорочной гражданской порядочности, об эмоционально-восторженной натуре, которой присуща неумолимая правдивость, иногда даже вопреки своим классовым и личным интересам. Оставшиеся следственные материалы процесса, устроенного императором и церковью против философа, как подтверждение этого положения, процесса, в котором философ выступает в роли настоящего мученика науки.

2. Философские взгляды ученого, содержание его работ, как материал выставляющий ипата философов прогрессивно мыслящим человеком, имеющим собственное мнение, независимое от официально принятого, узаконенного воззрения о: а) вечной и несотворенной материи, б) несотворенности и вечности мира, в) несуществующем чуде и промысле, г) лучшем частном и худшем общем, о родах и видах, существующих предметах и др.

3. Решение грамматико-логических проблем в трудах философа в том же истинно научном плане, совершенное игнорирование всяких прав теологии. Язык как предмет изучения только грамматики и логики.

4. Наличие факта, что император Алексей Комнин вынужден был заняться процессом против Иоанна Итала при чрезвычайно тяжелых для империи обстоятельствах, как доказательство политического значения личности философа.

5. Некоторые высказывания ученого, проливающие свет на его политические взгляды, по которым философ является защитником столичной, образованной знати и противником военной группировки царствующей фамилии Комнинов. Свидетельство Анны Комниной, совпадающее с содержанием подобных высказываний Иоанна Итала.

НЕОПЛАТОНИЗМ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

1. Несмотря на то, что неоплатонизм является одним из доминирующих направлений в течение ряда веков, до сих пор недостаточно изучена его роль и значение в истории развития философской мысли.

2. Мы считаем, что для правильного определения места неоплатонизма в истории мышления необходимо не только всестороннее научное изучение философского наследия неоплатоников, но и сличение и сопоставление его с древнегреческой философией классического периода.

3. В результате такого подхода мы пришли к выводу, что неоплатонизм пытался своеобразно решить ряд проблем, поставленных древнегреческими философами классического периода.

а) Дуализм платоновской философии, существующий в решении проблемы единого и многого, неоплатонизм пытался преодолеть при помощи теории эманации;

б) Проблему взаимоотношения души и разума неоплатонизм решал в пользу разума, превращением его в демиург действительности;

в) Многим обязаны неоплатоники философии Аристотеля, но наряду с этим, они критиковали его понимание категорий и разделяли его критику платоновской теории идей.

г) Из первоначальных пар пифагорейцев неоплатоники воспользовались лишь границей и безграничным, но выступили против отождествления пифагорейцами чисел с разными сторонами действительности.

4. Значит, неоплатонизм является не эклектическим слиянием, а „фантастическим сочетанием“ воззрений древнегреческих философов классического периода.

Я. Любарский

ВИЗАНТИЙСКИЕ АВТОРЫ ОБ ИСКУССТВЕ ПИСАТЬ ИСТОРИЮ

1. Между тем как античные историографические теории давно стали темой специальных исследований, взгляды византийских авторов на искусство писать историю еще не привле-

каки внимания специалистов. Суждения византийцев как правило заимствованы у древних писателей. Это, однако, не умаляет их интереса, ибо каждый писатель заимствовал из богатейшего античного наследия лишь то, что соответствовало его личным взглядам. Анализ и сопоставление точек зрения византийских историков не только помогает проникнуть в метод отдельных авторов, но и проследить эволюцию византийской историографии.

Основное внимание в настоящем докладе уделяется взглядам крупнейших историков периода расцвета византийской литературы — Михаила Пселла и Анны Комниной, позиции которых во многом близки друг другу.

2. Начиная с X в., в связи с усилившимся интересом к античности и проникновением гуманистических тенденций в литературу, в центре внимания византийских историков оказываются фигуры исторических деятелей, главным образом императоров. Пселл и Анна сознательно примыкают к этому „биографическому“ направлению в византийской историографии.

3. В сочинениях античных и византийских историков нередко встречаются рассуждения о целях и задачах пишущих историков. Все многочисленные мнения по этому вопросу можно сгруппировать вокруг трех основных тезисов: вскрывать и доносить до потомков беспристрастную истину, приносить пользу, доставлять удовольствие читателям.

Раскрытие истины неоднократно провозглашается Пселлом и, особенно, Анной как основная цель их труда. Ни Пселл ни Анна ничего не говорят о пользе исторических произведений. Между тем именно этот тезис выдвигался на первый план большинством византийских историков, что соответствовало догматическому характеру христианской литературы вообще. Пселлу и Анне в меньшей степени, чем другим авторам, свойственна тенденция придать своим произведениям морально-назидательный характер. Как и многие другие византийцы, Пселл и Анна прямо не упоминают об удовольствии для читателей, как цели своего труда. Тем не менее обоим авторам свойственна сознательная забота о форме произведений.

4. Как Пселл, так и Анна, следуя античным историографическим теориям, резко противопоставляют жанр истории риторике, и особенно энкомью. Такое противопоставление, скорее

всего, имеет актуальный характер, ибо в византийскую историографию того времени нередко проникали приемы ораторов—панегиристов.

5. Большинство византийских историков и агиографов свойственно „христианское смирение“ в оценке своих способностей и возможностей как писателей. Напротив, Пселл и Анна, гордясь своими дарованиями и образованностью, считают себя вполне способными к труду историка. Такая позиция — лишнее доказательство светских тенденций в мировоззрении писателей и свидетельство возросшего самосознания историков в период расцвета византийской культуры.

С. П. Маркин

ВИЗАНТИЙСКИЕ АВТОРЫ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ (1945—1965)

1. Резкое сокращение объема переводов византийских авторов во второй половине 20-х и в 30-е годы.
2. Возрождение интереса к византиноведению в послевоенные годы и переводческое дело
3. Круг переведенных в послевоенные годы авторов, выбор их по жанрам.
4. Недостаток внимания к патристике, агиографии и поэзии.
5. Работы С. П. Кондратьева, их существенные недостатки. Необходимость нового, полного перевода Прокония.
6. Переводы византийских авторов и проблемы художественного перевода.

Е. П. Метрели

ДРЕВНЕГРУЗИНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ ГРЕЧЕСКОГО ИРМОЛОГИЯ

1. Ранний грузинский перевод греческих ирмосов, сохранившийся в синайской рукописи 932—940 годов, переписанной в монастыре св. Саввы, выполнен в VIII—IX веках в кругу грузинских переводчиков и гимнографов того же монастыря.
2. Этот перевод, пополняясь новыми переводами, выполненными в той же среде в IX—X веках, составил первую полную редакцию древнегрузинского Ирмология.

3. За неимением древних рукописных списков греческого Ирмология, древнегрузинским переводам придается особое значение, так как они способствуют установлению пределов формирования двух разных типов греческого Ирмология и изучению первоначального состава ирмосов некоторых канонов Иоанна Дамаскина и Козьмы Иерусалимского.

Н. А. Мещерский

К ВОПРОСУ О РАННИХ СЛАВЯНО-ВИЗАНТИЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЯХ

1. Несмотря на наличие отдельных переводов с различных западных и восточных языков, лежавших за пределами византийского культурного круга, основная часть памятников древнейшей славянской переводной письменности восходит все же к греческим оригиналам византийского происхождения.

2. Ранняя эпоха в развитии славянской переводной литературы охватывает время с IX по XII век и, в свою очередь, распадается на три периода: первый, IX век, время деятельности славянских первоучителей и их непосредственных учеников и преемников; второй период, X век, т. н. „золотой век“ древнеболгарской литературы и, наконец, третий период, киевский, XI—XII век, когда центр славянской образованности и культуры перемещается на Север, в пределы Киевского государства. Памятники, создававшиеся во все из трех названных периодов в каком либо одном славянском литературном центре, распространялись с большой быстротой по всему ареалу славянской письменности и культуры, делаясь общеславянским достоянием.

3. Одна из последних по времени работ по древним славяно-византийским литературным связям принадлежит перу покойного И. П. Еремина и была подготовлена им в качестве доклада для V международного съезда славистов в Софии в сентябре 1963 г.¹

¹ См.: И. П. Еремин. О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературах IX—XII вв. Изд. АН СССР, М., 1963.

4. Названный ученый со свойственной ему вдумчивостью обратил внимание на своеобразную „избирательность“, наблюдаемую при сравнении древнейшей славянской переводной литературы с современной ей литературой Византии. Эта „избирательность“ проявилась, в частности, в том факте, что значительная часть произведений византийской литературы, создававшейся в XI—XII вв, оказалась вне внимания славянских переводчиков. Они прошли мимо произведений философского, исторического, беллетристического и др. содержания, созданных их византийскими современниками, и переводили по преимуществу произведения, относимые к раннехристианской эпохе.

5. Наблюдения, сделанные И. П. Ереминым, должны быть во многом уточнены и дополнены. Вне его поля зрения оказались, например, все памятники церковно-юридического („Номоканон“, „Кормчие“) и литургико-гимнологического (Минеи, Октоих. Триоди) содержания. Значительно шире, чем представляется И. П. Еремину, был круг агиографических произведений, переведившихся с греческого тотчас, как только они возникали на византийской почве (Прологи, Синаксари и т. п.).

Нельзя забывать и о многих произведениях светского содержания, нашедших свое отражение в современной им славянской переводной литературе. Вспомним хотя бы о повести „Стефанит и Ихнилат“, написанной по-гречески Симеоном Сифом в 1080 г. и уже в XII веке появившейся в славянском переводе.

6. Следанные нами уточнения и дополнения не снимают основных положений, содержащихся в труде И. П. Еремина, но помогают несколько иначе осмыслить характер отмеченной им „избирательности“, проявлявшейся у древних славянских переводчиков при выборе переводимых памятников византийской литературы, относящейся к их современности.

7. Причинами избирательного подхода к переводимым ими византийским оригиналам со стороны древних славянских переводчиков являлись, как нам кажется, следующие:

а) Практическая полезность тех или иных произведений для нужд развивавшихся славянских государств и культур.

б) Соответствие этих произведений идеологическим системам, определявшим духовную жизнь формирувавшегося феодального общества.

в). Большая простота формы и в соответствии с этим доступность для славянских переводчиков и читателей их языка и стиля.

г). Относительно демократическая направленность переводимых произведений, соответствие их вкусам и привычкам социальных низов Византии, с которыми в первую очередь непосредственно соприкасались славянские переводчики.

Указанными причинами, как нам думается, может быть объяснен факт интереса славянских переводчиков к византийским хроникам (Амартола, Симеона Логофета, Иоанна Малалы) и отсутствие вкуса к произведениям историков: Льва Диакона, Константина Порфирородного, Анны Комнины. Этим же объясняется и предпочтение, оказывавшееся в славянских переводах, произведениям Иоанна Дамаскина перед богословскими трудами Михаила Пселла или Фотия.

Т. Миллер

К ВОПРОСУ ОБ АНТИЧНЫХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ПРИЕМАХ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ IV В.

1. Христианская литература IV в. заимствовала у античной риторики общий принцип орнаментальности и набор ее изобразительных средств. Для выяснения функции этих традиционных изобразительных средств в новом для них контексте христианских произведений нами был исследован текст Иоанна Златоуста, крупнейшего византийского оратора. Объектом изучения был взят один художественный прием — образ моря и связанных с ним атрибутов (буря, волны, плавание, корабль, кормчий, гавань и т. д.). Широко распространенный в античной литературе, этот образ получает новую жизнь в литературе Византии.

2. Морские образы у Иоанна Златоуста распадаются на две группы. В первую группу входит морская лексика в ее общепотребительном стирающемся перепосном значении (буря, бездна, бушевать и т. д.), усиливающим выразительность авторской речи. Вторую группу составляют более сложные описания. Морской образ разрастается здесь в воспроизведение некоторой целостной ситуации (конец, отправляющийся в плавание; корабль,

попавший в бурю и т. д.). И этот образ не только усиливает экспрессию, но и устанавливает определенную схему видения действительности. Он строится автором как своеобразная проекция или картина мира, которая надстраивается над реальными, конкретными отношениями действительности. Ситуация „морское волнение—корабль — кормчий — гавань“ изображается, как аналог ситуации „Житейские дела—человек—свободная воля—умиротворение“. Графаретность форм, диктуемая античной риторикой, приводит к тому, что многочисленные морские образы у Иоанна Златоуста предстают как вариации одной темы, одной картинки. Картинка, таким образом, превращается в штамп, который накладывается на восприятие действительности. Она делается нормативной для того плана реальности, аналогом которого она служит, и как таковая она совмещает в себе две функции: она экспрессивна в силу своего образного материала, она дидактична в силу нормативности воссозданной в этом материале ситуации.

3. Намеченная в рассмотренном тексте Златоуста экспрессивно-дидактическая функция морских образов продолжает жить на протяжении дальнейшей истории византийской литературы. Одним из проявлений этой функции оказывается включение образа моря, как аналога человеческой жизни, в структуру поэтической формы канона в виде ее постоянного компонента.

Ш. И. Нуцубидзе

ИСТОЧНИКИ АРЕОПАГИТИКИ

1. Для выяснения источников ареопагитики из документов, связанных с научной деятельностью Псевдо-Дионисия Ареопагита имеют значение указания автора на самого себя, как мыслителя („моя философия“) и на его „новую теологию“. Все остальные сведения, например, сведения об его литургических нововведениях, о связи с „Генотиковом“ и др. прямого отношения к источникам ареопагитики не имеют.

2. Исследование источников ареопагитики затруднено стремлением Пс.-Дионисия не разглашать сведения о них. Так, напри-

мер, он не только предупреждает об этом адресата своих писаний Тимофея, но скрывает их и от него. Исходя из неоплатоника Прокла, Пс.-Дионисий прикрыл его имя именем своего учителя, Митридата Лаза, сопровождавшего его из Иверии в Византию, куда он был вытребован Императором в качестве заложника. Он заменил это имя вымышленным именем Иеротеоса („Храма божьего“) и прикрыл этой кличкой Прокла, как автора „Теологических Элементов“.

3. Привисывая Иеротеосу свой основной источник „Теологические Элементы“, Пс.-Дионисий, превращает его в христианский памятник, стараясь, повидимому, скрыть его происхождение от язычника Прокла. В таком виде материал „собранный“, как подчеркивает Пс.-Дионисий, его учителем для понятия „первой причины“ и совершенства в образе Иисуса, не мог быть выпущен на греческом языке. Вследствие этого и переработка этого „сборника“ (συνγυμνένα) самим Пс.-Дионисием в работу „Теологические Первообразы“, трактующую о причинах, так же не могла быть пущена в оборот на греческом языке, кроме ее названия и краткой передачи содержания в первых трех книгах „В. И.“.

4. В „Рассмотрении Платоновской философии Прокла“ грузинского философа XI—XII вв. имеется указание, что эта работа Пс.-Дионисия была написана на грузинском языке. Там же Петрици применил к передаче взглядов Пс.-Дионисия метод последнего, использованный в „Теологических первообразах“ в отношении к Иеротеосу.

5. Если этим доказывается, что „Теологические первообразы“ Псевдо-Дионисия были написаны на грузинском языке, то работы имели возможность перевести его с грузинского, и подготовить арабский текст „книги о причинах“, или о „высшем добре“ для перевода его на латинский язык в конце XII в.

Тезис Петрици находит подтверждение у самого Пс.-Дионисия в „Б. И.“. На греческом языке „Теологические первообразы“ никогда не существовали, кроме заглавия „Ἐπιτομὴς τῶν θεολογικῶν“. Этому имеется ряд других доказательств: 1) перевод „Т. И.“ у Сергия из Решаины, 2) отсутствие этой работы в грузинском переводе сочинений Пс.-Дионисия от XI века. 3) изложение содержания „Т. И.“ в вводных трех главах „Б. И.“.

Заключение. Первым документальным источником Пс.-Дионисевских писаний могло быть собрание извлечений из книги Прокла „Т. Э.“, составленных Иеротеосом. Этим определен характер первой работы Пс.-Дионисия — „Теологические первообразы“, посвященной „первой причине“ или „высшему добру“. Эта работа послужила введением в сочинение Пс.-Дионисия „Б. И.“, как основе всей ареопагитики. Оторванная из за языка от ареопагитского корпуса работа Пс.-Дионисия „О первой причине“ или „О высшем добре“, после перевода с арабского до XVII века считалась работой Аристотеля и печаталась в собраниях его сочинений.

С. В. Полякова

О НЕКОТОРЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
РОМАНА ЕВМАТИЯ МАКРЕМВОЛИТА „ПОВЕСТЬ ОБ
ИСМИНИИ И ИСМИНЕ“

1. За романом Евматия Макремволита прочно укрепилась репутация подражательного произведения, основанного на античных оригиналах, главным образом на романе „Левкиппа и Клитифонт“ Ахилла Татия.

2. Подход автора к античной традиции обнаруживает однако, что он не только вносит в античный материал отдельные коррективы, но создает на основе своего оригинала специфически-средневековое произведение, написанное исходя из новых эстетических запросов.

3. Главное новшество Евматия — переработка греческого романа в символично-аллегорическом направлении, характерном для средневекового художественного сознания. Для этой цели вводятся соответствующие изменения в сюжет, концепцию характеров и фон, на котором разворачивается действие.

4. Сложная аллегорическая конструкция романа поддерживается вставными аллегорическими картинками, облегчающими дешифровку предлагаемой автором энигмы.

5. Энигматичность пронизывает роман насквозь, проявляясь в общем замысле и в его стилистическом воплощении: почти каждая фраза построена по принципу загадки.

6. Наряду с аллегорией Евматий пользуется другой тоже чисто средневековой формой организации художественного материала — плюральностью.

Плюральность, т. е. наизывание одинакового или аналогичного обнаруживается в композиции романа (наличие дублирующих друг друга эпизодов) и в его стиле (повторение пассажей, фраз, отдельных слов), отличаясь существенным образом от сходной техники греческого романа.

Г. В. Попова

„ЖИТИЕ АНТОНИЯ ЕГИПЕТСКОГО“ АФАНАСИЯ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК

1. Ценность этого Жития с точки зрения насыщенности его большим содержанием (в сравнении с житиями более позднего времени, написанными Феодоритом Киррским, Палладием, Кириллом Скифопольским, Игнатием): это сказывается в том, что Житие повествует не только о жизни Антония, но и об исторических событиях того времени: о гонениях на христиан при Максимиане (гл. 46, 47), о враждебных действиях ариан и язычников (гл. 82); далее, это сказывается в ярко выраженной полемической направленности Жития — антиязыческой и антиеретической: антиязыческая направленность не только в обличении веры в языческих богов как обожествления тварей (т. е. результата творения создателя) вместо обожествления самого создателя (гл. 76) (такое обличение было общим местом в полемике христианских писателей с язычниками), но и в очень интересном рассуждении Афанасия, вложенном в уста Антония, о преимуществах христианской πίστις над языческой φρόνησις (гл. 77, 78, 80); связь этого рассуждения с общим учением о Логосе Афанасия, полемизировавшего по этому вопросу с арианами (в сочинениях „О явлении во плоти бога-Слова, и против ариан“, „О воплощении бога-Слова и о пришествии его к нам во плоти“); связь этого рассуждения с известным выражением, неверно приписываемым Тертуллиану, — *credo quia absurdum*, которое следует переводить не как „верую, ибо нелепо“, а как „верую, ибо непостижимо разумом“. Антиеретическая направ-

ленность Жития выражается еще и в прямых обличениях ариан (гл. 68, 69), а также в осуждении мелетиа и манихеев (гл. 68):

2. Жанровая характеристика Жития Антония:

С точки зрения житийного жанра рассматриваемый памятник литературы также имеет отличительные черты по сравнению с житийными произведениями последующего времени: его жанровая природа очень сложна: это и биографический энкомий, и христианская проповедь, обращенная к инокам, пребывающим в чужих странах. Формы выражения мысли автора крайне разнообразны: письмо Афанасия — обращение к инокам; письмо Антония военачальнику Валахию, немилосердному гонителю христиан (гл. 86); две прямые речи Антония (его поучение инокам по поводу дьявольских наваждений (гл. 16—43), его ответ языческим философам (гл. 74—80); краткие авторские описания природы (гл. 49); рассказы о чудесных историях (гл. 11, 12, 50, 53), видениях (гл. 82, 89), об обычаях местных жителей (гл. 90).

Благодаря столь разнообразным средствам выражения мысли автора, образ Антония как монашеского идеала, которому должны подражать все иноки, получается живым и убедительным; в обрисовке его также есть черты, выгодно отличающие Житие Антония от других произведений этого жанра более позднего времени: Афанасий рассказывает о социальном происхождении Антония, об его детстве (позднейшие агиографы, как правило, не считали нужным даже упоминать об этом).

Стиль Жития: простота, ясность, безыскусность синтаксических построений, умеренное количество метафор, иногда напыливание сравнений, антитез и риторических вопросов,— все это говорит за то, что Житие написано в духе распространенного в то время литературного направления второй софистики.

Совпадение отдельных выражений в Житии Афанасия с выражениями из „Жизни Пифагора“ и „Антония Диогена“ Порфирия, возможно, свидетельствует о том, что эти сочинения языческого философа были для Афанасия литературным образцом.

3. Вывод: Житие Антония Египетского — первое из дошедших до нас произведений греческой агиографии — представляет собой значительный памятник христианской литературы IV века.

не только по большой насыщенности содержанием, но, можно сказать, по исключительным жанровым достоинствам, которые выгодно отличают его от сложившихся впоследствии трафаретных приемов житийного жанра.

Т. М. Соколова

ΔΡΑΜΑΤΙΟΝ ΜΙΧΑΗΛΑ ΑΠΛΟΥΧΙΡΑ

Михаил Аплухир — мало известный византийский писатель. О его личности и времени жизни (очевидно, вторая половина XII века) можно судить почти исключительно по его литературному наследию, которое, хотя и очень невелико, но тем не менее заслуживает внимания.

Имя Михаила Аплухира (Ἀπλοῦχιρ) или Плохира (Πλόχερος) носит небольшое, написанное ямбическим триметром произведение в драматической форме, так и озаглавленное Δραματίου. Основные действующие лица — Музы, мудрец, невежда. Бедственное положение науки и ученых — вот его тема, занимавшая и других византийских писателей в XII в. (Цецу, Продрома и др.). Сопоставление Δραματίου'а с их сочинениями на ту же тему позволяет не только выявить индивидуальные черты Аплухира, как писателя, прибегающего к редкому в византийскую эпоху жанру, но и полнее охарактеризовать состояние литературного творчества в эпоху так называемого „Комниновского Возрождения“.

Анализ сочинения Михаида Аплухира и будет темой моего сообщения на предполагаемой конференции византинистов в декабре 1965 г. в Тбилиси.

А. В. Урушадзе

ОБ ОДНОМ СВЕДЕНИИ ВИЗАНТИЙСКОГО СБОРНИКА Ἰωνία

1. В византийском сборнике мифологических рассказов Ἰωνία (Violagium) мы находим ряд заслуживающих внимания сведений о Колхиде и колхских племенах.

2. Особое внимание привлекает сведение о Мингрельцах (Мегрелях), которые идентифицируются с кавказскими албанами (Ἀλβανοὶ δὲ οἱ νῦν Μιγκρηλλοί). Такая идентификация восходит к древним источникам.

Л. А. Фрейберг

ТОЛКОВАНИЕ МИФОВ ТРОЯНСКОГО ЦИКЛА В
„ХРОНОГРАФИИ“ ИОАННА МАЛАЛЫ

1. „Хронография“ Иоанна Малалы, рассматриваемая как произведение компилятивное, исследовалась до сих пор с точки зрения использованных автором источников, с текстологической стороны и в плане соотношения ее с византийскими теологическими теориями.

Целью настоящего сообщения является рассмотрение некоторых особенностей „Хронографии“ как произведения византийской художественной литературы.

Одним из самых ярких и увлекательных эпизодов „Хронографии“ является V книга под заглавием „О временах Троянских“, известная в древне-русской литературе как прототип распространенного произведения романического жанра „Троянские деяния“. Упоминание источников в этой книге „Хронографии“ чрезвычайно редко и скудно, что является резким контрастом с предыдущей книгой, касающейся также легендарного прошлого Эллады, и может служить аргументом для доказательства известной самостоятельности автора в передаче едва ли не самого популярного мифологического цикла.

2. Изложение событий Троянской войны дается в виде ряда новелл, содержащих наиболее известные ее эпизоды, которые в ряде случаев получают новые черты, свойственные автору VI века — времени становления византийской литературы, в процессе переосмысления ею античных форм.

Пересказывая мифы, автор вводит ряд деталей реалистического характера. Эти моменты служат иллюстрацией новой ступени в развитии реалистического восприятия человеком окружающего мира. Можно указать, например, на рассказ о жертвоприношении Ифигении, которую сами же ахейцы заменяют

ланью, а затем возвращают отцу, на раскрытие образа Париса, своеобразное обоснование его приверженности Афродите, на его склонность к поэтическому творчеству, на ряд любопытных деталей странствия Одиссея.

3. Малала уделяет большое внимание описанию внешности героев, искусно варьируя эпитеты, изменяя их порядок, вводя неологизмы. Таким способом автором дано более 20 портретов греков и троянцев, мужчин и женщин. Штамм сочетается здесь с индивидуальностью в изображении каждого героя. В этой части повествования мы находим свидетельство взаимодействия изобразительного искусства и литературы.

Указанные моменты отнюдь не исчерпывают все художественные особенности „Хронографии“, но являются лишь отдельными примерами того интересного литературоведческого материала, который содержится в произведении и представляет собой несомненный интерес для исследователя.

Ш. В. Хидашем

НЕОПЛАТОНИЗМ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ

1. Неоплатонизм оказал значительное влияние на средневековую философию, как на Востоке так и на Западе. Правильная оценка влияния неоплатонизма на средневековую философию предполагает правильную оценку самого учения.

2. В советской науке о неоплатонизме высказаны противоположные мнения. С одной стороны неоплатонизм яркое выражение упадка, разложения и вульгаризации античной философии, один из значительных источников средневековой теологии, слияния религии и философии, оправдания откровения. С другой стороны, неоплатонизм противопоставляется теологии, средневековым представлениям и выполняет прогрессивную роль в развитии средневековой философии.

3. Неоплатонизм — противоречивое учение. Оно отражает противоречия стремлений античной и феодальной эпох, их идеологий. Но стремление противоположных идей в неоплатонизме не есть результат их эклектического соединения.

4. Противоположность идей и вытекающих следствий обусловлена в неоплатонизме постановкой основного вопроса философии; отношение полного и бесконечного к неполному и конечному есть отношение противоположностей.

5. Бесконечное, как первопричина, проявляется в конечном. Конечное истекает из бесконечного, как действие из причины. Бесконечное можно определить по его действию. Можно определить, что оно есть, и выразить его положительными предикатами.

6. Первопричина, как бесконечное, отлична и возвышенна над действием, над миром. По действию его (по миру) — можно определить, чем не является первопричина и выразить отрицательными предикатами.

7. В зависимости от этого определяются два метода познания бесконечного. Как исходные положения этих методов, так и знания построенные на их основе, — противоположны. Но в пределах рационального и то и другое — обоснованное знание.

8. Противоположность исходных положений и построенных собственными методами выводов делает неоплатонизм источником противоположных взглядов в развитии средневековой философии. Противоположные средневековым господствующим взглядам идеи берут начало в той части неоплатонического учения, которая получена путем катафатики. Напротив, апофатика сближает неоплатонизм со средневековой теологией и с характерными представлениями эпохи.

9. Преодоление противоположностей проносится в неоплатонизме к области мистики. Мистицизм не может служить основой правильного решения вопроса, но исторически представляет ступень, определенную сложностью вопроса и связанными с ним трудностями.

Т. Н. Чернышева

РУМЫНСКИЙ ВАРИАНТ КРИТСКОЙ ДРАМЫ „ЖЕРТВА АВРААМА“

1. Большое значение в истории греческой литературы имеет драматическая поэма „Жертва Авраама“. Как известно, ее приписывают одному из лучших представителей критской литера-

лугуры, Виндзендо Корнато. Это произведение является результатом поэтической переработки драмы итальянского поэта Л. Грото „Исаак“. От итальянского источника критская драма отличается большей компактностью и психологизмом. Рукопись датируется между 1590 и 1625 г. г. Первое сохранившееся издание Н. Саро, Венеция, помечено 1713 г.

2. Широкая популярность драмы в Греции привела к многочисленным ее переизданиям. Греческие источники свидетельствуют и об устной традиции драмы. Она с успехом до сих пор ставится на сцене греческих театров.

3. Одно из изданий драмы, возможно еще при переселении из Крыма, попало в большое село Сартану, основанное у берегов Азовского моря. Не исключено и сохранение пьесы в устной передаче.

4. Хотя язык „Жертвы Авраама“ Корнато значительно ближе к румейскому (крымскогреческому) языку переселенцев, чем современная литературная димотика, к началу нашего века в пьесе было немало мест трудных для понимания румеев. Поэтому около 1902 г. Сартанский народный поэт Демьян Бгадица записал на родном языке собственную обработку дошедших до него версий критской драмы. Его переработка „Жертвы Авраама“ получила широкое распространение во всех румейских селах, как устная драматическая поэма-песня.

5. Известная советская фольклористка, исследовательница устного и письменного литературного творчества румеев Кассандра Костан (Александра Константиновна Гаргала 1907—1939) располагала записями довольно больших отрывков из румейского варианта „Жертвы Авраама“ и имела возможность сравнить их с текстом греческого издания в Сартане. Она утверждает, что вариант Бгадицы значительно короче критского.

6. К нашему времени текст греческого издания в румейских селах не сохранился. Значительно сократилось число людей, знающих (поющих) более или менее связанные отрывки из „Жертвы Авраама“. Погиб и архив К. Костан. Но во всех селах, где экспедиции Киевского университета в 1953—63 гг. собирали фольклорные тексты на языке румеев, были записаны отрывки из этой драмы.

7. Сопоставляя наши записи и перевод на украинский язык К. Костан плача Сарры, мы можем сделать некоторые выводы:

а. Полный текст румейского варианта „Жертвы Авраама“, к сожалению, еще не удалось восстановить.

б. Начало повествования сдвинуто. У Корнaro драма начинается требованием ангела привести Исаака в жертву. В румейском варианте этому предшествует описание доброты и сердечности Авраама и Сарры, и затем приход ангелов, которые предсказывают старым супругам рождение сына.

в. Текстуально поэма Бгадицы довольно далека от драмы Корнaro. Непосредственно сближаются только вступительные слова Ангела.

г. Лучше всего сохранились монологи Ангела, Авраама и Сарры, т. е. начало поэмы.

д. Язык поэмы — живой разговорный язык Сартаны начала XX в., отличающийся от современного бытового только отсутствием славянизмов.

е. Размер — по сути тот же рифмованный пятнадцатисложник, что и у Корнaro. Но строка решительно ломается по мужской цезуре и в месте излома рифмуется с соответствующей цезурой следующей строки.

8. Представляется необходимым продолжить розыски устных вариантов и старых записей „Жертвы Авраама“ в румейских селах вплоть до восстановления и опубликования полного текста этого памятника, который имеет для нас двойное значение:

а. Это предтеча письменной литературы греков Приазовья (румеев).

б. Это один из наиболее поздних и удаленных от центра вариантов замечательного произведения критской литературы.

З. Н. Алексидзе

К КРИТИКЕ ТЕКСТА «КНИГИ ПОСЛАНИЙ»

(Сообщение об изобретении Маштоцем грузинского алфавита)

1. Третье послание Авраама католикоса Армении к Кириону Мцхетскому содержит сообщение о создании Маштоцем грузинского алфавита. Исходя из этого сообщения акад. И. А. Джавахишвили считал, что легенда об изобретении Маштоцем армянского и грузинского алфавитов существовала по крайней мере с конца VI века.

2. Критический анализ текста «Книги посланий» показывает, что упомянутого сообщения не было в ее первоначальной редакции, оно является поздней интерполяцией и появляется только после X века.

3. «Книга посланий» стоит в одном ряду с теми источниками, по которым Маштоц деятель одного типа с Григорием просветителем и не имеет никакого отношения к созданию грузинского алфавита.

А. А. Белецкий

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЯЗЫКОВЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ
ВИЗАНТИЙСКОГО СТИХОТВОРНОГО РОМАНА О КАЛЛИМАХЕ
И ХРИСОРРОЕ

1. На вопрос о точной датировке стихотворного византийского романа «Повесть о любви Каллимаха и Хрисоррои» (кодекс Скалигера № 55 Лейденской библиотеки стр. 1—57) еще не дано определенного ответа, но большинство византистов датирует его от середины XII в. (Спиридон Ламброс) до конца XIII в. (Отмар Шиссель), то сближая его с «учеными» романами эпохи Комнинов (Э. Макремволит, Ф. Продром, Н. Евгениан, К. Манасси), то с «рыцарскими» романами эпохи Палеологов («Вельтандр и Хрисандза», «Ливистр и Родамна», «Флорий и Пладзиа Флора», «Империй и Маргарона»).

2. Для нас этот стихотворный роман представляет большой интерес как один из первых литературных памятников

новогреческого димотического языка, достаточно полно отражающий особенности разговорной речи упомянутого в тезисе № 1 времени; в этом памятнике сочетаются две языковые стихии византийской эпохи: разговорная речь широких слоев населения Византии и архаизирующая книжная речь грамотеев и правящих кругов византийского общества; язык и слог романа можно рассматривать как образец «мозаичной эволюции» греческого языка византийской эпохи.

3. Исследователи этого романа (С. Ламброс, К. Крумбахер, К. Дитрих, Г. Мегас, Э. Криарас и др.) указывают на связь его с новогреческим сказочным фольклором и на его «греческий характер» (сравнительно с позднейшими «рыцарскими романами»); если этот роман представляет собой литературную обработку сказочного материала, его языковые особенности дают нам основание судить о языке сказочного фольклора XII—XIII вв.; можно утверждать, что в этом фольклоре вполне естественно преобладала разговорная речь широких слоев населения (см. тезис № 2).

4. Само собой разумеется, что отраженная в этом романе разговорная речь во многом отличается от современного нам новогреческого димотического литературного языка и, в то же время, сближается с архаизмами некоторых современных территориальных диалектов новогреческого языка, в частности мы можем отметить некоторые параллелизмы между димотической стихией в языке этого романа и языком румейского (крымскогреческого) фольклора, записанного в румейских селах юговосточных районов Украины.

5. Пользуясь в качестве двух основных моделей (1) архаизирующей речью греческих романов римской эпохи и (2) современным новогреческим димотическим языком можно построить схему лексикограмматической структуры димотической речи XII—XIII вв. на основании изучения особенностей языка «Повествования о любви Каллимаха и Хрисорой»; конечно, такая схема может быть показательной для истории собственно новогреческого языка, но она не может заменить лексического и грамматического описания языковых стихий византийской эпохи, сделанного на основании более обширного фактического материала.

П. А. Берадзе

ФЕОФАН ГРУЗИН

1. В хранилищах древнегреческих рукописей имеются книги, переписчиком которых является известный каллиграф Феофан из Афона.

2. Феофан — деятель конца десятого и первой половины одиннадцатого века, перу которого принадлежат прекрасным почерком переписанные книги. Имя Феофана упоминается в специальной литературе, и образцы его письма приводятся во многих палеографических *specimina*.

3. Георгий Святогорец в своей биографии предводителя Афонского иверского монастыря Евфимия свидетельствует, что Евфимий очень любил Феофана за то, что он, будучи воспитанником монастыря с юношеских лет, переписал книги стоимостью более чем на 1500 дарейков.

4. В это время в Афонском иверском монастыре находились только грузины, ибо доступ не грузинам в монастырь был строжайше запрещен. Это обстоятельство делает несомненным и то, что Феофан был по национальности грузином.

5. Особого внимания заслуживает указание Георгия Святогорца, что Феофан писал книги и «в монастыре и вне монастыря». По нашему мнению, упоминание «книги вне монастыря» нужно понимать иносказательно. Тут подразумеваются книги нерелигиозного содержания. Такая традиция была не чужда Афонскому монастырю, это видно из сохранившихся переписанных на Афоне книг среди которых «Одиссея», рукопись XIII века. Что этот экземпляр переписан именно грузином и на Афоне, свидетельствует приписка Арсения Суханова, который в XVII столетии привез в Москву целую партию греческих рукописей из Афона. На рукописи имеется личная пометка Арсения Суханова $\tau\omega\nu$ $\iota\beta\eta\rho\omega\nu$, а орнаментальный мотив и стиль заставки рукописи выявляет в нем переписчика грузина.

6. Особо следует отметить, что дружба между настоятелем монастыря Евфимием и Феофаном и тем подтверждается, что этот последний переписал греческий текст перевода Авукуры, автором которого является Евфимий.

7. Выясняется, что известный каллиграф XI века Феофан был монастырским деятелем грузином и сотрудником известного грузинского писателя Евфимия Афонского.

Перу Феофана грузина принадлежит ряд весьма художественно выполненных рукописей религиозного содержания. Имеется предположение, что этим же переписчиком могли быть переписаны также книги древнегреческих авторов согласно той традиции, которая имела место в иверском монастыре.

ВИЗАНТИЙСКИЕ ЭКФОНЕТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ В ГРУЗИНСКИХ
РУКОПИСЯХ

1. С IV века в Грузии зарождаются церковное письмо и музыка. Новая религия и новый феодальный строй узаконили на основе античного наследства жанры музыкального и литературно-философского направлений.

2. С IX века в Грузии зарождается профессиональная музыка, а с X века появляются сборники с музыкальными знаками.

3. В грузинских культовых центрах и за рубежом создаются школы песнопения, музыкально-философские трактаты.

4. С XI века для речитативного и мелодекламационного пения с Византии были заимствованы экфонетические знаки.

5. Музыкально-просодические знаки рассматриваются в трудах Иоанна Петрици и Сулхан-Саба Орбелиани.

Е. Э. Гранстрем

УНЦИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВИЗАНТИЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

1. История письма в Византийской империи разделяется на два периода — унциальный и минускульный, из которых последнему уделяется наибольшее внимание.

2. Малое число сохранившихся унциальных рукописей и однообразный характер их содержания затрудняют изучение истории письма и книги в течение первого периода — периода господства унциала.

3. Унциальный период византийской письменности представляет значительный интерес, так как он соответствует периоду складывания важнейших особенностей Византийского государства и византийской культуры.

4. Именно в течение унциального периода были выработаны основные характерные черты византийской рукописной книги.

5. Для советского исследователя унциальный период представляет интерес также и потому, что письменность на Руси возникает именно в период господства унциала в византийской письменности.

6. В рукописных собраниях Сов. Союза хранится около ста пергаменных унциальных рукописей что предоставляет достаточные возможности для изучения византийского

унциала. Однако, при этом нельзя игнорировать литературные папирусы; связь письма литературных папирусов с унциалом на пергамене изучена недостаточно.

С. Г. Каужчишвили

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА ВИЗАНТИЙСКОГО ПЕРИОДА

1. Недостаточность изучения лексики греческого языка византийского периода заставила византинистов всех стран принять меры к дополнению Словаря Дюканжа (*Glossarium Graecitatis*). Вопрос о переиздании Словаря Дюканжа обсуждался в академических сферах еще со времен Тафрала (в последнее время обсуждался с участием А. Гейзенберга и Фр. Дёльгера). Поскольку занятия Византией в России обратили на себя всеобщее внимание, было сочтено необходимым привлечь русских византинистов и эллинистов (а также славистов) к совместной работе по подготовке материалов для дополнения Словаря Дюканжа.

В связи с этим была создана при Российской Академии Наук Русско-Византийская Комиссия, одной из главных задач которой являлась подготовка материалов для переиздания Словаря Дюканжа. Отчеты о работах этой Комиссии систематически помещались как в „Византийском Временнике“, так и в „Известиях РАН“ и сообщались даже предварительные заметки об отдельных греческих словах, получающих новое освещение (см. напр., о *Καπάλιον* в ВВр XXIV [1926] и XXV [1928]).

2. Важные материалы по истории византийско-греческого языка дают древнегрузинские переводы памятников византийской письменности. К таким материалам относятся кроме чисто теологических текстов и текстов Священного писания, переведенных еще в V—VII веках, и переводы *Antiquitatum Иосифа Флавия*, философского трактата Прокла Диалоха, романа „Галактион и Эпистимия“.

3. С помощью этих переводных памятников удастся, с одной стороны, уточнить значения известных греко-византийских слов (напр., *δεξιολάβος, διάφορος, διορύσσω, λαμπηνικός, λιφαρνέω*), с другой стороны, установить некоторые новые формы греческих слов (напр., *διαγελασμός, διαπαιγνός*), нигде не засвидетельствованных в лексикографической литературе.

ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ КАЗРЕТИ

1. Дманисской археологической экспедицией в 1964 г. около села Казрети найдены фрагменты пьедестала стелы с греческой надписью. Она в восстановленном виде читается следующим образом: ὑπὲρ εὐχῆς Συμεῶνου καὶ Ἀουλιανοῦ μετὰ παντὸς τοῦ οἴκου αὐτῶν. Κύριε, βοήθει Θεόδωρον. В переводе она значит: «В моление за Симеона и Авлиана вместе со всем их домом. Господи, помилуй Федора».

2. Надпись по палеографическим и языковым данным можно датировать VII—IX вв. Она дает интересный материал для средневекового греческого языка.

3. Надпись знакомит нас с деятелями древней Грузии — знатными должностными лицами — Симеоном и Авлианом и скульптором — Федором.

4. Хотя надпись сделана на греческом языке, но это вовсе не означает, что упомянутые в ней лица — Греки. После распространения христианства греческий язык является как бы официальным языком для целого ряда православных стран, в том числе и для Грузии. Греческая надпись из Казрети на территории Грузии не является в этом смысле единственной (ср. с греческими надписями из Бичвинты, Сепиети, Вашшари, Атени и др.).

М. М. Котыленко

О ВЛИЯНИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ЯЗЫКА НА
ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЙ В ОБЛАСТИ ФРАЗЕОЛОГИИ

1. Термином «древнеславянский литературный язык» в современной палеославистике (Н. И. Толстой, В. Ф. Мареш, В. А. Анохина, А. И. Журавский) принято обозначать единый литературный язык южных славян (IX—XVIII вв.), восточных славян (X—XVIII вв.), мораван (чехов) (IX—XI вв.) и влахо-молдаван (XIV—XVIII вв.). В настоящем сообщении рассматриваются памятники, написанные на болгарской и восточно-славянской разновидностях этого языка в X—XII вв.: церковно-учительные произведения жития, хроники, переведенные с византийского языка.

2. Предметом серьезного исследования было лишь синтаксическое и лексическое влияние византийского на древнеславянский. Фразеологические заимствования (кальки)

выявлены в незначительной степени и почти совершенно не изучены. Между тем, именно византийская фразеология оказала, по нашему мнению, наибольшее воздействие на древнеславянский, а через него и на современный русский литературный язык.

3. Термином «Фразеология» в настоящем сообщении обозначается научная дисциплина, охватывающая не только образования единичного контекста, но и вообще все отмеченные сочетания лексем. Предметом фразеологического изучения являются как сочетания типа лексема+лексема («бить баклуши», «закадычный друг»), так и сочетания типа лексема+группа лексем (др.-сл. понти--с названиями лиц; русск. будить—а) названиями одушевленных предметов: будить человека, мальчика, зверя, медведя...; б) с названиями чувств: будить мужество, любовь, отвагу...)

4. Древнеславянский язык испытал прежде всего влияние евангельского койнэ, а затем уже весьма близкого к нему литературного византийского. Дифференцировать влияние этих двух языков зачастую не представляется возможным. В тех случаях когда сочетание— источник, зарегистрированное в учительных, житийных или исторических сочинениях, отсутствует в библейских текстах, мы считаем возможным предположить, по крайней мере, византийское посредство.

5. Другую трудность представляет отграничение греческого фразеологического материала от совпадающих с ним по структуре и семантическим признакам исконных славянских (возможно индоевропейских) сочетаний. Существенную помощь в данном случае оказывает изучение древнеславянских сочетаний на широком сопоставительном фоне— с привлечением древних и новых славянских языков.

6. Высказанные выше соображения учтены в приводимых ниже примерах фразеологического воздействия византийского на древнеславянский. Отобраны лишь некоторые из многочисленных сочетаний, проникших из византийского через древнеславянский в современный русский литературный язык.

А. Индивидуальная сочетаемость

(лексема+лексема)

Хранити тайно Встречается в „Житии Нифонта“, в „Дупрасльской рукописи“ и в „Хронике Георгия Амартола“. Соответствует визант. μυστήριον κρύπτειν и φυλάττειν μυστήρια. На византийской почве в сочетании с субстантивной лексемой μυστήριον глагол φυλάττειν (собственно „охранять“. „стеречь“) сближается

с глаголом *κρύπτειν* („скрывать“). Это дало основание древнеславянским переводчикам употреблять в обоих случаях один глагол хранить. Сочетание хранить тайно обладает сильной идиоматичностью; все другие сочетания с глаголом *κρύπτειν* переводятся с помощью глагола таити.

Оустроити съвѣт... Встречается в „Хронике Георгия Амартола“ и в „Истории Иудейской войны“ Иосифа Флавия. Визант. соответствие *συσχευάζειν βουλήν*. В евангельском койнэ — *λαμβάνειν βουλήν*, которое переводится присти или (съ)творити съвѣтъ.

Есть данные в пользу визант. происхождения встречающихся в болгарских и древнерусских хрониках сочетаний Взложити Вѣнецъ; дати вѣрма, клятв. свобод; покрыти грѣхъ; просити прощения; судръжати гнѣвъ и др.

Б. Групповая сочетаемость

(лексема + группа лексем)

Прѣдати чьто (кого) чему со значением „подвергнуть какому-либо действию“, „привести в какое-либо состояние“. См. напр., в „Житии Нифонта“; Ангели... тя... Вѣчьномуу огню предають — *ἄγγελοι... τε... τῷ αἰώνιῳ πυρὶ παραδώσουσιν*. 362, 24; предати телеса земли — *τὸ σῶμα τῆ γῆ παραδοῦναι*. 371, 33.

Привести вритьчѣ, слово, съмысль, разоумь... со значением „подкрепить словом или мыслью свое мнение“. Подобные сочетания часто встречаются в „Супрасльской рукописи“ и в житиях. Визант. соответствия *προάγειν παραβολήν, λόγον, νοῦν, διάνοιαν*. Ср. совр. русск. привести мысль, пример, притчу, цитату.

Дати засушьницѣ, ранѣ, ... - визант. *διδόναι ῥάπισμα, πληγήν, ῥάβδον* — сочетаемость, встречающаяся в житиях и хрониках. Ср. совр. русск. Дать затрещину, оплеуху, пощечину, шлепок.

Как видно из примеров, заимствованная из византийского групповая сочетаемость нередко расширяется, наполняется новыми лексемами на русской почве.

7. Изучение византийского влияния на древнеславянский язык в области фразеологии полезно не только для славяноведения, но и для византинологии, поскольку оно позволяет выяснить сдвиги в значениях лексем и их сочетаемости; возникавшие в среднегреческой языковой среде.

У И ЕГО ГРУЗИНСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

1. В греческом языке первоначально звук [u] передавался буквой ο (βδν, τότο, ὄδε, ὄς, βολεῖ...). Позже для этой цели был введен ὕ (υ). В преисторическую эпоху ионийско-аттическое произношение υ переходит в у (= [i]), что, в связи с общей тенденцией передвижения артикуляции вперёд, впоследствии даёт звук [i].

В новогреческом языке υ произносится как [i].

2. Грузинские источники V—XVI веков показывают все этапы звуковой эволюции υ. Его соответствием в грузинском являются უ, ჳ, ო. Из них основным является ჳ, реже всего встречается უ. Преобладание ჳ для передачи υ в источниках IX—XIII веков показывает неизбежность коренного греческого произношения в этот период.

3. Грузинское ჳ рассматривается не как дифтонг უო, который он часто передаёт в древнегрузинском, но как звук между უ и ო, монофтонг. А изображение дифтонга უო буквой ჳ доказывает, что дифтонг უო монофтонгизировался и произношение его приблизилось к произношению ჳ.

4. Грузинские материалы показывают, что чередование дифтонга ოι и υ не связано с итализмом. ოι в этих источниках главным образом передаётся через ჳ, так же, как υ: დობჯო (διάνοια), პარჯიო (παροικία), პრბჯო (πρόβουλα) и др. Можно полагать, что монофтонгизация ოι в этом направлении (→ ჳ) происходила на такой ступени развития греческого языка, когда ოι = u + i: ო = [u].

5. Грузинское соответствие ო [i] для υ в основном засвидетельствовано в соседстве с лабиальным звуком. Можно допустить, что процесс υ → [i] начался в этой позиции. Поэтому он рассматривается как результат делябиализации звука υ на греческой же почве.

6. Соответствие უ главным образом встречается в заимствованиях из разговорной речи (აუტრა, პბოჯუტო, ეტუმე, სუტროტობ...) и является выражением новой тенденции в среднегреческом языке усиления υ в ოυ под влиянием иноязычных звуков Малой Азии. Только незначительное количество слов (აუტროტურელო) сохранило древнегреческое произношение υ как [u].

ЖИТИЕ МАР-АГВИНА И ЕГО НОВООТКРЫТЫЙ
ДРЕВНЕАРМЯНСКИЙ ПЕРЕВОД

(Из источников Фауста Бузанда)

1. Мар Авгин является основоположником движения пустынников в странах Ближнего Востока, движения, представляющего собой форму выражения социального протеста. Мар Авгин примкнул к тем, которые в Египте во главе с Пахомием создали первую общину пустынников. Впоследствии Мар Авгин со своими учениками числом около 70 человек покидает Египет и обосновывается на горе Бейт Зала около города Нисибина.

2. Житие Мар Авгина, этого крупного деятеля IV века написал его ученик Михаил во второй половине того же века. Это житие, как и жития некоторых других учеников Мар Авгина, которые дошли до нас, очень ценны тем, что они дают нам возможность более точно и полно представить распространение христианства и движение пустынников в странах Ближнего Востока в первых десятилетиях IV века.

3. В рукописи № 1522 Ереванского Матенадарана имени Маштоца сохранился древнеармянский перевод части жития Мар Авгина, по ошибке считающейся житием Иакова Нисибинского. Имя Мар Авгина в древнеармянском переводе приводится в форме «Маруге». Предположение акад. Р. Ачаряна о том, что Маруге происходит от сирийского слова «мернка», означающего «чистый», неверно, так как «мар» в имени «маруге» означает «владыка», «господин».

4. Древнеармянский перевод жития Мар Авгина в отдельных местах отличается от сирийского оригинала. Древнеармянский текст имеет краткое предисловие, составленное на основании жития Иакова Нисибинского, написанного Феодоритом Киррским, и послесловие, где использован армянский фольклор.

5. Согласно сирийскому житию Мар Авгина, Иаков Нисибинский приезжает в Армению дважды: в первый раз в поисках остатков Ноева ковчега на горе Карду и второй — в Кордуену — и проповедуя христианство доходит до города Саргуги. Саргуга по этому житию был построен сыном Синахериба Шарасаром, или Санасаром, который там же основал языческий храм, посвященный культу своего отца, продолжавшему существовать там вплоть до прихода христианских проповедников. Последние распространяют там

христианство и строят школу. Город Саргуга в армянских источниках и фольклоре назван Сасуном.

6. Армянский историк V века Фауст Бузанд в своей «Истории Армении» использовал в качестве источника и житие Мар Авгина.

Г. М. Прохоров

ПРЕДИСЛОВИЕ К ОДНОМУ ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ СОЧИНЕНИЙ ИОАННА КАНТАКУЗИНА

Греческая рукопись № 233 $\left(\frac{143}{\text{'XIV}}\right)$ Синодального собрания московского Государственного Исторического Музея относится ко второй половине XIV века и, очевидно, современна Иоанну-Иоасафу Кантакузину (ум. в 1383 г.), автору содержащейся в ней богословской полемики с Прохором Кидонисом.

Сочинение написано после июня 1367 г., когда Кантакузин предлагал папе созвать восьмой вселенский собор, и до апреля 1368 г., когда пятый исихастский собор осудил мнения латинофила Прохора Кидониса.

Антиисихастское выступление Прохора Кидониса можно рассматривать как идеологическую подготовку к поездке императора Иоанна V Палеолога в Рим, а полемику с ним Кантакузина — как борьбу за общественное мнение с императором накануне этой поездки т. е. как продолжение старого соперничества Кантакузина с Палеологами.

В предисловии Кантакузин кратко излагает историю исихастских споров и даёт её периодизацию, которая может служить периодизацией эволюции исихазма от способа отшельнического подвижничества до господствующей идеологии православной церкви и её международной политики.

Эта работа Кантакузина, наряду с другими недавно изданными его сочинениями, позволяет составить более отчётливое представление о его деятельности после принятия монашества о его оценке современных ему событий и о его роли в истории утраты государством Палеологов власти над греческим народом и обретения её церковью.

А. Тер-Гевондян

ОТНОШЕНИЕ НОВОНАЙДЕННОЙ АРАБСКОЙ РЕДАКЦИИ ИСТОРИИ АГАФАНГЕЛА К ГРЕЧЕСКОМУ АГАФАНГЕЛУ

Открытие арабской редакции Агафангела (Арабский Агафангел) в Синайском монастыре, после II мировой войны

Арабский Агафангел является переводом греческого Агафангела. Арабская редакция повторяет греческие формы армянских собственных имен и даже ошибки греческого перевода Агафангела.

Новая арабская редакция переведена с более подлинного греческого перевода, чем дошедшая рукопись (флорентийская) греческого Агафангела. Значение **данных новых** греческих текстов Агафангела для этого вопроса.

Гречизмы в тексте арабского Агафангела.

Соотношение арабского Агафангела с греческим и армянским. Арабская редакция совпадает с греческим и армянским Агафангелом во всех основных частях и сокращена только в последних разделах.

Вопрос о начальном отрывке (Восстание Арташира Сасанида против Артавана) в греческом Агафангеле. Новое доказательство опровергающее его подлинность.

Соотношение трех редакций (армянский, греческий и арабский) Истории Армении Агафангела с двумя редакциями (греческий и арабский) т. н. «Жития» Григора.

Э. Г. Хинтибидзе

ГРУЗИНСКИЕ ВЕРСИИ «АСКЕТИКОНА» ВАСИЛИЯ КАПНАДОКИЙСКОГО И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ГРЕЧЕСКОЙ РЕДАКЦИИ

1. «Аскетикон» Василия Капнадокийского (Кесарийского) - книга, весьма распространенная в средние века. До нас дошли свыше 150-ти рукописей этого сборника. Сохранившиеся рукописи подразделяются на несколько редакций (рецензий).

В последнее время большая работа по изучению «Аскетикона» проделана французским ученым Ж. Грибомоном

2. Нами установлено, что на грузинском языке сохранилось 4 редакции «Аскетикона»: С (Кутаисская № 61), Р (Тбилисская А-63), Е (Тбилисская А-689 и А-132), Г (Сирийская № 35).

3. Редакция С представляет собой сокращенный вариант редакции Е, принадлежащий неизвестному грузинскому автору. Редакция Р относится к типу «смешанной вульгаты». В ней сохранен текст, сходный с текстом V 9 (парижская рукопись, греч. фонд 502 А). Е редакция переведена на гру-

зинский язык в XI веке Ефремом Мцире. Ефрем Мцире имеет под рукой несколько греческих рукописей типа «смешанной вульгаты». В основном оригинале редакции Ефрема повидимому был представлен текст типа V II (Ватиканская рукопись греч. фонд 1088). Редакция переведена не позже X в. грузинским переводчиком Прокопием. Этим версии родственны латинская и сирийская редакции R1 и Rs, представленные в рукописях VI века, а также редакция В греческой рукописи XII в. (Ватикан, Барберини, греч. фонд. 473 (IV, 58).

4. Византинологи пытаются установить первоначальную редакцию «Аскетикона». В настоящее время восстановлены три древнейшие версии: V y, x. Самая древняя из них X, которая устанавливается на основании рецензий: G, R1, Rs, B.

Из этих рецензий наиболее значительная G грузинская, синаяская. В ней почти без изменения сохранена X, которая на сей день считается древнейшей редакцией «Аскетикона».

В. С. Шандуровская

ПАМЯТНИКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ СФРАГИСТИКИ В ЭРМИТАЖЕ

Памятники сфрагистики представляют собой важный источник для изучения истории и истории культуры Византии IV—XV вв.

Предназначавшиеся для скрепления официальной и частной корреспонденции и обечатывания таможенных товаров свинцовые подвесные печати (моллидовулы) точно передают реальную действительность. Обращение к ним открывает широкие возможности для ознакомления со сложным административным устройством империи, со структурой ее государственного, гражданского, военного, церковного аппарата, с иерархией феодального общества.

Печати дают ценный материал при исследовании таких вопросов, как история общественных движений (напр. иконоборчество), роль города в жизни Византии, культурно-исторические и торговые связи внутри империи и связи с сопредельными странами, и т. д.

Исключительную ценность имеют моллидовулы для хронографии.

Сведения, представленные в легендах печатей (имена, фамилии, чины, звания, должности и т. д.) в сопоставлении с данными других источников, позволяют сделать наблюдения, интересные как для характеристики самих владельцев печатей, так и современной им общественной среды.

Надписи печатей могут быть использованы также при изучении литературы и языка (метрические легенды, двуязычные надписи).

Рассмотрение типов изображений (Богоматерь, Христос, святые) имеет большое значение для византийской иконографии. Характер исполнения этих изображений знакомит нас с искусством гравиров.

Собрание моливдовулов Государственного Эрмитажа в Ленинграде включает свыше 12 тысяч экземпляров. Его основу составляют печати б. Русского Археологического Института в Константинополе (около 5 тыс.) и коллекция акад. Н. П. Лихачева. Часть памятников (она незначительна по сравнению с общим количеством печатей) была издана в „Каталоге моливдовулов РАИК“ Б. А. Панченко, в работах Г. Шлюмберже, в исследованиях Н. П. Лихачева. Рукописное наследие последнего ждет своей публикации.

Из представленных в коллекции Эрмитажа печатей (эпиграфического и иконографического типов), моливдовулов с надписями более 8 тысяч.

На основании чтения надписей в настоящее время ведется работа по классификации печатей. Соответствующие указатели: именной, географический, иконографический, указатель титулатуры предусматривают полное раскрытие коллекции.

Классификация материала позволила выделить отдельные памятники и группы памятников, заслуживающие внимания исследователей. В качестве примера можно привести печати, владельцами которых были лица, упоминаемые в „Алексиаде“— произведении известной византийской писательницы Анны Комниной. Среди них император Алексей I Комнин, его мать Анна Даласина, знаменитый полководец Евматий Филокалис, медик императора Михаил Пантехнис, Григорий и Елифаний Каматирь, Лев Никерит и др. Имена ряда действующих лиц, зани-

мавских военные и государственные потты при Алексее I, можно найти в нарративных источниках и документах.

Основным в работе над моливдовулами эрмитажного собрания является датировка последних. Раскрытие легенды, ознакомление с характером изображения, изучение палеографических особенностей письма—исходные моменты для хронологического определения памятников в целях введения их в научную литературу. Завершением исследования будет каталог моливдовулов Эрмитажа.

Указатель

- Абрамишвили Т. Я. 88
Аверинцев С. С. 99
Аладашвили Н. А. 52
Алибегашвили Г. В. 53
Алексидзе А. Д. 100
Алексидзе З. 121
Амиранашвили Ш. Я. 55
- Банк А. В. 60
Барнавели С. В. 61
Бартикян Р. М. 3
Белецкий А. А. 121
Беляев С. А. 89
Берадзе П. А. 122
Брайчевский М. Ю. 4
- Вздорнов Г. И. 63
Вирсаладзе Т. Б. 64
Вольская Л. И. 66
- Гадло А. В. 5
Гвахария В. А. 124
Гозалишвили Г. К. 7
Голейзовский Н. К. 101
Гранстрем Е. Э. 124
Гунба М. М. 8
Гусейнов Р. А. 9
- Дондуа В. Д. 11
Залесская В. П. 91
Иванова И. А. 68
Измайлова Т. А. 69
Каждан А. П. 101
Каковкин А. Я. 70
Каухчишвили С. Г. 125
Каухчишвили Т. С. 126
Кечагмадзе Н. Н. 102
Киквидзе А. 12
Колесникова Л. Г. 93
- Копыленко М. М. 126
Кукава Т. И. 103
Курбатов Г. Л. 31
Кучма В. В. 15
- Лебедева Г. Е. 17
Леквинадзе В. А. 94
Липшиц Е. Э. 20
Литаврин Г. Г. 20
Лихачева В. Д. 72
Ломоури Н. Ю. 23
Лордкипанидзе О. Д. 24
Любарский Я. И. 104
- Маркиш С. П. 106
Махарадзе Н. А. 129
Медведев И. П. 25
Мелконян Г. Г. 130
Метревели Е. П. 106
Мещерский Н. А. 107
Миллер Т. А. 109
- Нодиа И. М. 28
Нуцубидзе Ш. И. 110
- Овчинникова Е. С. 78
- Пигулевская Н. В. 29
Подобедова О. И. 73
Полякова С. В. 112
Поляковская М. А. 30
Попов Г. В. 76
Попова Т. В. 113
Постникова М. М. 77
Прохоров Г. М. 131
- Рутенбург В. И. 31
Рындина А. В. 79
- Сметанин В. А. 32
Соколова И. В. 94

Соколова Т. М 115
Сюзюмов М Я 33
Тер-Гевондян А П 131
Удальцова З. В. 38
Урушалдзе А В 115
Филатов В. В 81
Фихман И Ф 46
Фрейберг Л А 116
Фрейденберг М М 48
Хидашели Ш 117
Хинтибидзе Э. Г 132
Хускивадзе Л 82

Чернышева Т. Н. 118
Чубинашвили Г Н 82
Чубинашвили Н. Г 83
Шандровская В С. 133
Шевякова Т. С 84
Шервашидзе Л А 96
Шмерлинг Р О 86
Щенкина М В 87
Юзбашян К Н 51

**Пленарные заседания и работы секций
будут проведены**

Пленарные заседания — Актный зал ТГУ (просп. И. Чавчавадзе 1).

Секция истории и истории права — Аудит. № 93 ТГУ (просп. И. Чавчавадзе 1).

Секция истории искусства — Аудит. Музея Грузии (ул. Пурцеладзе 1).

Секция археологии и архитектуры — Зал заседаний АН (ул. Дзержинского 8).

Секция истории общественной мысли и литературоведения — Институт Востоковедения (ул. Цхакая 10).

Секция филологии и вспомогательных дисциплин — Институт Востоковедения (ул. Цхакая 10).

Подписано к печати 9. XII. 1965 г.

Печатных листов 8,75.

Учетно-издат. 8,56.

БЕСПЛАТНО

Заказ 2131

УЭ 02701

Тираж 500

თბილისის უნივერსიტეტის სტამბა, თბილისი, ი. ჭავჭავაძის პროსპექტი, 1.
Типография Тбилисского университета, Тбилиси, пр. И. Чавчавадзе, 1.